

З. А. Ментешашвили

БЕРБЕРЫ

в общественно-
политической
жизни
Марокко

(50-70-е годы XX в.)

32H
M-50
133
Тбилисский
Ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет
(Е. Инфанти-
нашвили)

З. А. Ментешашвили

БЕРБЕРЫ

14504
в общественно-
политической
жизни
Марокко

(50-70-е годы XX в.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

Е. Инфантинашвили

Ответственный редактор

Р. Г. ЛАНДА

Первое в советской литературе монографическое исследование по новейшей истории берберов. Рассмотрены социально-экономическая организация берберских племен, определяющая их место в этносоциальной структуре марокканского общества, межэтнические отношения в стране, а также французская колониальная политика в отношении берберов; освещаются особенности и формы участия берберской помещичье-буржуазной верхушки в политической жизни современного Марокко. Подробно исследуется эволюция берберского партикуляризма и освещаются попытки западных держав использовать его в интересах неоколониалистской политики в Марокко.

М 0506000000-022
013(02)-85 20-85

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

Введение

Берберская этносоциальная группа в Марокко мало изучена, и определение ее места в общественно-политической жизни,— пожалуй, одна из наиболее сложных проблем в новейшей истории страны. Берберы, до наших дней сохранившие свой язык и связь со своими племенами, играли и играют важную роль в общественно-политической жизни страны. К началу XX в. они составляли 85%, а в настоящее время почти 55% всего населения Марокко¹ [25, с. 20]. В годы протектората французские колонизаторы стремились сохранить политическое и экономическое влияние берберской племенной верхушки. Им удалось в значительной степени противопоставить берберов арабскому населению Марокко, последствия чего ощущаются до настоящего времени. Разжигавшиеся французской администрацией партикуляристские и даже сепаратистские настроения среди берберов до сих пор негативно сказываются на общественно-политической жизни страны. После достижения независимости правящий королевский дом старался использовать берберскую родо-племенную знать для противопоставления ее демократическим силам.

Непрерывно ухудшающаяся экономическая и социальная обстановка в Марокко создает благоприятные условия для деятельности берберских партикуляристов. При определенных обстоятельствах берберское движение может быть использовано империалистами для обострения межэтнических отношений в стране. Это предположение основано на многочисленных фактах марокканской истории, свидетельствующих о том, что колонизаторы не раз успешно использовали противоречия между арабами и берберами для достижения своих целей.

Распространению берберского партикуляризма способствует и деятельность берберских эмигрантов, со-

ставляющих 80% всех выезжающих из Марокко на заработки в Западную Европу, в основном во Францию, а также в Бельгию, ФРГ, Швейцарию, Швецию и т. д.

Большая часть политических деятелей берберского происхождения связана с западными странами, в первую очередь с США и Францией, и рассчитывает на их поддержку, что позволяет этим державам использовать берберскую этносоциальную группу для оказания давления на марокканские правящие круги. В настоящее время в научных и культурных центрах США и западноевропейских стран изучению различных аспектов жизни берберов уделяют большое внимание.

Анализ официальных выступлений членов правительства, берберских политических руководителей, материалов местной арабской и французской прессы, а также специальных исследований марокканских и иностранных авторов показывает, что берберская этносоциальная проблема играет все большую роль в политической жизни современного Марокко.

Заострение внимания на некоторых аспектах исследуемой проблемы обусловлено не только чисто научным интересом (история берберов в советской ориенталистике все еще слабо исследована), но и тем, что в современном Марокко берберская военно-бюрократическая элита играет важную политическую роль. Кроме того, хотя берберский партикуляризм пока не принял острого и открытого характера, тем не менее он оказывает все возрастающее влияние на внутреннюю социально-политическую жизнь страны.

Берберская этносоциальная группа стала важным фактором политической жизни страны после окончания второй мировой войны, но особенно с начала 50-х годов, когда ее позиция стала влиять на судьбы освободительного движения. После завоевания независимости возникла и берберская политическая партия «Народное движение», которую власти старались использовать для противопоставления оппозиционно настроенным демократическим силам марокканских арабов. В 70-е годы наблюдается политическая активизация марокканцев вообще, берберов в том числе, чему способствовали политические кризисы конца 60-х — начала 70-х годов, разоблачения коррупции правящих верхов, рост социальных и экономических противоре-

чий. Все это объясняет выбор нами 50—70-х годов как хронологических рамок настоящей работы.

Теоретической и методической основой данного исследования являются высказывания основоположников марксизма-ленинизма об образовании классов, о классовой борьбе, о роли идеологии в жизни общества, о разложении феодализма и складывании национальных государств, о развитии капитализма и особенностях общественного развития в странах Востока. Большую ценность представили для нас работы руководителей Партии прогресса и социализма (ППС) Марокко тов. Али Яты и Абд аль-Азиза Беляля, а также теоретические материалы, публиковавшиеся в центральном органе ППС газете «Аль-Баян», издающейся на арабском и французском языках.

В ходе работы над монографией были изучены фонды библиотек Москвы, Ленинграда, Тбилиси, но особенно Рабата и Касабланки (во время научной стажировки в Марокко в 1978—1979 гг.). Часть материалов была собрана автором в результате посещения городов Марракеш, Мекнес, Таза, Мулай Идрис, Лараш и прилегающих к ним берберских деревень. Некоторые интересовавшие автора вопросы были выяснены во время бесед с марокканскими учеными.

Неразработанность и сложность темы потребовали привлечения и критической обработки большого объема информации из официальных марокканских и международных изданий по экономической и демографической статистике, а также правительственных отчетов, сборников документов по внутренней политике, мемуаров государственных деятелей, касающихся темы исследования. Названные источники содержат ценные данные о социальном и национальном составе, численности и религиозных верованиях населения Марокко, о проблемах экономического развития страны, а также миграции марокканцев. Кроме того, в работе использованы статьи из общественно-политических и экономических журналов Марокко, Франции, Англии, США и ФРГ.

Ценный фактический материал содержится в марокканской прессе, как в проправительственной («Ле Матэн дю Саара», «Марок-Суар», «Аль-Магриб», «Аль-Мисак») ², так и в оппозиционной («Аль-Баян» ³, «Либерасьон» ⁴, «Аль-Алям» ⁵). Указанные газеты по-

могли составить картину некоторых межэтнических отношений и социально-политических аспектов жизни страны. Дополнительным источником послужила современная французская и англоязычная пресса.

В ходе написания монографии очень полезными автору оказались общетеоретические работы Б. Н. Пономарева, К. Н. Брутенца, Р. А. Ульяновского, в которых творчески развивается марксистско-ленинское учение о современных национально-освободительных революциях, а также труды А. А. Искендерова, Г. Ф. Кима, М. С. Лазарева, Р. Г. Ланды, Г. И. Мирского, Н. А. Симонии, посвященные национальному вопросу и антиколониальному движению в развивающихся странах, а также общественно-политическому развитию этих стран.

В нашей стране первые серьезные исследования по истории Марокко появились в последнее десятилетие. Наиболее значительный вклад в разработку новой и новейшей истории Марокко внесли труды В. Б. Луцкого и Н. С. Луцкой, содержащие обстоятельный научный анализ особенностей развития исторического процесса и социальной структуры Марокко в новое и новейшее время.

Среди работ, посвященных отдельным вопросам новейшей истории стран Магриба, и в частности Марокко, мы использовали труды советских авторов, изданные в 20—30-е годы. Из них наше внимание в первую очередь привлекли монография выдающегося деятеля КПСС, известного советского полководца и крупного военного специалиста М. В. Фрунзе, проникнутая глубоким восхищением героической борьбой марокканского народа против французских и испанских захватчиков, а также книги Д. Лебедева и М. Павловича, в которых прослеживается ход национально-освободительного движения марокканского народа в горах Рифа в середине 20-х годов и показана империалистическая политика европейских держав.

При исследовании вопросов социально-экономического и политического развития Марокко 50—60-х годов XX в. существенную помощь оказали труды Р. М. Авакова, В. П. Верина, А. Г. Вирабова, Ю. Головина, С. Датлина, В. К. Катина, В. И. Максименко, А. С. Солоницкого, Г. Н. Уткина.

Для анализа изменений конкретно-исторической об-

становки в странах Ближнего Востока и Северной Африки, их социально-политической и идеологической эволюции привлекались работы академика Е. М. Примакова и других советских арабистов — Ф. М. Ацамба, В. И. Гусарова, Н. А. Иванова, О. Ш. Каджаи, Л. Н. Котлова, Н. О. Оганесяна, подробно освещающие различные этапы и проблемы общественно-экономического развития и национально-освободительного движения в арабских странах. Учтены также результаты общественного развития и многоукладности экономики стран Ближнего Востока и Северной Африки (работы А. И. Левковского), особенности национально-освободительных революций народов этого региона, роль армии в развивающихся странах [78; 88].

При исследовании социально-экономической политики французской колониальной администрации и хода национально-освободительного движения в Марокко наряду с некоторыми документальными материалами были использованы монографии ряда западноевропейских, в основном французских и английских, а также американских немарксистских авторов. Марксистскими являются лишь труды работающих в Марокко А. Аяша и Ж. Аяша.

Для многих других авторов характерна апологетика французской колониальной политики, «благотворного» влияния Франции на экономическую и политическую жизнь Марокко. Некоторые из них утверждают, что у берберов якобы нет ни принципов, ни программы, ни политической ориентации, ни социальных корней.

Подобные сведения об истории берберских племен содержит серия книг под названием «Города и племена Марокко», а также «История Северной Африки» Шарля-Андре Жюльена. В работах Луи Жантлья, Р. Монтаня, Р. Леви освещена не только жизнь племен Марокко, но и деятельность королевского правительства (*махзана*) в стране, становление и укрепление власти вождей племен, стремящихся создать местные династии.

Большинство перечисленных работ западных авторов, как и других буржуазных исследователей, ценны для нас главным образом богатым фактическим материалом и ценными наблюдениями, помогающими лучше разобраться в лабиринте социально-экономических процессов, имевших место в Марокко в период иностранного господства.

Критическому осмыслению были подвергнуты и труды марокканских авторов, посвященные новейшей истории страны, в том числе Абд аль-Крима Галлаба, Абд аль-Кадира Бен Барки, Абд аль-Кебира Хатиби.

Много интересного содержит работа А. Терасса «История Марокко», в которой можно почерпнуть много важных сведений о социальной структуре берберских племен, их борьбе за обладание пастбищами, борьбе за политическое господство.

Указанные труды свидетельствуют, что, несмотря на инородное проникновение, некоторые берберские племена Рифа и Среднего Атласа более четко сохранили единство этнического происхождения, цивилизации и языка, чем другие племена, населявшие территорию Марокко. В других же местах — в городах Марокко, почти повсюду в Алжире — берберы смешались с арабами, турками, европейцами, африканцами, усвоили элементы их цивилизации и язык. Сегодня они являются одной из старейших этнических групп, занимающих северо-западную часть Африканского континента.

Сведения о системе налогообложения берберских племен и об их отношениях с правящей династией нами почерпнуты из трудов Мухаммеда Лахбаби «Марокканское правительство на пороге XX века» и Эрнеста Джелнера «Сельские волнения в Марокко». Некоторые данные о социальной структуре, а также о распределении власти среди племен имеются в работах Э. Эванса-Причарда и Дэвида Харта.

Особо следует выделить книгу Р. Монтаня «Социальная и политическая жизнь берберов», труды К. Полани, К. Аренсберга, Г. Пирсона, в которых освещены как межплеменные, так и внутриплеменные отношения у берберов, развитие торговли среди племен, а также участие членов разных племен в этом процессе. Большинство упомянутых трудов и исследований содержит описание юридических прав и законов, действующих в берберском обществе. Берберские племенные законы и их отражение в обществе рассмотрены в работе Ж. Спильмана на примере могучего берберского племени *аит атта*, проживающего на юге Марокко.

Религиозная разнородность, проявляемая в многочисленности культов святых, деятельность религиозных братств и факты религиозного раскола описаны в статье английского автора Кеннета Брауна. Канад-

ский автор Э. Джелнер в одной из своих статей, указывая на существование в Марокко двух лингвистических групп — арабской и берберской, замечает, что в арабской группе диалектов существует единство, основанное на их общности с письменным и классическим арабским языком и религией. Говоря же о берберской группе, Э. Джелнер придерживается мнения, что ей свойственны только общая с арабами вера и употребление арабского языка как письменного языка религии и общественной жизни. Различие в образе жизни между арабоговорящими и бербероговорящими подчеркивает также и Лоуренс Розен.

Английский автор Энтони Смит старается уверить читателей в том, будто арабы всегда относились к берберам с презрением и со страхом. Однако многочисленные факты совместной борьбы арабов и берберов против французского и испанского колониального режима с момента установления протектората до достижения Марокко независимости скорее говорят об обратном.

Многие зарубежные авторы, например А. Адам, Дж. Уотербэри, К. Герц, М. Лахбаби, О. Марэ, Ж. Фавре, утверждают, что языковые различия не имеют существенного значения.

Некоторые характерные черты социальной структуры марокканского общества в новое время даны в трудах Рене Леклерка, Роже Ле Турно и др.

При изучении взаимоотношений королевского дома с представителями местной знати, а также для характеристики отдельных влиятельных семей и фамилий, играющих важную роль в экономической и политической жизни (Абабу, Бен Слимман, Баргаш, Гарни, Глауи, Лайади, Месфиуи Лайяши, Мернисси, У Хамму, Яман), наряду с некоторыми документальными материалами были использованы работы многих марокканских, французских и американских буржуазных исследователей. Среди них следует отметить труды А. Аммуна, Ж. Берка, Л. Брауна, Ж. Бремона, А. Камбона, Дж. Уотербэри и др. При изучении взаимоотношений, сложившихся между разнородными группами крупной и мелкой буржуазии Марокко, так называемыми *фаси* и *суси*, много ценного материала автор почерпнул в трудах современных марокканских историков Абд аль-Кебира Хатиби, Абд ас-Салама Бен

Каддура и др. Почти всем им свойственны недостатки методологического характера. Они часто игнорируют социально-экономические факторы исторического развития, проявляют непонимание роли народных масс, как правило, идеализируют феодальных и буржуазных лидеров, их взгляды и действия. Критикуя и разоблачая колониальную политику французских или испанских правящих кругов, они в то же время отрицают классовую структуру марокканского общества, не признают необходимость борьбы за социальные преобразования.

Известно, что еще во время французского протектората имели место попытки привлечения молодых берберов на военную службу. А. Амун, Р. Бидуэлл, Ж. и С. Лакутьер, Ж. Угур и другие отмечают, что французы прилагали большие усилия, чтобы создать резерв для пополнения своей армии в Марокко. Однако созданием военной академии в Мекнесе и специальных коллежей для молодых берберов французская колониальная администрация демонстрировала не заботу о берберях: она не стала не столько о распространении грамотности и просвещения среди них, как в этом хотят уверить упомянутые авторы, сколько об ограничении употребления арабского в пользу французского языка.

В трудах буржуазных авторов недостаточно освещена и суть так называемого берберского плана, или «берберской политики» французских колониальных властей, в действительности заключавшейся в том, что французская администрация, нуждаясь в поддержке берберов, владеющих французским языком, старалась воспитать из них верных Парижу чиновников, которые могли бы успешно служить в разных государственных учреждениях Марокко.

Как ни старалась французская колониальная администрация предупредить развитие национальной марокканской буржуазии с помощью множимых ею и преданных ей племенных вождей, осуществить это не удалось. После окончания второй мировой войны многие выходцы из берберских племен области Риф активизировались в торговле, не говоря о группе мелких торговцев из южноберберских племен уже упоминаемых *суси*. Уроженцы Рифа и в настоящее время занимают важное место в торговле северных городов Ма-

рокко — Танжера и Татвана. Южные берберы более заметны в Касабланке и Марракеше, а также в Рабате и Мекнесе.

Некоторые характерные черты роста национальной буржуазии Марокко в целом (и арабов и берберов), а также укрепления ее политической основы в лице партии «Истикляль» можно проследить в трудах Дж. У. Зартмана, Абд ас-Салама Бен Каддура, Андре Тиано, О. Марэ и др. В трудах этих авторов, в частности, говорится о попытках королевского двора подорвать позиции национальной буржуазии, с одной стороны, расколов ее по этническому признаку, а с другой — поддержав берберскую партию «Народное движение».

Признавая берберов как значительную политическую силу, А. Хатиби рассматривает их как группу, призванную сыграть огромную роль в создании сильной монархической партии, противоборствующей оппозиционным партиям, в частности партии «Истикляль».

Сведения о столкновениях между двором и партией «Истикляль», о политической борьбе за власть в первые годы независимости и расколе партии «Истикляль» нашли отражение в трудах А. Абулхатиба, Ж. Буске, Заки Мбарека. Королевский контроль над политической системой страны, внутривластным положением и деятельностью политических партий рассмотрен в работах Г. Гибуса, Т. Жувэна, А. Раджаба и др.

В книге Абдаллаха Ларуи «История Магриба» неопределенно говорится о политических целях нынешнего марокканского правительства, о реформах, которые правительство Марокко проводит или собирается провести в стране. Поверхностный подход к социальным проблемам современного Марокко, и в частности к национальной проблеме берберского населения, характерен и для книги А. Асса «Марокканское чудо».

В последние годы вышло немало статей, касающихся экономики современного Марокко. Их авторы стараются осветить экономическую политику марокканского правительства, ищущего пути выхода из создавшегося положения с помощью так называемого нового экономического курса в стране. Среди авторов подобных работ — Дауд Закия, А. Дахмани, А. Жи-

рарде, Мухаммед Шауи, Усаллах Лекбир и др. Интересные проблемы экономического и социального развития Марокко затронуты в ходе работы организованного Ассоциацией марокканских экономистов в ноябре 1982 г. симпозиума памяти Абд аль-Азиза Беяля, крупнейшего марокканского ученого-марксиста, экономиста и социолога, члена политбюро ЦК ППС (подробнее см. [198, 20—22, 11.1982]).

Общественно-экономические отношения в берберских районах Марокко накануне и в период протектората

Проникновение европейских держав в Марокко на рубеже XIX—XX вв.

С конца XVIII в. Марокко все труднее было противостоять напору европейских держав¹. После ряда победоносных войн европейцы вынудили страну пойти на заключение неравноправных договоров (подробно см. [68, с. 255—256])². Англия, Франция, Испания, Португалия получили право иметь своих представителей сразу в нескольких городах страны. Но основная их часть была сосредоточена в Танжере. Там находились консульства США, Нидерландов, Дании, Швеции и других стран. Вследствие этого Танжер был выделен в особую международную зону.

Накануне первой мировой войны, 30 марта 1912 г., французы заставили марокканского султана Мулая Хафида подписать в г. Фесе договор о протекторате. Хозяином страны стал генеральный резидент Франции с его чиновниками. По франко-испанской конвенции от 27 ноября 1912 г. северная часть Марокко стала «зоной влияния» Испании, т. е. была на деле отдана во власть испанского верховного комиссара и его аппарата, исполнителем воли которых фактически стал наместник султана — халиф в Татване, центре испанской зоны.

Фесский договор, навязанный Марокко колонизаторами, французские историки изображают как акт добровольного присоединения Марокко к Франции. Между тем, как справедливо отмечал С. Датлин, «в то время не могло быть и речи не только о добровольном присоединении, но и о договоре в настоящем

смысле этого слова» [43, с. 12]. Марокканский народ никогда не признавал французский режим протектората (как и испанский контроль на севере страны) и вел против него многолетнюю и кровопролитную войну (подробно об этом см. [59; 67; 31, с. 287—306]).

Установив свое господство в Марокко, французы и испанцы сразу принялись за реорганизацию системы местного управления. Глава государства был отстранен от руководства внешней политикой, внутренними делами и от командования армией. Все эти функции наряду с правом проведения государственных реформ стали прерогативой генерального резидента Франции и верховного комиссара Испании.

Система протектората давала колонизаторам возможность любые злоупотребления приписывать местным властям и одновременно при случае, как замечал первый французский резидент генерал Лиотэ, подчеркивать уважение к «местным традициям» [154, с. 468].

В годы протектората сельскохозяйственное производство занимало ведущее место в народном хозяйстве. Оно давало средства к существованию более 70% жителей страны, численность которых достигала тогда 8,5 млн. человек³, или $\frac{2}{3}$ самостоятельного населения⁴. Сельскохозяйственные угодья занимали около 19 млн. га (45,6% всей площади страны).

После сосредоточения в своих руках значительных земельных фондов французские (гораздо позже — испанские) власти приступили к колонизации страны⁵. У марокканцев было отобрано до 700 тыс. га земель в наиболее плодородных районах — Рабата, Гарба, Шауйя [85, с. 583—584].

Одна часть колонистов-земледельцев сама обрабатывала свою землю, другая сдавала ее в кабальную аренду местному населению⁶.

В среднем на одно хозяйство европейского колониста в Марокко приходилось в 19 раз больше земли, чем на среднего марокканского землевладельца. Европейские колонисты, составлявшие лишь 0,3% самостоятельного сельскохозяйственного населения, владели более чем 6% общего количества сельскохозяйственных угодий страны. 2 млн. га земли были сконцентрированы в руках крупных марокканских феодалов. Часть феодалов (1200 семей) перешла к капиталистическим методам ведения хозяйства и составила марок-

канскую аграрную буржуазию. Эти семьи владели около 400 тыс. га пахотной земли.

Часть земельных участков принадлежала и зажиточным слоям города: торговой буржуазии, высшим служителям культа и др. Это были в основном пахотные земли, находящиеся в окрестностях Феса, Мекнеса, Уаазана и Сефру. Большая часть феодальных земель обрабатывалась мелкими арендаторами-издольщиками. Почти половина самостоятельного сельского населения Марокко вообще была лишена земли (см. [80, с. 26]).

После установления режима протектората значительных масштабов достиг ввоз французского капитала в Марокко⁷. Ведущую роль в этом играл «Банк де Пари э де Пэи-Ба»⁸. Немаловажную роль во внедрении французского капитала в экономику Марокко играли также «Креди фонсье д'Альжери э де Тунизи», «Банк де л'Юнион паризьенн», «Банк насьональ тур де коммерс э л'эндюстри» и др. В руках иностранных компаний находились и некоторые предприятия марокканской горнодобывающей и обрабатывающей промышленности. Иностранный капитал контролировал почти все акционерные общества и удерживал за собой решающие позиции во внешней и внутренней торговле, а также на транспорте.

В период протектората марокканская промышленность сконцентрировалась на небольшом отрезке побережья Атлантического океана, от Кенитры (Порт Лиотэ) до Касабланки, где на полосе длиной 150 км находилось 80% промышленных предприятий с числом рабочих более 20 [19, с. 63].

Итак, в годы иностранного господства промышленность Марокко была представлена прежде всего такими отраслями, как горнодобывающая, пищевая и текстильная. Что касается предприятий тяжелой промышленности, то их в стране вовсе не было. «Имелись лишь отдельные предприятия по металлообработке, по производству химикатов, а также одна свинцовоплавильная и одна доменная печь» [81, с. 30]. В годы второй мировой войны появились различные новые ма-стерские и предприятия [77, с. 25].

Развитие капитализма и рост промышленности в послевоенный период способствовали постепенному увеличению численности рабочего класса как во фран-

цузской, так и в испанской зоне Марокко. В сельском хозяйстве Марокко в середине 40-х годов продолжался процесс разорения мелких собственников и концентрации земли в руках европейских колонистов и местных феодалов. Имущественное неравенство в сельских районах было разительным. 40% из 1,6 миллиона сельских семей были безземельными [181, с. 286]. Процесс ухода крестьян из деревни не прекращался, сильно усилившись в начале 50-х годов. В это же время все более расширялись торговые связи страны, что наносило ощутимый удар по многочисленным (около 20 тыс.) марокканским ремесленникам (кузнецам, ткачам, столярам, ювелирам, горшечникам, сапожникам и проч.), продукция которых не могла конкурировать с дешевыми фабричными товарами.

В годы второй мировой войны сложились благоприятные условия для расширения деятельности и обогащения национальной торговой буржуазии. Однако после окончания войны она была ущемлена иностранными монополиями.

Положение в стране, сложившееся в результате экономического и политического господства иностранной буржуазии, вызывало глубокое недовольство всего марокканского населения, за исключением небольшой группы феодалов и компрадоров, сотрудничавших с властями протектората. На экономический и национальный гнет колонизаторов марокканский народ ответил в 1953—1955 гг. подъемом освободительного движения, которое побудило французские власти в марте 1956 г. отменить режим протектората и предоставить Марокко независимость. В национально-освободительной борьбе марокканского народа большую роль играли и берберы — коренные жители Магриба.

Территория расселения, миграция и образ жизни берберов

В начале XX в. во внутренних областях Марокко, особенно в горных районах, все еще сохранялись сильные пережитки родо-племенных отношений. Наиболее распространены эти пережитки были среди берберских племен, численность которых не была стабильной⁹.

По вопросу происхождения берберов в исторической

науке существуют различные теории и мнения. Французский ученый О. Бернар, например, рассматривает берберов как результат скрещения народов, пришедших в разные эпохи из Европы и Америки (см. [35, с. 14]). По мнению других, берберы пришли в Марокко из стран Среднего Востока [63, с. 165].

Берберы¹⁰ до наших дней сохранили свой язык и свои обычаи. Некоторые лингвисты рассматривают берберский язык как один язык, распадающийся на ряд диалектов, другие же принимают берберские диалекты за родственные языки (см. [45, с. 8]).

У берберов есть разговорный язык, который (за исключением языка туарегов) даже не имеет собственной письменности. Берберские диалекты, на которых говорят от оазиса Сивы в Египте и Судана до берегов Атлантического океана, ведут происхождение от древнего ливийского языка. Ливийские древние письмена удастся расшифровать только с помощью языка современных берберов, а алфавит тарги происходит от алфавита этих письмен [146, с. 347]. Несмотря на многочисленность диалектов и наречий, коренное единство языка, несомненно, сохраняется. Берберские диалекты, известные в настоящее время, формировались в условиях многовекового сосуществования сначала с пуническим, а позже с арабским языками. Они родственны языкам семито-хамитской группы. Ученые наблюдают их близость и с древнеегипетским языком [181, с. 18—19].

Некоторые диалекты так сильно отличаются один от другого, что берберы из разных районов с трудом понимают друг друга¹¹. Советский лингвист Ю. Н. Завановский насчитал восемь основных диалектов берберов Марокко (не считая местных говоров) и свел их к трем главным группам: 1) *зенатия*, к которой прежде всего относится диалект области Риф (*тарифит*); 2) *тамазигт* — диалект племен *брабер* в Среднем Атласе; 3) *ташелхит*, на котором говорят *шлухи* (или *шле-хи*) Высокого Атласа, Анти-Атласа и области Сус. Общее количество бербероязычных марокканцев в середине 60-х годов составляло около 4,5 млн. человек [45, с. 12—13]. Но при этом следует учитывать, что многие из них уже тогда были двуязычны, особенно уроженцы Южного Марокко, пользовавшиеся арабским языком при общении с арабами или берберами, гово-

рящими на других диалектах. Но это касалось главным образом мигрантов-мужчин, оставлявших свои селы в деревнях.

Миграция *илехов* имела место почти по всей территории страны, от Марракеша до Мекнеса и Рабата, но главным образом в Касабланку, экономическую столицу страны, куда в поисках работы прибывали пришельцы из всех уголков Марокко. Однако представители других групп — *рифанцы* (или *рифы*, т. е. уроженцы области Риф) и *брабер* — долгое время имели более ограниченные сферы миграции: первые перемещались на сезонные работы в Алжир и в близлежащие города — Танжер, Татван, Лараш, Эль-Ксар-Эль-Кебир, Тетуан, а также в принадлежащие Испании Сеуту и Мелилью. Это, как и служба в испанской армии, определяло предпочтение ими испанского и французского языков, а уж потом арабского. Более употребителен арабский язык среди мигрантов-брабер, основными центрами притяжения которых остаются города Фес, Мекнес и Кенитра.

Несмотря на превратности исторических судеб, берберы все же сохранили древние традиции своей самобытной культуры, уходящей истоками в античные времена и испытавшей влияние финикийцев и карфагенян. Современное берберское искусство существенно отличается от арабо-исламского, хотя последнее, особенно у мавров Андалусии, многое взяло от берберов. Берберское изобразительное искусство — семейное, и занимаются им в основном женщины. При всем различии индивидуальной техники изображаются почти всегда геометрические фигуры, основанные на сочетаниях ромбов и треугольников и сходные с рисунками народов Передней Азии и некоторыми орнаментами народов Южной Европы. Гончарные изделия берберов по технике исполнения имеют сходство с некоторыми видами эгейской керамики.

В оазисах Марокко, расположенных вдоль берега океана, берберы входили в контакт с очень древней цветной народностью — *харатинами*, которые населяли оазисы Сахары до завоевания пустыни берберами¹².

В своей «Истории берберов» Ибн Халдун делит берберов на три группы: *масмуда*, *санхаджа* и *зената* [141, с. 10]. *Масмуда* были оседлыми крестьянами, в большинстве своем богатыми, и населяли многочис-

ленные города и деревни. Прочно привязанные к земле, они всегда объединялись в довольно крупные политические группы, скорее по типу конфедерации [184, с. 64—65].

В отличие от компактно селившихся *масмуда*, *санхаджа*, составлявшие третью часть населения Северной Африки, были разбросаны по большой территории и вели совершенно иной образ жизни. Именно санхаджийские племена *хаура*, *лемтуна* и другие, им родственные, начали в III в. берберское завоевание Сахары. Преимущественно это были кочевники, погонщики верблюдов или их потомки из Сахары.

Племена *зената* пришли с Востока. В XIV в. некоторые из них состояли уже в семейной или кровной связи с племенами бедуинов. Это были жители степей, медленно, но настойчиво продвигающиеся на Запад, огибая Сахарскую пустыню [184, с. 65; 183, с. 208—216]. *Зената* кочевали преимущественно верхом на лошадях и всегда считались лучшими наездниками мусульманского Запада.

Перемещения берберов *санхаджа* и *зената* после прихода в VII в. в Северную Африку арабов имели как политико-религиозные (сопротивление войскам халифата, восстания против халифатских наместников, участие в различных сектантских движениях), так и чисто экономические причины (миграция на новые пастбища или в более плодородные районы в периоды длительной засухи). В ходе этих перемещений одни племена уходили в горы, другие вытеснялись в пустыни и степи. Но, закрепившиеся в горах и предсахарских районах, вступая в контакт с оседлыми жителями (а иногда и после уничтожения предшествовавшего им населения), обычно либо сами переходили к оседлому земледелию, либо налаживали регулярный мирный товарообмен с жителями сел и оазисов, получая финики и зерно в обмен на шерсть и мясо. Часть урожая воинственные кочевники получали за охрану пальмовых рощ, а также в виде дани и пошлин с оседлых (независимо от того, были ли они арабами, берберами или чернокожими *харатинами*), каковых они никогда не считали себе равными в социальном или политическом плане [101, с. 239—240].

На протяжении последнего тысячелетия истории Марокко не раз возникали династии, отражавшие

стремление к власти различных групп берберов. Каждый претендент опирался на союз племен, выходящем из которых он являлся [183, с. 240]. Если династия не опиралась на многочисленные родственные воинственные племена, она прибегала к помощи присоединившихся племен или наемников [152, с. 310]. Так поступали и наиболее знаменитые династии Альморавидов (XI—XII вв.), использовавшие племена *лемтуна* и савхарских кочевников, и Альмохадов (XII—XIII вв.), пользовавшиеся поддержкой племен *масмуда*.

Центральное правительство, которое первоначально объединяло определенную группу берберских племен и в течение некоторого времени сохраняло дух последних и отражало их интересы, становилось правительством — *махзан* (правлящей династии), где со временем иностранцы и приближенные султана начинали все больше занимать высокие посты за счет оттеснения представителей родов, главенствовавших вначале. Опираясь в основном на ислам, *махзан* подавлял племена во имя ликвидации феодальной раздробленности и создания централизованного государства.

Махзан уже с XIV в. не выражал интересов определенного берберского клана. Берберские династии и раньше опирались на арабских феодалов и арабские племена (особенно с XI в., после наплыва в Марокко из Египта арабских племен *макиль*, занявших все Атлантическое побережье), на арабских по происхождению религиозных деятелей и чиновников (с IX в. — андалусских мавров, потомков и арабов, и берберов, и иберов). Хотя сменившая Альмохадов династия Меринидов (XIII—XV вв.) также была берберской по происхождению, она во многом зависела от поддержки арабов *макиль*, установивших контроль почти над всей равнинной частью страны, а также от помощи извне, от андалусских государей Гранады. Высшие должности тоже были заняты сплошь андалусцами, образованными и утонченными знатоками арабской культуры и мусульманского богословия. Происходившее под напором Реконкисты постепенное изгнание мавров Андалусии с Пиренейского полуострова привело к их переселению в Северную Африку, главным образом в Марокко. Таким образом, двойной процесс — распространение влияния племен *макиль* на сельскую местность и заселение марокканских городов изгнанниками ан-

далусцами — решающим образом способствовал арабизации страны в XIII—XV вв., во всяком случае арабизации марокканских городов, воинских сил, администрации и культуры. Переход власти в середине XVI в. к арабской по происхождению династии Саадицев (иначе — шерифов Хасани, претендовавших на родство с пророком Мухаммедом), которую в XVII в. сменила арабская же династия Алауитов (шерифов Филали), довершил арабизацию *махзана*. Часть берберов также подверглась арабизации или же вынуждена была признать власть *махзана*.

Берберские племена, избежавшие власти *махзана*, сохранили основы своей политической и общественной жизни в прежних формах. Их социальные традиции оказались настолько живучи, что смогли снова расцвести после кратковременного упадка. История многих этих племен все еще малоизвестна. Вот некоторые сведения о племенах, с древности населявших территорию вокруг г. Рабата, называемую Заер.

Племенная конфедерация *заер*¹³ распадалась на отдельные племенные ответвления, возглавляемые шейхами. В состав *заер* входили 18 племен, в том числе *бени абид ремамха* и *улад таиэб* (906 палаток), *улад кэтир* (604 палатки), *улад мимун* (583 палатки), *селамна* и *улад зид* (484 палатки) и др. — всего 5 тыс. палаток (см. [184, с. 137]).

Другим районом близ Рабата, также заселенным племенами, был Аземмур¹⁴. Его территория тянулась с юга на север на протяжении 78 км, а с востока на запад — 72 км. В этом районе племенные группировки делились на следующие пять ответвлений: *аит зекри*; *мзахра*; *аит мимун*; *ахль джебел ад-дум* и *бени хакем*. Каждое из ответвлений делилось, в свою очередь, на несколько *риба* (т. е. «четверть племени»), разбросанных в районах Хемисет, Тифлет и др.

Территория района племени *бени ахсен* имела протяженность 52 км с юга на север. Это племя также делилось на два ответвления: *улад алуан* и *улад сегир*.

Среди множества племен Среднего Атласа больше других сохранило свою традиционную социально-политическую организацию наиболее численно значительное племя *бени мтир*¹⁵. В отличие от других среднеатласских племен (*геруан*, *мжат* и пр.) *бени мтир*¹⁶ до сих пор сохранило чистоту берберского языка¹⁷.

Поселения племени располагались на склонах Среднего Атласа, где проживали также постепенно переходившие к оседлости племена *аит сегрушен*, *аит юсси* и *геруан*. Эти бербероязычные племена образовали в некотором роде первую полосу поселения, охватившую полукочевое население засушливых юго-восточных районов Марокко, откуда они направились к более плодородным северо-западным равнинам.

По своему политическому значению выделяются еще два берберских племени, проживающие в разных концах территории Марокко. Это *аит атта* (в южной части Среднего Атласа, в горах Жбил Сагхру и в прилегающих к ним оазисах Сахары — в провинциях Бени Мелал, Уарззат, Ксар эс-Сук) и *аит варьягар* (или *бени уриагель*) в центральном Рифе. На них по-разному отразились экономические, социальные и политические изменения, происшедшие в стране в результате колониальной политики иностранных завоевателей.

Аит атта исторически возникло примерно в XVI в. в ходе сопротивления группы берберских племен арабам *макиль*, занявшим юг Марокко. Часть берберов еще в XIV в. была вытеснена арабами на север, другая — на юго-запад (на территорию нынешних Мавритании и Западной Сахары). По легенде, племя *аит атта* происходило от Дада Атта и его сорока внуков, потомки которых закрепились в горах Жбил Сагхру [162, с. 249—250]. По другим данным, Дада Атта жил не в XVI в., а был современником и союзником марабута Сиди Саида Аханеала, основателя религиозного братства Ахансала примерно в 1400 г. [127, с. 175—176]. Вполне возможно, что и возникновение этого братства (как формы военно-политического объединения), и создание легенды о Дада Атта были рождены потребностями совместной борьбы различных берберских фракций, родов и племен, ранее не имевших между собой родственных связей, но заинтересованных в защите своих горных пастбищ от пришлых кочевников.

Аит варьягар среди прочих племен Рифа выделялось прежде всего тем, что в 20-х годах нашего века его *каид* (вождь) Мухаммед ибн Абд аль-Крим аль-Хаттаби организовал сопротивление испано-французским колонизаторам и пять лет возглавлял фактически самостоятельную Республику Риф (см. [66; 67]).

Берберский язык и обычай лучше сохранились в племени *аит атта*, чем в племени *аит варьягар*. Плотность населения *аит варьягар* была всегда высокой. *Аит атта* по плотности населения выделяется в трех районах Южного Марокко: это Ксар эс-Сук, Уарззат и Бени Меллал. В 1960 г. в этом районе насчитывалось около 150 тыс. берберов. Одна из северных групп *аит атта* — *н-умалу* (район Бени Меллал) — была полностью отрезана от остальной части. У этой группы лишь в одном случае сезонный перегон скота на новые пастбища уступил место полной оседлости.

Члены племени *аит атта* иногда враждовали между собой, а располагавшиеся по соседству и занятые преимущественно скотоводством племена *аит мургад* и *аит сиддрат* враждовали с ними.

На берегах южных рек Марокко — Дра, Дадс, Тудга — жило не организованное в племена негроидное население (*харатины*). Отношения *аит атта* и *харатинов* строились на принципе неравенства [179, с. 74—75], характеризовавшем еще в средние века взаимосвязи воинственных кочевников и мирных земледельцев.

Племена, населявшие Анти-Атлас (*амильн*, *ида-у-гнидиф*¹⁸), и другие бербероязычные племена постепенно приспособлялись к современной экономике, но при этом не изменялась их племенная структура. Среди других племен следует назвать, в частности, племена *аит баха* и *ида-у-ктир*. Члены этих племен владели бакалейными лавками¹⁹ во всех крупных марокканских городах и по необходимости при этом заменяли друг друга. Например, один член племени мог содержать магазин полгода, а другой затем сменял его. Молодой бербер, шедший на поиск работы в г. Каса-бланку из Амильна (провинция Агадир), всегда начинал свою карьеру с самой низкой должности в бакалейной лавке, которую содержал кто-нибудь из его ближайших родственников.

После второй мировой войны все большее количество выходцев из берберских племен направлялось в марокканские города, превращаясь постепенно в «горючий материал» местной политики. Страшная нищета недовольного городского населения становилась «опаснее» бедности любого племени (доказательство тому — манифестации марокканских трудящихся в начале 50-х

годов). Политическая роль берберских племен стала определяться не только их положением в сельской местности, но и их связями со своими соплеменниками среди горожан.

Берберы к тому времени жили конфедерациями, или *лефами*, распадающимися на отдельные племена и кланы. Их ответвления (*такбилт* — по-берберски, *хомс* — по-арабски) занимали территории радиусом от 6 до 10 км и объединяли до 200—300 палаток, составляющих деревни, разбросанные по многочисленным горным долинам. Все члены *такбилта* считали себя потомками одного и того же предка, имя которого они носили. Управление *такбилтом* осуществляли выборочные советы, которые после завоевания Марокко арабами получили название «*джамаа*». Каждый *такбилт* делился на отдельные роды. Каждый род посылал своего представителя в *джамаа*. Бывало и так, что один член такого выборного совета представлял несколько родов. Основным занятием *джамаа* являлось взимание податей, налогов, штрафов, а также распределение доходов. До введения мусульманского права (*шариат*) совет племени осуществлял также и юридические функции. В период между собраниями племенных советов делами племени (контроль за выполнением решений, разбор тяжб, а также свершение правосудия) ведал вождь (*амгхар* — по-берберски, *шейх* — по-арабски). Функции *амгхара* были временными (не более года), что давало возможность отдельным представителям влиятельных родов находиться у власти по очереди. В случае войны власть вождя усиливалась [180, с. 29].

Соплеменников связывали участие в общественной жизни района, кровное родство, брачные союзы и дружба, политические коалиции и членство в религиозных братствах. Сплочению способствовали также совместные коммерческие предприятия и широкий диапазон экономических договорных ассоциаций, что обеспечивало основы кооперирования и взаимодействия внутри племен или между членами различных племен [127, с. 4].

Отдельные племена или родовые ответвления представляли собой не только единый административный и юридический организм, но и хозяйственный. Каждый *такбилт* имел свой коллективный базар (*агадир*).

Базарным днем до провозглашения независимости мог быть любой день недели²⁰. Он предназначался как для торговли, так и для дружеских встреч, обмена новостями. На любом рынке член племени встречался со своими друзьями, соплеменниками, а также с членами соседних племен. Кроме того, базарный день был днем мира. Совет племени или клана собирался на рынке или рядом с ним для решения вопросов, возникших в течение недели, и наблюдал за сохранением мира. Таким образом, рынок выполнял кроме торговой прочие важные социальные функции²¹.

Величина рынка обычно зависела от того, сколько кланов он обслуживал, и от плотности населения района²². Что касается социально-политического характера рынков, то некоторые авторы (К. Полани, С. Аренберг) совершенно правы, называя берберские рынки в горных районах «взрывчатым веществом» [172, с. 188—217]. Базарный день, как уже говорилось, был одним из мирных дней²³. В Рифе любой мужчина, убивший идущего на рынок в базарный день, должен был уплатить не только так называемые кровные деньги родственникам своей жертвы²⁴, но и большой штраф совету племени²⁵. Если же убийство совершалось на самом рынке, то сумма штрафа удваивалась, потому что был «нарушен» мир рынка, как говорили тогда берберы. Если убийца не мог уплатить штраф, все члены совета обрушивались на него, сжигали его дом, срубали его деревья и конфисковали его скот. А сам он спасался лишь бегством в другое племя, чтобы избежать мести родственников жертвы [136, с. 51—86; 182, с. 109, 117, 118, 132].

Нанесение ранений также каралось штрафом. Совет назначал штраф и за кражу скота, хотя в Рифе воровство скота было делом более необычным, чем убийство человека. Преимущественно это было распространено в Среднем Атласе, где разводили много овец и где метод судебного разбирательства путем коллективной клятвы достиг своего наибольшего развития. Совет у рифских и западноатласских берберов был и юридическим, и политическим органом, причем ни один из членов совета не считался выше другого, несмотря ни на какие попытки²⁶.

Некоторые различия между арабами и берберами можно рассмотреть и на других примерах. В случае

подозрения в убийстве или воровстве араб давал клятву в мечети на Коране в подтверждение своей невиновности. Рифский бербер также давал клятву в мечети, и тоже на Коране, однако он делал это вместе с пятью ближайшими родственниками — мужчинами. Когда же убийство затрагивало людей других племен, подозреваемая сторона должна была выставить 50 человек, дающих клятву. А бербер из Среднего Атласа должен был представить 10 человек (он сам и 9 родственников), если на него падало подозрение в воровстве²⁷.

Принесение клятвы по самому своему характеру было делом публичным, и, если истец во время клятвы требовал доказательств, зрители часто забрасывали обвиняемого и его поручителей вопросами, дабы уличить их во лжи. В случае, если ответчик или любой из его родственников не могли произнести или повторить клятву правильно, она считалась нарушенной и виновный приговаривался к штрафу [179, с. 55]. Некоторые племена имели свои верховные апелляционные суды, пример чего дает племя *аит атта*. Существовали еще два следующих усовершенствования. Первое — это наличие обвиняющих и отрицающих клятв. И второе — человек, обиженный на своих сородичей, имел право перейти в другой род и выставить другую группу для произнесения клятвы. В таком случае он приносил в жертву овцу, не теряя при этом права собственности в своем прежнем роде [179, с. 55].

Чувство независимости и приверженность к традициям, свойственные современным берберам, тесно связаны со структурой и обычаями берберского общества в прошлом. Не утрачиваются эти качества и ныне, когда миграция берберов в города стала подтачивать традиционные основы их социальной жизни.

У берберов долгое время была принята временная мужская эмиграция. Мужчина уезжал один, оставляя жену и детей в деревне, и возвращался через определенное время, причем периоды отсутствия были продолжительными — тем больше, чем больше времени уходило на дорогу. Возвращаясь домой, бербер оставлял вместо себя в городе своего брата или родственника. Такой тип миграции встречался не только среди *шлехов* Марокко, но также и среди *кабилов* и *мзабитов* Алжира.

Уезжая в город, марокканский бербер всегда пом-

нил о существовании своего большого рода, состоящего из отдельных хозяйств, и его отъезд, при всех возможных потерях, не влиял на экономическое и социальное положение его семьи. Бербер-мигрант являлся эмиссаром родовой группы в целом, которая посылала его издалека, чтобы компенсировать временную или постоянную недостаточность родовых запасов. В Южном Марокко после засухи в течение нескольких лет запасы зерна истощались. Единственным решением в деле обеспечения себя продовольствием была миграция в город, в центр горнодобывающей промышленности или на крупные овцеводческие фермы, где деньги можно было заработать торговлей или трудом по найму²⁸.

В качестве гарантии солидарности огромного рода требовалась экономическая основа — неделимое наследственное имущество. Как только начиналось деление наследства, узы между семьями одного рода обязательно становились слабыми, и они стремились к независимости. Именно это и произошло у арабоязычных племен, более приверженных к шариату и буквальному выполнению предписаний наиболее жесткого маликитского толка ортодоксального суннизма. Бербероязычные же племена за счет сохранения целостности своего имущества сохранили крепость родовых уз. Консервация родового наследства нередко служила основанием для миграции *шлехов*; при этом ставилась цель добыть средства для восстановления или выкупа части наследственного имущества, временно проданного или заложеного.

Шлехи открывали в крупных городах множество лавок. Речь идет в основном о выходах из племен Анти-Атласа, живших непосредственно к северу и югу от высочайшего хребта Жбил Лхист: *аит суаб*, *ида-у-енидиф*, *аит мзаль*, *ида-у-ктир*, *аит абдаллах* — на севере, *аммельн*, *игуан*, *амануз* и *аит тассерирт* — на юге. Эти племена имели различные формы профессиональной специализации: *аммельн* являлись бакалейщиками, *аит суаб* — торговцами зеленью и овощами, *аит тассерирт* — торговцами табачными изделиями. Выходцы из племени *аит мзаль* предпочитали быть носильщиками²⁹. Представители племени *аит абдаллах* встречались главным образом в городах Сале, Мекнесе и Фесе, племена *игуан* — в Марракеше, *аит тассерирт* — в Рабате, *аммельн* — в Касабланке, Танжере и Лараше. Что

касается Касабланки, то это город, где у каждого выходца из перечисленных племен есть возможность для его профессиональной (принятой для представителей его племени) деятельности, что приводило к особенно массовым миграциям в этот город всех берберов, да и арабов.

По данным А. Адама, в 1950 г. в г. Касабланке насчитывалось 1290 торговцев только из племени *аммельн* и 363 — в г. Танжере [95, с. 331]. Племя *аит бу амран* имело в г. Касабланке своих рабочих в Марокканской сахарной компании КОСУМАР, которые использовали свою репутацию для устройства родственников и соплеменников на работу в эту компанию. Человек, возвращающийся домой, не лишает этим средств свой клан, поскольку он оставляет на своем месте брата или близкого родственника. Более того, в развивающемся обществе, где число претендующих на работу значительно превышает число имеющих ее, рискованно бросать свое место. А такая «текучесть рабочей силы» вполне устраивала европейских предпринимателей, поскольку шлехские рабочие выполняли обычно тяжелую работу и вели себя скромно, не вмешиваясь в политику. Когда крупные концерны, в частности горнодобывающие компании, после второй мировой войны столкнулись с быстрым ростом производства, они старались набирать рабочих из берберских племен. Такой наем сопровождался мифом о «хорошем бербере», который противопоставлялся «плохому арабу», якобы виновному во всех трудностях режима протектората.

В течение ограниченного периода времени, когда приходилось выполнять чрезвычайно тяжелые работы, чтобы дополнить или восстановить хозяйство рода, берберы вели невероятно скромный образ жизни. Свои личные расходы они сводили до минимума, чтобы можно было послать как можно больше денег домой. Во многих крупных городах Марокко торговцы-*суси*³⁰ даже спали в своих же лавках на матраце, который днем прятали под прилавком. И питались они очень скудно. То же самое относилось к берберам-рабочим. Это, конечно, не относится к процветающим лавочникам, которые в соответствии с мусульманским законом помимо жены, оставшейся дома, брали в городе другую (правда, это не часто случалось: берберы в основ-

ном моногамны). По возвращении в деревню такой бербер разводился с «городской» женой или сохранял ее на «будущее» — на время своих кратких приездов в город. Эта вторая жена иногда знала о первой, но первая о второй — никогда, и порой берберу приходилось тяжело расплачиваться за подобный брак.

Берберы — лавочники и рабочие, даже не принадлежа к одному племени, обычно были солидарны. Лавочник, как правило, предоставлял кредит рабочему, который покупал все, что ему было нужно, до получения недельной зарплаты, когда он отдавал долги. Часто лавочник управлял сбережениями рабочего на правах опекуна и даже передавал их его семье, когда ездил по своим делам в деревню. Лавочник часто находил работу для своих соплеменников (работу по дому в европейских кварталах крупных городов: домашней хозяйки, повара или садовника). Таким образом, берберские лавочники в городах играли для своих соплеменников роль и банка, и агентства по трудоустройству. По вечерам лавка служила местом встреч, где рабочие-берберы могли увидеться, поговорить, обменяться новостями, получить известия из родной деревни, передать письма близким — через тех, кто собирался туда ехать.

Солидарность, характерная для таких отношений, определяла и организацию торговли. Лавка, была ли она большой или маленькой, часто принадлежала не отдельному лицу и не компании, а роду; все члены рода по мужской линии, кто работал там, имели в ней свою долю. Такой «коммерческий концерн» как бы увеличивал наследственное имущество рода. Что касается лавок, которые не входили в имущество рода, то в них одни торговцы часто находились в положении не владельцев или совладельцев, а лишь управляющих, сотрудников или близких родственников владельцев. Другие торговцы-берберы, начиная с небольшой лавки, приобретали еще две, три и более лавок (некоторые имели более ста). В таком случае владелец в одной из лавок вел дело сам, а что касается других лавок, то здесь открывались две возможности: их либо сдавали в аренду другому лицу, либо, что практиковалось чаще, поручали арендатору-управляющему. При выборе таких арендаторов-управляющих также имела место родовая солидарность. Андре Адам упо-

минает «явный признак солидарности» среди торговцев-*илехов*: «В судах г. Касабланки нет ни одного лавочника-*суси*. У некоторых могли быть сложности, но клан всегда вступаетея вовремя, чтобы спасти их, если нужно установить над ними надзор со стороны кого-либо более способного» [95, с. 336].

Средние и крупные коммерческие предприятия в марокканских городах были распространены не меньше, чем мелкие. Берберы не довольствовались тем, что занимали господствующее положение в бакалейной торговле, они стали наступать на монополию *фаси* в торговле тканями. Члены племени *аммельн* в г. Танжере придерживались этого направления до начала 50-х годов. В г. Касабланке, где сохранили свое присутствие крупные купцы из г. Феса, многие *суси* начали заниматься торговлей тканями сначала в качестве розничных торговцев, а затем как оптовики, и безуспешно: в начале 60-х годов они стали владельцами большинства лавок Манжра и Хаффари, двух крупных центров текстильной промышленности в новой медине г. Касабланки.

Социально-политическая организация берберских племен

У оседлых берберов общественной и политической ячейкой, организованной по типу государства, являлось не племя, а его отдельные ответвления (*такбилт*)³¹.

В тех местах, где общественное разделение было резко выражено, родовые группы были политически организованы как *такбилты*, т. е. имели свой совет, своего *амхара* и свой *агадир* [183, с. 112]. Эти «организованные по-семейному общины покоились на домашней промышленности, на своеобразной комбинации ручного ткачества, ручного прядения и ручного способа обработки земли — комбинации, которая придавала им самодовлеющий характер» [1, с. 135]. В таком крошечном «государстве» и протекала жизнь берберов в мирное время.

Несколько племенных ответвлений (от трех до двенадцати) образовали племя или *леф* (племенную конфедерацию). Члены одного племени ощущали это един-

ство в двояком смысле: с одной стороны, это общее происхождение, с другой — общность территории. У племени были свои рынки и своя святыня. Каждый год собирались члены ответвлений. У независимого племени нет постоянного вождя, он выбирается лишь на время войны, а племенной совет (немногочисленная олигархия) практически бездействует.

Все ответвления, составляющие племя, разделяются на два клана, как правило, по принципу общности предка. Любое утнетенное или ущемленное в правах ответвление могло обращаться за помощью к своим братьям по лефу.

Вмешательство братьев по лефу происходило обычно не в форме конфликта, а в виде сделки, улаживавшей разногласия. И эта система лефов распространялась на большое количество племен, иногда на обширные районы. Благодаря такой структуре племен «*такбилтам*» удавалось сохранять свою независимость и избегать абсорбирования или разрушения другими, более многочисленными общественными единицами, как и опасности подпасть под личную власть какого-нибудь вождя [161, с. 20]. Система *лефов* наиболее надежно гарантировала сохранение независимости, даже когда племя распадалось.

Конфедерации, объединяющие группы племен или, реже, группы ответвлений или родов, как прочные общественные формирования почти не встречались у оседлых народов. Несмотря на то что члены одной конфедерации считали себя потомками общего предка, эти объединения, вероятно, нередко образовывались из разных групп в ходе тех или иных исторических событий или для совместных действий — будь то миграция или защита от нападений.

Такова общественная жизнь оседлых народов Больших Атласских гор. Нечто похожее можно наблюдать у горных скотоводов и кочевников.

Наиболее действенной общественной ячейкой скотоводов является *дуар*³², состоящий из неопределенного числа семейных групп, из которых каждая — это несколько палаток; *дуар* приблизительно аналогичен большому роду. Он образовывал как бы небольшую республику, управляемую советом из местной знати.

Ответвление, не всегда четко организационно оформленное, иногда имело свой совет из представи-

телей дуаров. Но этот совет рассматривал лишь главные вопросы, касающиеся рода в целом, особенно если речь шла о войне или мире.

Племя у горных скотоводов делилось на отдельные ответвления и в мирное время проживало столь же разрозненно, как и оседлые племена. Но, как только разгоралась межплеменная или другая война, оно делалось монолитным, у него появлялся свой совет и свой вождь. В таком случае амгхар племен, назначенный сроком на один год, сам выбирал себе доверенных лиц в племени или в его ответвлениях.

Крупные кочевые племена также объединялись в конфедерации, которые, однако, часто оказывались нежизнеспособными. Советы дуаров, а иногда и советы племенных ответвлений решали все вопросы, касающиеся повседневной жизни. Но племя в целом, несмотря на его разбросанность, сохраняло крепкое моральное и даже политическое единство, свои обычаи и традиции. Им управлял либо вождь, власть которого передавалась по наследству, либо совет из родовой знати.

Горные скотоводы и кочевники в силу своего образа жизни вынуждены были дробиться на более мелкие группы, чем оседлые племена и были лучше организованы.

Кочевники, как правило, силой обеспечивали себе территории для передвижения и потому являли собой воинственные племена, которые расходились по огромному пространству. Необходимость в отпоре и охране укрепляла и усиливала сплоченность таких племен.

Оседлые жители — жители оазисов — были разнообразны по своему составу. Здесь преобладали лица смешанного происхождения. Оседлые жители и так называемые побежденные также объединялись и образовывали деревни-крепости, или *ксары*. Две-три такие деревни составляли небольшой городок, напоминающий племенное оседлое поселение, но с более высокой степенью урбанизации. В городе, как правило, имелось два совета: один — из высшей аристократии, возглавлявшийся двумя бессменными представителями знати, другой — низший с одним вождем, который только исполнял решения высшего совета.

Между ксарами и кочевыми племенами заключались соглашения о взаимопомощи и защите. Но часто из-за стремления кочевников к абсолютному господст-

ву эти соглашения оборачивались настоящей кабалой для жителей ксаров.

Берберы, как и некоторые другие народы, понятие «родина» осознают не как местность, где они живут или где жили их предки, а в смысле происхождения. Даже у древних оседлых обитателей марокканской земли, у которых развито чувство привязанности и любви к своей земле, все же принадлежность к той или иной народности определялась родством по крови. Всякая общественная группа мыслилась только как объединение людей, происходящих от одного предка, имя которого они постоянно помнили и носили. Однако даже когда было известно, что данная группа образовалась недавно и состав ее разнороден, а братство по крови являлось лишь фикцией, ее сплоченность не ослабевала. У берберов-кочевников всегда господствовало самое архаическое, самое примитивное понимание родины, поскольку главная забота кочевников заключалась не в том, чтобы защищать землю своих предков, а в том, чтобы оставаться всем вместе в рамках единой самостоятельной общественной группы. Ни миграция, ни даже изгнание не нарушали их социальной обособленности. Отдаленность друг от друга групп родственников по крови хотя и ослабляла их этническое единство, однако не уничтожала сознания родства.

Тем не менее движущими этническими силами в Марокко были такие объединения или группы, которые ограничивали себя жесткими территориальными рамками [180, с. 35]. Подобная система не позволяла индивиду обособляться. Каждый эмигрант, беглец, вынужден был присоединяться — будь то в целях защиты от преследования или изменения образа жизни — к той социальной единице, в которой он решил жить; в противном случае он рисковал стать человеком вне закона, которого каждый был вправе отвергнуть. Вне этих групп, основанных на родстве, невозможно было предпринять ни один политический акт. Любой вождь или претендент на должность вождя, прежде чем обрести ее, должен был заручиться поддержкой своих братьев по крови. Лишь для религиозных лидеров это было необязательно [165, с. 30]. Некоторые буржуазные авторы, например Анри Терасс и Дэвид Харт (см. [180, с. 33; 137, с. 28]), подчеркивают, что биологическое понимание родины у берберов тесно связано с де-

мократизмом и что «инстинктивно или исходя из собственного горького опыта они боялись культа личности». Здесь следует отметить, что берберы не «инстинктивно боялись культа личности», а просто находились на первобытной стадии развития, при которой основной ячейкой общества является патриархальная община в форме племени или рода, община кровных родственников. При такой форме люди связаны узами родства и склонны к геронтократии. То же самое общество было весьма «недемократичным» и жестоким по отношению к чужим племенам и общинам, применяя к ним «закон джунглей».

Берберскому вождю удавалось выдвинуться лишь в том случае, если он обещал вовлечь свой клан в такое дело, которое было бы выгодно для всех его членов, давая таким образом возможность каждому удовлетворить свои стремления или честолюбие.

Социальная обособленность и система лефов гарантировали каждому маленькому сообществу автономию, которая позволяла справедливо распределять доходы и налоги. Именно благодаря раздробленности берберское общество сохраняло равновесие и мир. И напротив, как только какой-нибудь клан или род делал попытки установить свое господство, вследствие чего начинали укрепляться отдельные политические формирования, сразу вспыхивали восстания и междоусобные войны, ослаблявшие не только центральную власть, но и сами племена.

Вместе с тем очевидно, что общественно-политическая система, которая ограничивала деятельность людей узкими рамками небольшого селения и в которой крупным общественным формированиям отводилась роль охранителей общего равновесия и защитников мелких социальных единиц, не давала возможности решать большие задачи. Для создания политико-социальной единицы типа королевства или империи необходимо было создать систему привилегий для одного клана, диктующего остальным свою волю и формирующего центральное правительство, т. е. *махзан*.

Чувство принадлежности к своему народу, иногда привязанность к своей родной земле, ненависть к угнетателям и тяготение к равенству характеризуют берберский патриотизм.

Согласно мнению французских буржуазных авто-

ров, в 1912 г., когда Франция уступила Испании «зону влияния» в Марокко, страна пересекалась тремя основными осями: 1) арабо-берберской, 2) городской — племенной и 3) *махзан — сиба*³³. Первую ось называют еще лингвистической. Как известно, арабский является национальным языком страны, но на нем говорит только 60% населения Марокко; на берберском языке говорят разные, территориально разобщенные группы племен (*риффы*, среднеатласские берберы и *илехи*, с недавних пор именуемые *суси*). Вторую ось именовали еще социально-экономической. Во всех городах Марокко говорили на арабском языке. Те группы, которые говорили по-арабски, селились в городских центрах или ближе к ним, а говорящие на берберском старались быть подальше от городского влияния.

Ось *махзан — сиба* была политической по своему характеру. Религия (ортодоксальный суннитский ислам) была объединяющей силой на всей территории Марокко. Политическая власть была династической и концентрировалась в руках султана, который теоретически являлся духовным и светским главой всего мусульманского общества Марокко. Султана окружали большой двор, многочисленные министры и постоянная армия, которая также собирала налоги. Поскольку султан для поддержания мира в своих владениях должен был постоянно путешествовать, пересекая племенные границы, двор и армия всегда сопровождали его. Все городские центры и арабские племенные земли вокруг были полностью под контролем правительства и были известны как *Биляд аль-Махзан* («Страна правительства»). Жители Биляд аль-Махзан не только аккуратно платили налоги султану, но и составляли костяк его армии. Географически Биляд аль-Махзан занимала только равнину на побережье Атлантического океана и прилегающие равнинные районы Марокко, т. е. значительно меньше половины всей территории страны³⁴.

В отличие от «Страны правительства» *Биляд ас-Сиба* («Страна мятежа») была целиком племенной, и большая часть ее населения говорила по-берберски. Там признавали султана только как духовного главу страны, но не как светского. Впрочем, оппозиция племен имела свои пределы. Военные экспедиции махзана, иногда под командованием самого султана, всего не-

сколько раз вторгались в горные районы непокорных племен на протяжении XVIII—XIX вв. Не имея реальной власти в Биляд ас-Сибя, султан тем не менее вполне реально влиял на ход событий в этой части Марокко, был арбитром в спорах между племенами, влиятельными семьями феодалов и даже отдельными деревнями, которые признавали в его лице не только «повелителя правоверных», но также судью и, что было нередко, щедрого заимодавца, способного материально выручить то или иное племя, попавшее в тяжелое положение.

Некоторые племена лишь частично подчинялись султану, и их вожди формально получали власть от него. Такие племена нельзя было четко отнести к Биляд аль-Махзан или Биляд ас-Сибя. Купцы, паломники, кочевники-скотоводы, переходившие из одной зоны в другую, были заинтересованы в поддержании единства страны. Да и даже самые мятежные из племен понимали, что экономически они во многом зависят от торгового и прочего обмена с городами, как правило подчинявшимися власти султана. Поэтому, не имея часто возможности подавить сопротивление племен военной силой, махзан пускал в ход политические маневры, экономический нажим и другие средства.

В западной буржуазной историографии считалось и продолжает считаться, будто до 1912 г. Марокко не только не было централизованным государством, но и вообще государством в общепринятом смысле этого слова. «В свете этой теории становилось очевидным, что „мятежные“ племена не имели никаких претензий к пришельцам из-за рубежа (к французам.—З. М.). Отказавшись от старого антагонизма, Биляд аль-Махзан и Биляд ас-Сибя оказывали сопротивление только султану. Отсюда следовало, что французский протектор находился в Марокко вовсе не как завоеватель: он скорее помогал преодолевать внутренние распри, он занимался „умиротворением“» (см. [34, с. 43]). Полная несостоятельность этой теории была доказана практикой. И действительно, когда в начале XX в. Франция встала перед выбором — либо привлечь на свою сторону султана и с его помощью подчинить племена, либо, наоборот, поднять племена, чтобы подчинить султана, — она останавливалась на первом варианте, ибо для французских правящих кругов стало

ясно, что нельзя победить, ведя борьбу против султана или без его участия.

Как отмечает прогрессивный марокканский ученый Ж. Аяш, существовал и контрдовод. «Ибо суть того, что в условиях протектората стало именоваться „берберской политикой“, была в том, чтобы попытаться разделить страну на части между двумя враждующими блоками: Биляд аль-Махзан и Биляд ас-Сибя» [34, с. 43]. Однако вопреки желаниям оккупантов племенная оппозиция оказалась направленной не против Биляд аль-Махзан, но против них самих. Наиболее ярко это продемонстрировали два коренных племени на территории Биляд ас-Сибя — упоминавшееся выше *аит варьягар* и *аит атта*³⁵. Первое было разбито франко-испанскими войсками в 1926 г., второе — французскими карателями в 1933 г.

Позиция племен Марокко, в том числе берберских, во многом определялась не только их отношениями с султаном и властями протектората, но также их внутренней структурой, внутренними связями. Некоторые авторы эти связи представляют как своего рода «социальный контракт», являющийся результатом чуть ли не свободного выбора любого члена племени [148, с. 41].

Интересно рассмотреть понятие части племени, или его фракции. В связи с этим весьма характерно высказывание Эванса-Причарда в его работе о племенах бедуинов³⁶ Киренаики [119, с. 59—60].

По мнению Эванса-Причарда, арабский шейх теоретически может быть вождем, но фактически только «первым среди равных». Ежегодно проводились выборы вождей кланов у берберов в Среднем Атласе, а у племени *аит атта* — даже выборы верховных вождей всего племени. Но эти верховные вожди избирались только в военное время, их можно было легко сместить за «плохое поведение» до истечения срока полномочий; политическая власть находилась, в сущности, в руках совета племени или клана, который сам был органом без руководителя [134, с. 25—33].

В жизни марокканского племени женщины не играли активной роли. Работали же они гораздо больше мужчин. И лишь в области «колдовства» (изготовление снадобий, отравы и т. д.) их влияние было огромно³⁷.

Большая часть марокканских мужчин имеет по

одной жене, главным образом по экономическим соображениям, хотя по шариату могут иметь до четырех. Жена практически совсем лишена права развода с мужем, хотя тот может легко развестись с ней. Правда, на практике развод среди берберов — явление не такое уж частое. Но в некоторых племенах Среднего Атласа (*аит атта*, *аит хадидду*) жены могут разводиться со своими мужьями³⁸.

В семье без сыновей, после того как вдова получает причитающуюся ей $\frac{1}{8}$ часть наследства или после того как она снова выйдет замуж за младшего брата мужа³⁹, братья умершего принимают его дочерей со всем их добром⁴⁰.

Весьма характерно предположение американского буржуазного автора Манфреда Халперна о марокканской ситуации, в равной степени относящейся к племени и более широкому обществу настоящего времени: «Для чего рождается мужчина в Фесе⁴¹? Для того чтобы отдать свою первую верность жене и детям (одной жене или нескольким, дочерям в такой же степени, как и сыновьям) или своему отцу, своему племени, Фесу, Марокко, королю, партии „Истикляль“ или ее ответвлению — Национальному союзу народных сил, Северной Африке, Франции, арабам, исламу, богу, человечеству, только самому себе? Эта проблема никогда не вставала в таком объеме и сложности, как сейчас. Иерархия лояльности была ясной. Идеально, а также обычно и в практической жизни она начиналась с преданности главе семьи, который и определял следующее звено. Новые привязанности конкурируют друг с другом, и сама нация, даже в суверенных государствах Ближнего Востока, остается скорее обещанием, чем реальностью» [132, с. 200].

В северной зоне страны Абд аль-Крим⁴² ввел значительные изменения. Он объявил вне закона наследственную вражду, снес все огневые сооружения, которые до этого были принадлежностью каждого дома, отменил коллективные клятвы и т. д. Поскольку Абд аль-Крим сам был кади, он утвердил шариат в каждой области, где раньше царил только обычай. Испанская администрация впоследствии просто увековечила реформы Абд аль-Крима. Но в горах Атласа французские офицеры позаботились о том, чтобы берберские обычаи остались законсервированными, а сами члены племен

продолжали оставаться в изоляции от более развитых районов страны. В испанской зоне, за исключением периода гражданской войны 1936—1939 гг. в Испании, первые сражения в которой рифские отряды практически выиграли для Франко, положение также оставалось без изменений.

Следует отметить один важный аспект административной структуры в обеих зонах протектората: все вожди (*каиды*), берберские или арабские («первые среди равных» в своих племенах), были, так сказать, «заморожены» администрацией протекторатов наверху племенной политической пирамиды. С другой стороны, французские и испанские армейские капитаны стояли на нижней ступени своих административных машин, управляемых из Рабата и Татвана — двух протекторатов, где находились французский генеральный резидент и испанский верховный комиссар⁴³.

Еще накануне получения независимости французы верили в миф, который сами создали: берберы, которые, как все предполагали, были под диктаторским руководством Тхами аль-Глауи, назначенного французами пашой Марракеша, останутся им преданными [174, с. 63, 206, 207]. И тем не менее в 1955 г. именно берберы из Игзинаэн в марокканской Армии освобождения в Рифе одновременно атаковали три французских аванпоста — в Акнум, Буриде и Тизи Усли. А через два месяца и сам аль-Глауи развернулся на 180 градусов и объявил о своей преданности султану Мухаммеду Бен Юсефу (с 1957 г. — король Мухаммед V), который 16 ноября 1955 г. вернулся в Рабат из своего изгнания на Мадагаскаре и был встречен всеобщим ликованием.

После достижения в 1956 г. независимости пост вождя племени (*кайда*) был отменен как пережиток колониализма, и это место занял новый тип марокканца, знакомого с бюрократическим способом управления, что еще больше втянуло племена в орбиту королевского правительства. Последнее прежде всего характеризовалось образованием так называемых «сельских коммун» (в общей сложности около 800 во всем Марокко), цель создания которых заключалась в подрыве племенной системы. Каждая коммуна имела своего руководителя и совет, состоящий из представителей от кланов, входящих в коммуну. Совет отвечал за работу племенных рынков, за сбор десятины (*ушр*)

в пользу мусульманской общины, строительство мостов, питьевых фонтанов, второстепенных дорог и выполнение других общественных работ на территории коммуны [137, с. 42], а также за распределение ее бюджета⁴⁴. Однако любое решение совета могло быть отменено губернатором провинции [112, с. 36].

Эффективность системы сельских коммун пока еще довольно умеренна. Наилучшие результаты она дала в прибрежных районах Атлантического океана, а наименее эффективна — в Рифе и Среднем Атласе, где берберский язык, племенной строй и берберские элементы все еще преобладают.

В годы французского протектората офицеры корпуса по туземным делам усердно изучали берберский язык (как и арабский) в старом марокканском Институте высшего образования в Рабате. Франция делала ставку на разжигание берберского партикуляризма. В первые годы независимости само слово «бербер» считалось в Рабате ругательством; этимология этого слова возводилась арабскими националистами к непонятному лепету, а язык берберов признавался ими «варварским» и неспособным выразить какие-либо понятия культуры [95, с. 341]. В настоящее время этого уже нет, и берберы, получившие французское или арабоязычное образование, с гордостью говорят о своем происхождении. Даже образованные марокканские арабы теперь признают, правда не всегда охотно, что именно берберская основа Магриба определяет уникальность региона.

Период после получения страной независимости характеризовался рядом племенных восстаний, которые все (что очень показательно) происходили в берберских районах: в 1956—1957 гг. в Тафилалете (населенном как берберами, так и арабами), в 1958—1959 гг. в Рифе и в 1960 г. в Среднем Атласе. С тех пор восстаний больше не было, но это лишь подчеркивает «развивающийся» характер марокканского общества, так как отношение племен и сельских районов к новой национальной структуре во многом строится по извечному крестьянскому принципу «поживем — увидим».

Как замечает канадский ученый Джелнер, эти «восстания или бунты» иногда малопонятны. Но если хорошо вникнуть в причины выступлений, то становится

очевидным, что, например, первое восстание в Рифе частично было вызвано недовольством местного населения плохой работой королевской администрации [126, с. 362—363]. Была и другая причина — непропорциональное представительство местного населения в правительственных органах. Обе причины тесно связаны между собой. Что касается бунта в Среднем Атласе, то он вызван действиями тогдашнего премьер-министра Марокко Абдаллаха Ибрахима [126, с. 367].

Весьма характерно мнение английского автора Харта: «Настоящая национальная политическая борьба еще впереди, и племенные восстания, которые до сих пор происходили, составляют только часть местных генеральных репетиций» [137, с. 43]. Во всяком случае, эти выступления являлись неотъемлемой частью политической игры, в которой племена, города, политические партии, профсоюзы, правительство, армия и монархия стремились любыми средствами завоевать необходимые для них позиции.

Роль, которую играли племена Центрального Рифа в движении за независимость, была куда менее значительной, чем та, которую играли их южные соседи, во французской зоне⁴⁵, во время кампании марокканской Армии освобождения в Рифе в конце 1955 г., когда кланы племен Центрального Рифа, граничивших с территорией южных берберских племен, свободно укрывали беглецов и солдат из сражающейся армии, а испанцы в то же время закрывали глаза на доставку оружия контрабандой во французскую зону. Хотя Риф в основном был отрезан от остальной страны межзоной национальной границы, занятия контрабандой и миграция в поисках работы постепенно «политизировали» жителей этой больше других сохранившей старые традиции берберской области Марокко.

Как только власть перешла в руки марокканцев, партия национальной буржуазии «Истикляль» заняла прочное положение и во всем регионе получила вначале широкое признание и одобрение. Однако вскоре *аит варьягар* начали проявлять недовольство, когда выяснилось, что никто из их племени не был назначен в новую местную администрацию и что все посты, начиная с губернатора провинции, заняли говорящие по-французски сторонники партии «Истикляль» из южной зоны.

Значительное количество берберов *аит варьязгар* вполне сносно и даже бегло говорило по-испански, и их раздражало, что говорящие по-французски арабы из южной зоны заняли ключевые должности⁴⁶. В этом они видели неуважение к себе, к своим самобытности и вкладу в освободительную борьбу⁴⁷.

Большинство *рифов* разочаровалось в партии «Истикляль» и ее руководителях, которые не обеспечили им ни работы, ни соответствующего политического представительства. Это было и одной из причин того, что Демократическая партия независимости⁴⁸ начала получать сильную поддержку в этом районе, хотя в Рабате официально не признавали ее существования.

Первое открытое выступление *рифов* произошло 25 октября 1958 г., когда разгневанные члены племени напали на помещение партии «Истикляль». Повстанцы были плохо вооружены, они бросились к массиву Жбил Хмам⁴⁹, и тогда мятеж превратился в настоящее восстание, к которому примкнули все племена Центрального Рифа. Однако по первому же призыву, переданному по радио тогдашним наследным принцем Мулаем Хасаном (с 1961 г. — король Марокко), большая часть восставших вернулась в свои дома, а против непокорных была послана армия⁵⁰. Племена, конечно, потерпели поражение. Впоследствии руководители восстания утверждали, что их выступление было направлено только против партии «Истикляль» и претендента, а не против вновь сформированной королевской армии или монархии.

Провинция Эль-Хосейма была подчинена военной власти. На территории восстания были запрещены все политические партии. После окончательного подавления восстания в январе 1959 г. *риффы* старались уклоняться от участия в деятельности каких бы то ни было политических партий, равно как в местных и национальных избирательных компаниях, начавшихся 29 мая 1960 г.

Политическая ориентация рифских племен на изоляцию от внешнего мира была навязана военным губернатором и военными каидами после восстания, причем теоретически считалось, что сама армия выше всякой политики. Но даже когда вся провинция полностью была подчинена контролю гражданской администрации,

Риф продолжал оставаться местом потенциальной опасности: племена выжидали своего часа.

Последствием восстания была новая вспышка миграции рабочей силы. Охватившая весь Риф с 1961 г., она шла в основном в направлении Западной Европы. Излюбленным местом для мигрантов из Марокко стала Западная Германия. Зарботки там были выше, а жилищные и рабочие условия — лучше, чем в других странах, да и сама работа привлекала: она была чисто индустриальной, начиная от пивоварения и кончая сборкой автомобилей. Правда, сейчас первое место по привлечению мигрантов из Рифа занимают Голландия и Бельгия, хотя немало их работает во Франции и даже в Англии.

Социально-политические сдвиги и усиление берберской элиты в Марокко в 50—60-х годах

Французская политика в отношении берберских племен

Политика французской администрации в отношении берберских племен во многом зависела от их сопротивляемости или покорности. Французский журналист Р. Кани цинично писал, что «величина налога зависела от степени сопротивления племен» (цит. по [67, с. 24]). В северных и центральных районах страны, где больше сохранились патриархальный уклад горцев и при-сущая им жажда независимости, французские власти посылали против «непокорных» племен карательные экспедиции, в ходе которых захватывали земли племен, выжигали посевы, угоняли скот¹. В результате племена были вынуждены сдать оружие, отказаться от самостоятельности, в ряде случаев — переселиться на новые места, выдать своих вождей и платить налоги. Одним из следствий их поражения явилось назначение сверху (администрацией протектората) постоянных каидов, совершенно чуждых племени, ранее обычно выбиравшему вождя на каждый год. Каид, которому подчинялись шейхи клана или деревни, в свою очередь, контролировался капитаном из Управления по делам туземцев [126, с. 367—371]. Оба они «делали политику», т. е. натравливали друг на друга разные кланы и фракции племени, обирали и разоряли членов племени, попутно выполняя указания генерального резидента, который непосредственно контролировал формально подчиненных султану пашей (правителей городов) и каидов, даже не давая себе труда ставить султана в известность о каких-либо предпринятых им мерах. Что касается южных районов, где давно сложились феодальные отношения, а власть была сосредото-

чена в руках семи крупных племенных вождей — «великих каидов», добровольно подчинившихся французам, то здесь завоеватели установили свой контроль над феодалами, но сохранили старую администрацию и прежнюю феодальную систему².

В годы протектората французские власти в Марокко бесцеремонно отбирали у берберов общинные земли и селили на них французских колонистов. Вот что говорил по этому поводу первый французский генеральный резидент маршал Юбер Лиотэ: «Многие племена сохраняют древний обычай коллективного владения землей. Мы постепенно дадим им понять, убедим их, что истинная форма владения есть владение индивидуальное. И поскольку, превращая коллективные земли племен в земли индивидуальные, мы увеличиваем ценность индивидуального владения каждого члена племени... мы требуем в награду уступки части коллективных земель государству» [196, 1924, № 1, с. 49]. Именно на этих коллективных землях и создавали французы фонды для своей колонизации. В результате некоторых изменений, внесенных в существовавшее аграрное законодательство, власти протектората выделяли для колонистов часть земель махзана, земли религиозных учреждений (*хабус*) и часть общинных земель племен³. Кроме того, колонистам разрешалось приобретать также частновладельческие земли (*мульк*).

Вследствие такой политики уже к концу 20-х годов французскому монополистическому капиталу принадлежали крупные земельные латифундии, обрабатываемые марокканскими издольщиками и батраками, а также животноводческие фермы, лесные разработки, железные рудники, железные дороги и т. п.

В испанской зоне колонизация также имела место, но в несравненно меньших масштабах, чем во французской зоне, ввиду малого количества в этой гористой области обширных плодородных участков земли, пригодных для интенсивного фермерского хозяйства. Испанские власти не меняли традиционного юридического статуса земель племен (как в основном непригодных для колонизации). Поэтому немногочисленные испанские и другие колонисты на севере Марокко, скупая земли *мульк*, не становились собственниками этих земель в классически капиталистическом понимании этого термина, оставаясь скорее землепользователями.

Более основательно колонизация велась двумя компаниями на свободных землях равнин Гарета и Себры (с 1916 г.) и низменности Луккоса (с 1927 г.), которые были разбиты на наделы и заселены колонистами. Другие представители частнопредпринимательской колонизации освоили долины двух вад (русла рек) — Уэд-Гис и Уэд-Иоккур, — а также земли, конфискованные у племен *жбала* после подавления Республики Риф (характерно, что испанцы предпочли наказать эти соперничавшие с берберами Рифа арабоязычные племена, а самих берберов как наиболее опасных и мятежных постарались привлечь на свою сторону). В целом испанская аграрная колонизация большого распространения не получила. Достаточно сравнить земельные площади колонистов французской зоны (1085 тыс. га) с испанской (40 тыс. га) к началу 50-х годов, чтобы прийти к такому выводу [36, с. 391—392]. Да и воздействие французов и испанцев на местное население вряд ли сопоставимо: в 1951 г. в Марокко насчитывалось 304 тыс. французов и чуть более 26 тыс. испанцев [33, с. 300].

Правда, далеко не все французские колонисты были коренными французами. Их ударным отрядом были французы из Алжира, особенно «оранцы», среди которых до 74% (по данным 1931 г.) составляли офрануженные испанцы, и немало было итальянцев, корсиканцев, швейцарцев, мальтийцев [57, с. 33—35]. Именно «алжирофранцузы» и их лидер Эжен Этъенн явились главными организаторами захвата Францией Марокко. Они же были и первыми колонистами (даже построили два центра колонизации — Беркан и Мартинпрей), и первыми французами в марокканских городах (Таза, Фес, Мекнес, Касабланка), и первыми исполнителями всех высших должностей в аппарате французского протектората над Марокко. Впоследствии они образовали в стране наиболее влиятельный клан среди французских чиновников, крайне враждебный освободительному движению и в то же время поставивший наиболее опытных «специалистов» во все звенья структуры протектората — от «офицеров по туземным делам» и гражданских контролеров (следивших на местах за деятельностью кайдов и пашей) до начальников всех главных служб и даже генеральных резидентов (например, правившего в 1947—1951 гг.

Альфонса Жюэна, сына французского жандарма из алжирского города Бон, ныне — Аннаба).

Менее значительными по сравнению с французской и испанской колониями были другие европейские общины. После второй мировой войны довольно быстро выросло число американцев (с 276 человек в 1947 г. до 1060 в 1951 г. и 4 тыс. в 1954 г.). Если в 1945 г. в Марокко было всего 35 американских коммерсантов, то в 1955 г. их было уже 279 [33, с. 301—302]. Все чаще становились и их контакты с марокканцами.

Социальной опорой французских колонизаторов внутри страны были возглавлявшие племена кайды и шейхи (религиозные либо главы родов), которым власти протектората предоставляли право сбора налогов с населения. Для укрепления и упрочения своего господства французы использовали также межплеменные раздоры и нищету племенных масс.

В. И. Ленин указывал, что «не только вероятно, но неизбежны в эпоху империализма национальные войны со стороны колоний и полуколоний» [4, с. 6]. Действительно, политика гнета и насилия, осуществляемая французской администрацией по отношению к непокорным племенам, вызывала их яростное сопротивление, которое часто выливалось в вооруженные восстания, особенно значительные в 20—30-е годы. Некоторые районы не были усмирены вплоть до 1934 г., после чего центр освободительного движения переместился в города, а руководящая роль в нем от племенной верхушки перешла к национальной буржуазии, как арабской, так и берберской. В городах наблюдалось интенсивное смешение населения, выступавшего в защиту общемарокканских интересов. В этих условиях колонизаторы стали противопоставлять городской буржуазии сельскую знать, главным образом верхушку племен и религиозную аристократию — шерифов и марабутов.

Термин «знать» ввела французская администрация, отведя этой категории местного населения особое место в обществе. По данным «Мемуаров» Хасана II, в 1950 г. от 500 тыс. до 600 тыс. человек принадлежало к «знати» (10—11% всего сельского населения). К ним относились не только арабские и берберские феодалы, но и их многочисленные родственники и высокопоставленные подданные. Эта группа владела земельной площадью примерно 4 млн. га. 7,5 тыс. крупных феодалов

(включая богатых кайдов) владели 1,800 тыс. га земли. Прибыли от эксплуатации этих земель были лишь дополнением к доходам, получаемым на административной службе [138, с. 100]. По мере роста земельных владений знати усиливался и ее престиж, так как в берберском обществе (как и среди арабов Марокко) положение личности часто измерялось количеством гектаров земельных владений [103, с. 51—52].

Французские колониальные власти рассматривали Марокко как своего рода «национальный заповедник». Один из французских авторов писал: «Эти племена являются как бы нашей дикарией, достойными любви и уважения, для которых предел мечтаний — получить галуны унтер-офицера» [104, с. 229]. Оставаясь приверженцами султана, сельские жители считали, что принадлежат к надгосударственному и надплеменному сообществу. Что же касается торговли, которой они занимались, то она обязывала их постоянно поддерживать контакт с городом [153, с. 107].

Французская администрация после перемещения центра тяжести освободительного движения в города больше надежд возлагала на молодую сельскую элиту, чем на городскую. Офицеры из Управления по делам туземцев проявляли особую благосклонность к сельским жителям: они делали все возможное, чтобы оградить деревню от «тлетворного влияния» городских жителей, а также от «религиозного фанатизма». Такая политика объяснялась все более разраставшимся движением против властей протектората, развертывавшимся под флагом приверженности исламу и арабской солидарности. Колонизаторы сочли выгодным противопоставить ему «самобытность» берберов, их отличия от арабов, племенной патриотизм и местнические тенденции. Преобладание берберов среди сельского населения обещало успех этой операции — операции искусственного противопоставления берберов-сельчан арабам-горожанам.

Во время проведения операций по «умиротворению» французские офицеры отмечали высокую боеспособность берберов, в особенности жителей Среднего Атласа. Именно в них они видели резерв для пополнения своей карательной армии [185, с. 134] и старались доказать местным военным, что перед их детьми открыва-

ется блестящая военная карьера во французской армии. В г. Мекнесе была создана военная академия, куда наряду с арабами принимались и берберы со всего Марокко⁴ [99, с. 59], причем берберам оказывалось явное предпочтение.

Администрация протектората, учитывая опыт колониальной политики Франции в Алжире и Тунисе, пришла к выводу, что необходимо сохранить в обиходе берберские диалекты, ограничив употребление арабского языка, а за счет этого еще больше расширить использование французского языка. Она нуждалась в берберофонах, знающих французский язык достаточно для того, чтобы работать учителями, служащими в судах и переводчиками в министерстве внутренних дел [185, с. 134]. В этих целях были открыты школы для сыновей сельской берберской знати, а лучшие ученики в знак поощрения принимались в коллеж Азру.

Основанный в 1927 г. коллеж Азру явился олицетворением политики, проводимой французами в отношении берберов. Система образования в коллеже была хорошо продумана. Молодой бербер, получивший аттестат об окончании школы для знати, мог продолжить свое образование в Азру, и только в Азру [105, с. 249]. Все дороги вели в Азру, замкнувшись в этом франко-берберском круге, огражденном от всякого соприкосновения с арабами и с арабским языком, а следовательно — и с арабским национализмом, служившим идейной основой антифранцузского движения в стране.

Все обучение в коллеже, естественно, велось на французском языке, и только полтора часа в неделю отводилось арабскому. Ученики Азру ограждались от всего арабского в марокканской культуре и воспитывались в духе французской культуры и берберских настроений «в рамках фольклора» [148, с. 85]. Однако о распространении и усилении освободительного движения в городах быстро становилось известно не только ученикам коллежа, но и всем жителям *бледа* (сельской местности). Из Феса, Рабата, Марракеша в расположенные на окраинах городов берберские поселки и даже близлежащие горные селения приезжали противники режима протектората и без труда вербовали своих сторонников.

Сельский мир был более ограничен по сравнению с городским. Если деловые контакты и торговля как бы

перемешивали разные слои городской торговой буржуазии и расширяли ее горизонты, то в деревне общение было более ограничено, сводилось к связям между племенами внутри одной и той же конфедерации или между населением соседних деревень и рынков. Одним словом, в отличие от городского сельского население мало соприкасалось с внешним миром. Преданность вождей племен была завоевана французской администрацией не столько заботой о нуждах всего племени, сколько за счет удовлетворения требований сельской знати, которая своим появлением была обязана привилегиям, полученным от центрального правительства.

Властям протектората было известно, что издавна, несмотря на активный процесс смешения арабов и берберов в ходе формирования единой марокканской нации, имели место неприязнь и предубеждения между обеими основными этническими общинами Марокко. Они шли от времен первых столкновений коренных жителей с пришлыми завоевателями (в VII—VIII вв.), от нашествия воинственных бедуинов *макиль* (в XI—XIII вв.), впоследствии ставших племенами *гиш*, т. е. главной военной силой *махзана*, подавлявшей мятежные, в основном берберские, племена. Кроме того, со времен переселения в Марокко (и вообще в Магриб) андалусских мавров, заполнивших марокканские города и принесящих с собой рафинированную арабо-мавританскую культуру Кордовы и Гранады, среди горожан стало распространяться пренебрежительное, полупрезрительное отношение к «неграмотной деревенщине», большинство которой составляли берберские племена. Это презрение было смешано с враждебностью к племенам как к «неистинным мусульманам», ибо они руководствовались больше обычаями, чем Кораном и шариатом. Горожане опасались «мятежников», не признававших авторитета султана, и «варваров», не говорящих на «избранном Аллахом» арабском языке [33, с. 341].

В свою очередь, сельские берберы, в основном обитавшие в горах Биляд ас-Сибя, гордились своей свободой и презирали горожан, покорно терпевших «гнет *махзана*». К этому примешивались и давние противоречия между племенами (в основном кочевыми) и *хадри* (т. е. оседлыми, преимущественно горожанами), и совсем недавно возникшие различия интересов между го-

рожанами (как правило, арабоязычными) и представителями племен (главным образом бербероязычными) в ходе налаженного рыночного обмена. Помимо этого существовали и религиозные различия: городские жители обычно следовали за официальным мусульманским духовенством (главой которого считался султан), а сельские — за братствами *марабутов*, многие из которых объединяли только берберов.

Обратив внимание на все различия, существовавшие к тому времени между арабами и берберами, французская колониальная администрация стала строить свою политику целиком на принципе «разделяй и властвуй». Еще в 1928 г. чиновник резиденции Роже Годфруа Демомбин писал: «Опасным является позволение образовывать фалангу марокканцев, имеющих один язык. Мы должны использовать в своих целях старое изречение „разделяй и властвуй“. Наличие берберской расы — это полезный инструмент для противодействия арабской расе; мы даже можем использовать ее против самого *махзана*» [123, с. 119]. Наряду с этническим расколом как одной из внешнеполитических функций колониализма огромное воздействие на национальные процессы в Марокко «оказали его внутриполитические и экономические функции» [56, с. 21].

Для усиления берберского элемента 16 мая 1930 г. французы ввели так называемый берберский закон (*дахир*)⁵, который предписывал сохранение в берберских племенах обычного права вопреки шариату и ставил целью полностью отделить берберов от арабов не только в юридическом, но и в административном, культурном и языковом отношении, т. е. в конечном счете расколоть национально-освободительное движение.

После издания *дахира* 1930 г. французская администрация интенсивно начала набирать из берберов солдат во французскую армию, назначать берберских вождей и чиновников и усиливать позиции ранее назначенных. Одновременно создавались специальные школы для детей берберской знати, призванные стать инструментом пропаганды французской политики [133, с. 90].

Разумеется, марокканские националисты быстро разгадали смысл берберского *дахира* 1930 г. как средства раскола марокканского народа и подрыва влияния ислама среди наиболее изолированной от городов ча-

сти крестьянства, особенно бербероязычных горцев. Поэтому уже 20 июня 1930 г. был организован в главной мечети г. Сале, одного из старинных центров городской цивилизации Марокко, публичный протест против дахира. Этот протест стал «катализатором политизации городских масс» в стране [108, с. 201]. Во всех городах улемы и другие религиозные деятели, связанные в первую очередь с национальной буржуазией, мусульманскими традиционалистами и арабоязычной интеллигенцией, резко критиковали дахир, как допускающий «постыдную ересь», отделяющий горные племена от национального сообщества. Некоторые считали дахир даже подготовкой к обращению берберов в христианство (как известно, в прошлом веке французы в соседнем с Марокко Алжире добились перехода в христианство нескольких тысяч берберов из горной Кабилии). Одним словом, произошёл поистине взрыв националистических настроений среди молодой марокканской буржуазии и интеллигенции. Именно эти группы городского населения страны в то время наиболее остро чувствовали потребность в укреплении национального единства. Поэтому они и выступили столь непримиримо против коварной политики колонизаторов в берберском вопросе.

С первых дней установления протектората в Марокко французская администрация всячески старалась увеличить число преданных ей вождей племен и предупредить развитие марокканской буржуазии. Хотя марокканская городская буржуазия существовала уже до начала французской колонизации и закрепила свой статус в период протектората, экономическая ее роль ограничивалась лишь участием в ремеслах, мелком производстве, более широко — в организации внутренней торговли и лишь частично — в импортно-экспортной деятельности. Поэтому начатая ее первыми политическими организациями в 1934—1937 гг. борьба против протектората носила непримиримый характер и, несмотря на неудачи и поражения, привлекала все больше симпатий городской молодежи.

В конце второй мировой войны в Марокко были произведены крупные инвестиции французского капитала. Сюда же рвался и американский капитал. Это укрепило господствующие позиции иностранных монополий в экономике Марокко. Марокканскую буржуа-

зию, несколько усилившуюся за годы войны, особенно в текстильной, кожевенной и пищевой промышленности, вновь оттеснили на второй план. Она так или иначе оставалась в стороне от деятельности наиболее прибыльных и современных отраслей промышленности. Большинство вложений делали такие банки, как «Банк де Пари э де Пэи-Ба», «Банк де л'Юньон паризьен», «Шнейдер-Крезе и Ротшильд», а также «марокканские группы», которые были либо международными, как, например, «Государственный банк Марокко», в котором доля французского капитала составляла 57,2% (1947 г.), либо французскими, как «Компани женераль де Марок», который относился к «Банк де Пари э де Пэи-Ба», и «Компани Марокэн», связанный со Шнейдером [102, с. 107—109]. Доля же капитала марокканской буржуазии, вложенного ею в развитие промышленности, в 1950 г. составляла лишь 5% [33, с. 368], хотя в целом деятельность ее значительно активизировалась.

Один из апологетов французской администрации в Марокко так суммировал политику французских колониальных правителей в отношении местной буржуазии: «...мы должны всегда господствовать, занимать ее место и трансформировать ее в послушную касту» [92, с. 18].

Марокканская буржуазия ответила на такую политику властей поддержкой национально-освободительного движения. Для Марокко наступил период, когда, по выражению К. Маркса, накопившиеся повсюду несправедливости должны были «повлечь за собой народное возмездие» [3, с. 105].

Со своей стороны, французская администрация снабдила неомохзан, т. е. подчиненный ей аппарат формально «султанской» власти, политической опорой в лице берберских кайдов-администраторов, которые составили костяк министерства внутренних дел, противопоставив его «честолюбию марокканской буржуазии». Берберские кайды могли наилучшим образом справиться с этой задачей еще и потому, что основу марокканской буржуазии составляли арабы-горожане из Феса и Касабланки, а берберы были либо мелкими буржуа в Танжере, Татване и Марракеше, либо крупными акционерами иностранных компаний (паша Марракеша аль-Глауи и другие берберские феодалы).

После достижения независимости в 1956 г. 70% населения Марокко, включая 80—85% всех берберов, жили в сельских районах [89, с. 261]. Французская администрация не разрешила проблемы сельского населения страны. Наоборот, она была еще усугублена раздачей земель некоторых *джамаа* (французским колонистам и местным каидам).

Правящая династия и партия «Истикляль» по-разному отнеслись к социальным проблемам сельского населения. Если у королевского дома не было желания вступать в конфликт с представителями племенной знати, которая, получив земли в период протектората, укрепила свои социальные и экономические позиции, то партия «Истикляль» пыталась разрешить аграрную проблему. В программе партии, принятой в 1960 г., и в решениях Национального конгресса 1967 г. предлагалось государственные и коллективные земли, *хабусы*, земли колонизационного фонда и владения предателей передать в собственность нации и обрабатывать производственными кооперативами под контролем государства. Там же говорилось о необходимости проведения аграрной реформы, но какой именно, не уточнялось [23, с. 10]. По данным американского автора У. Зартмана, у лидеров партии «Истикляль» не было желания проводить какую-либо серьезную земельную реформу по той причине, что она, по мнению руководства партии, могла подрезать основу ее власти в тех сельских районах, где некоторые ее лидеры были самыми крупными землевладельцами. Единственной землей, которую королевская власть и «Истикляль» единодушно предлагали перераспределить, была земля *каидов*, открыто сотрудничавших с французской администрацией в годы протектората [191, с. 124].

Король⁶ вел борьбу на два фронта. С одной стороны, он пытался подорвать позиции национальной буржуазии и ее политической основы — партии «Истикляль» — путем ограничения ее экономической деятельности и углубления противоречий внутри партии. С другой стороны, королевская власть пыталась заручиться преданностью и поддержкой берберского населения путем создания партии племен «Народное движение», целью которой, как указывал журнал «Магриб», являлось преимущественное развитие сельского хозяйства, а в основе идеологии лежали консерватизм и пред-

убеждение в отношении партии «Истикляль» [205, 1965, № 7, с. 22]. Для достижения этой цели королевская власть считала нужным предоставить новые привилегии старой и новой племенной знати.

Таким образом, политика правящей династии в отношении берберов отличалась от политики, проводимой французской администрацией. Если французы пытались создать барьер между арабами и берберами, чтобы упрочить свою власть, то король Мухаммед V, а вслед за ним и Хасан II опирались на берберов с целью укрепления возрожденной после 1956 г. национальной государственности. Королевский дом проводил такую политику не по этническим, а по политическим причинам. Берберы постепенно превратились в политическую силу, которая не только вышла из-под контроля партии крупной марокканской буржуазии «Истикляль», но и вступила в противоборство с ней [92, с. 2]. Берберское руководство, по замыслу королевской власти, было призвано сыграть роль центральной группы, вокруг которой должны были объединиться все приверженцы старинных традиций, что позволило бы создать сильную монархическую партию.

В области экономики независимое Марокко во многом следовало политике государственного капитализма, которая ущемляла национальную буржуазию и даже частично отстраняла ее от активного участия в экономической деятельности [89, с. 262—263]. С целью создания более благоприятных условий для финансирования деятельности государственных организаций, а также смешанных и частных национальных компаний был создан госсектор в сфере кредитно-банковской системы и финансов. В феврале 1959 г. марокканское государство с участием частных банковских учреждений образовало «Кэсс де дэпо э де жесьон» (КДЭЖ), объединившую семь региональных приходных касс. 1 июля 1959 г. был создан национальный эмиссионный институт, и проведено укрепление национальных финансов [81, с. 66]. В том же году на базе национализации активов «Банк д'эта дю Марок» был учрежден государственный центральный эмиссионный банк «Банк дю Марок» с капиталом 20 млн. дирхамов [19, с. 1773].

В области промышленности государство стало самым крупным вкладчиком капитала в полунационали-

зированные смешанные предприятия. Более того, национализация в 1965 г. большей части внешней торговли поставила под контроль государства $\frac{2}{3}$ всего экспорта. Доля частных вложений в рамках трехлетнего (1965—1967) плана составляла лишь 10%, в то время как доля государственных вложений доходила до 60% [89, с. 263].

Берберы и характерные черты социально-политической структуры марокканского общества

Завоевание Марокко государственной независимости кардинально изменило общий политический климат в стране, сделало его благоприятным для эволюции основных местных укладов, но, «естественно,— как справедливо отмечает А. И. Левковский,— не устранило неравномерности движения производственных отношений и даже в чем-то усилило и ускорило ее»⁷ [60, с. 119].

Как развивающаяся страна Марокко в настоящее время переживает процесс, связанный с социальной деколонизацией, логически продолжающей национально-политическую.

Под термином «социальная деколонизация» следует понимать соответствующие изменения социальной структуры страны, борьбу за устранение многоукладного характера общества, преобразование административного аппарата в соответствии с нуждами и особенностями социально-экономического и политического развития страны, установление новых взаимоотношений между социальными слоями и классами.

Как всякой стране, освободившейся от колониального господства, Марокко достался сильно дифференцированный социально-классовый состав общества.

Пролетариат и буржуазия⁸, являющиеся антагонистическими классами современного Марокко, еще не полностью определили свое место в обществе и позиции в политической жизни, что способствует отсрочке выбора прогрессивного направления социально-экономического развития страны и замедляет созревание классовой сознательности трудящихся.

Особенностью марокканского общества является на-

личие в стране прослойки влиятельной интеллигенции и бюрократической буржуазии. При анализе данной группы исключается промежуточный слой мелкой интеллигенции, мелких государственных и прочих служащих, которые в условиях Марокко относятся к трудящимся слоям городского населения. Если в экономической жизни Марокко преобладает крестьянство, а в городе мелкая буржуазия и примыкающие к ней трудовые слои⁹, то в политической жизни — по формуле А. И. Левковского — зачастую доминирует «такой специфический отряд мелкой буржуазии, как интеллигенция» [60, с. 122].

Значительная часть интеллигенции, занимающая административные посты, находится в возрасте 40—50 лет, т. е. это лица, которые жили и получили образование при французской администрации и, как следствие этого, унаследовали ее основные черты. Известно, что в условиях протектората основной целью интеллигенции было получить по возможности более высокий пост, уровень оплаты которого зависел не только от образования и труда, но и от верности существующему режиму.

С получением независимости переход уже сложившегося аппарата администрации без структурных преобразований в руки марокканцев¹⁰ привел к росту численности паразитической бюрократии¹¹, на содержание которой расходуются огромные суммы (около 30% всех расходов государственного бюджета). Несмотря на это, многие государственные учреждения, включая министерства информации, образования, планирования, общественных работ, культуры и другие, унаследовали неэффективность, безответственность, бюрократизм и некомпетентность, о чем не могло умолчать даже само руководство страны. Так, в своей речи от 4 июня 1978 г. король Марокко Хасан II признал необходимость проведения всесторонней реформы государственного аппарата, чтобы он был в состоянии выполнять свои функции [197, 05.06.1978].

Профессиональный состав новой интеллигенции значительно изменился за период независимости страны, хотя гуманитарные специальности по-прежнему остаются преобладающими¹².

Отчасти это явление объясняется ложными представлениями о так называемых престижных профессиях

ях, но главным образом отсутствием должного спроса на инженерно-технические специальности. В октябре 1978 г. в Марокко насчитывалось всего 1688 дипломированных инженеров, из них 1219 марокканцев¹³ [210, 1979, № 13, с. 1]. По подсчетам экономистов, стране требуется каждый год около 200 инженеров. Единственный же до 1974 г. в Марокко технический вуз мог выпускать не более 65 специалистов [17, с. 12, 28]. Основными критериями при выборе специальности являются размер будущего жалования и гарантия определенного положения в обществе.

По своим доходам интеллигенция крайне неоднородна. Существующая структура заработной платы допускает резкий разрыв — от 4—5 тыс. дирхамов (1000—1200 долл.) до 10—12 тыс. дирхамов (2,5—3 тыс. долл.), которые получают представители высшего управленческого аппарата.

Как уже говорилось, бюрократическая элита присваивает значительную часть государственных доходов за счет непомерно больших, в сравнении с подавляющей массой населения, окладов [70, с. 18]. При этом следует отметить, что низшие слои интеллигенции, которые живут только на зарплату, постоянно сталкиваются с проблемами трудоустройства и очень болезненно реагируют на снижение жизненного уровня.

Представители средних слоев интеллигенции, как правило, играют большую роль в формировании общественного мнения в стране и поэтому пользуются особым вниманием марокканского правительства и руководства политических партий.

Высшие слои буржуазии являются наиболее обеспеченной и привилегированной частью марокканского общества. Марокканская бюрократическая буржуазия (государственные чиновники, партийные функционеры и депутаты парламента) после достижения страной независимости составила ядро новой элиты. «В Марокко к середине 60-х годов вся масса госбюрократии в 1,5 раза превосходила по численности кадровый пролетариат страны» [62, с. 25]. Как и в других развивающихся странах, недавно освободившихся от колониализма, в Марокко до независимости в элиту наряду с представителями метрополий — колониальными администраторами и дельцами — входили местные вожди, пришедшие на службу к властям протектората,

верхушка чиновничества, компрадорская буржуазия. «По мере развития борьбы за независимость, — замечает Г. И. Мирский, — наряду с этой колониально-компрадорской элитой формировалась „контрэлита“ из активистов политических партий, выступавших против колониального господства. К этой новой политической элите тяготела образованная молодежь» [71, с. 17].

Новая политическая элита, как правило, объединяет людей умственного труда, занятых исключительно в сфере управления. Это в основном те, кто выполняет распорядительные функции в системе государственной собственности и власти: министры, ответственные работники министерств, лидеры политических партий, члены парламента, управляющие промышленных и торговых фирм — в целом высший чиновничий аппарат страны, который от буржуазии отличает лишь получение фиксированных окладов и характер деятельности. Вместе с тем создаются определенные предпосылки для их тесных связей с местной буржуазией и участия в частнопредпринимательской деятельности. Таким образом, марокканская интеллигенция неоднородна по своему социально-экономическому положению и в зависимости от этого выполняет соответствующие общественно-политические функции.

«От Марокко до Пакистана, — читаем в коллективном исследовании советских авторов „Зарубежный Восток и современность“, — широко распространен тип крупного помещика-капиталиста, который является вождем какого-нибудь влиятельного племени, имеет феодальный титул, владеет земельной собственностью и акциями иностранных банков и промышленных компаний» [46, т. 1, с. 293].

Действительно, одной из характерных черт социальной структуры марокканского общества является важная роль принадлежности к определенному племени, семье, религиозной группе, округу и т. п., что подчас имеет решающее значение при определении места в социальной иерархии страны и в социально-политических процессах [100, с. 60]. Многоукладный характер марокканского общества плодит редкое обилие переходных и многоликих в социальном отношении типов. В Марокко «классовая принадлежность большей части населения вообще не поддается однозначному определению» [53, с. 29]. Наиболее четкий раздел мароккан-

ских средних и высших слоев в этом смысле можно провести по следующей вполне реальной схеме: так называемые *фаси*, *суси* и сельская знать.

Для правильного понятия сущности берберского партикуляризма следует разобраться в социально-экономическом и культурном соперничестве между арабской буржуазией г. Феса (*фаси*) и берберскими мелкими торговцами, преимущественно шлехами с гор Анти-Атласа (*суси*). Главной ареной их соперничества вначале был г. Касабланка¹⁴, а потом Рабат, Мекнес, Танжер и другие города¹⁵. *Фаси* и *суси* — это ныне уже собирательное и нарицательное название арабов-горожан (в основном потомков андалусских мавров из Феса, Рабата, Сале и др.) и пришлых выдвиненцев из берберских племен, включая феодалов (первоначально действовавших в основном в Марракеше, Мекнесе и Татване). Ныне и те и другие разбросаны по всей стране. Причем к *фаси* примыкают и другие арабоязычные буржуа, вовсе не из Феса (и не потомки мавров), а к *суси* присоединяются иные берберы — не *шлехи* с юга, а уроженцы Рифа или Среднего Атласа.

Влиятельные семьи Феса исторически принадлежат к трем тесно переплетенным между собой группам: *семьи махзана*, т. е. состоящие на службе центрального правительства, *семьи шерифов* и «династии» крупных торговцев. *Семьи махзана* вплоть до сегодняшнего дня по наследству получают посты в центральной администрации. Однако большая их часть была оттеснена с политической арены из-за негативного отношения к королю Мухаммеду V во время его ссылки в 1953 г.

Определенным влиянием пользуются и *шерифские* семьи, которые ведут свое начало от потомков Пророка [175, с. 257, 488—489]. Однако далеко не все шерифы (*шорфа*) были богатыми¹⁶, и еще меньшее их число вошло в центральную администрацию страны, за исключением прямых потомков Алауитов (т. е. ныне правящей королевской династии). Однако некоторые из них все же занимают ведущие посты в правительстве и экономике. Это семьи Алауи, Лараки и Ваззани, Шеркауи, Бенжеллун, Беннис, Беррада, Гессус, Беннани, Беншекрун, Шрайба, Лахлу [185, с. 119].

Несмотря на разнородность социальной значимости указанных фамилий, термин «*фаси*» означает в целом определенный образ мышления. Дух *фаси* связан

теснейшим образом на протяжении веков с идеями наиболее влиятельных социальных сил в Африке, на Ближнем Востоке и в Европе. Именно выходцы из этих семей возглавили антифранцузское движение в Марокко, а после 1956 г. — фактически политическое руководство страны, придав ему определенный стиль поведения, отражающий нормы и правила их среды.

Представители этих семей, как правило, получают современное образование и являются достаточно компетентными лицами в сфере общественно-политической деятельности. *Фаси* доминируют в экспортно-импортных операциях¹⁷, а такие семьи, как Лагзауи, Себти, Междар, Лараки, располагают фактической монополией на транспорте, производстве и торговле удобрениями, сельском хозяйстве и пищевой промышленности [171, с. 57]. Как пишет акад. Е. М. Примаков, «многочисленные корпорации всегда стремятся иметь дело с крупным местным капиталом, обладающим не только необходимыми средствами, но и соответствующим политическим влиянием» [78, с. 84].

В деле обогащения *фаси* подает пример сам король, который как представитель Алауитской династии принадлежит к этой группе. Так, только за экспорт цитрусовых со своих плантаций в 1977—1978 гг. Хасан II перечислил на свои счета в европейские банки около 4 млн. дирхамов (1 млн. долл.). Кроме того, около 1 млн. долл. дохода он получает от различного рода недвижимости (дома, гостиницы, магазины и т. п.) [192, с. 365—370].

Сегодняшние высокопоставленные *фаси* в одно время обучались в королевском коллеже, и многие из них — совместно с Хасаном II. Это Х. Ваззани, М. Дуири, Мухаммед и Ахмед аль-Язиди, М. Себти, Мухаммед и Абд аль-Кадир аль-Фаси, А. Сбихи, Мулай Ахмед Алауи, братья Беннани, М. Лахбаби, Идрисс Слауи, Маджид Бенжеллун, Ахмед Рида Гедира и др.

Политическое ядро самой влиятельной в стране буржуазной партии «Истикляль» состоит практически из *фаси* [185, с. 125].

В группу *суси*¹⁸, как уже подчеркивалось, входит большое количество семей, члены которых являются выходцами из долины Сус. Они не относятся к привилегированным слоям марокканского общества [175, с. 57—58] и занимаются в основном торговлей. Тем не

менее в силу своей сплоченности и особой, выработанной десятилетиями системы защиты своих экономических интересов этот слой занимает позиции во влиятельных экономических кругах страны и подчас используется последними в политических целях. Как правило, представители этого слоя не отличаются ни образованием, ни особым богатством, но они контролируют практически все основные отрасли розничной и оптовой торговли продовольственными товарами.

Значение мелкотоварного сектора в Марокко в целом не уменьшается в отличие от промышленно развитых стран. Польский ученый Ежи Клеер указывает на «процесс укрепления и увеличения традиционных мелкобуржуазных элементов и городских слоев», непосредственно связанный с сохранением их роли в экономике вследствие замедленности промышленного развития, что неизбежно приводит к большему их влиянию на хозяйственную и общественную деятельность, чем в развитых странах [54, с. 162—163].

Город Касабланка является основным центром торговой деятельности *суси*. Кроме того, существует ряд районов, находящихся под контролем различных семей *суси*. Влиятельными лицами этого слоя являются выходцы из племенных объединений *ида-у-гнидиф*, *амильн*, *аит суаб* и *аит мзаль*.

Суси зачастую соперничают с *фаси* в таких отраслях промышленности, как кожевенная и текстильная. Как правило, система предприятий *суси* полностью зависит от семейного финансирования, и очень редки случаи внешнего займа. Вместе с тем нельзя не учитывать, что *суси* в торговле зачастую во многом зависят от оптовиков-*фаси*. Нередко заключаются и браки между представителями этих двух групп.

Тот факт, что *суси* являются сравнительно организованной прослойкой, придает ей особое политическое значение. Они играют активную роль и, когда хотят, используют свое весьма большое влияние (благодаря многочисленности) [192, с. 375].

Контакты с другими группами имели для *суси* большое значение, но объяснение изменений, которые они претерпели, следует искать в другом. Их тяга к миграции из южных долин в северные города была вызвана скорее внутренними, чем внешними, факторами¹⁹.

Власть и престиж *суси* определялись богатством, а для городской торговли были характерны соперничество и антагонизм. В городе борьба продолжалась не только между представителями *суси*, но и, в основном, с другими группами. В городах оперативными единицами стали группы типа «патрон — клиентура», а не сами роды или семьи.

Суси покинули прежние места своего расселения (долина Сус) в поисках новых богатств и попали в самое сердце развивающейся системы рыночной экономики и национального распределения. Они довольно успешно интегрировались в эту систему²⁰.

Логическим продолжением коммерческой деятельности *суси* было их участие в политике. Рассматривая деятельность *суси* в аналитической форме и проводя различие между их экономической и политической деятельностью, следует отметить, что участие их в торговле мотивируется как политическими, так и материальными факторами. Получение прибыли было делом не просто улучшения уровня жизни, но и повышения своего престижа. Участие *суси* в национальной политике еще в большей степени, чем в торговле, произошло на уровне этнической группы (по сравнению с другими этническими группами).

Молодые выходцы из *суси*, выросшие в Касабланке и других городах, обращают мало внимания на борьбу отцов за престиж в родных деревнях. Молодежь не пытается ограничивать свою коммерческую, политическую или интеллектуальную деятельность только сферой *суси*, которая не представляет для них особого интереса.

Следует заметить, что многие племена Анти-Атласа в последние десятилетия стали заниматься торговлей в северных городах. Среди них выделяются 13 основных, коренных племен. Наиболее важными из них являются *амильн*, населяющие долину того же названия в центре хребта Анти-Атлас. К западу и югу от месторасположения *амильн* живут *ида-у-семлал*, *ида-у-баккуил*, *аманоуз*, *тассерирт* и *игоунан*. На северной стороне расположены другие важные племена: *ида-у-гнидиф*, *аит баха*, *ида-у-ктир* и *аит мзаль*. Все они последовали примеру *амильн* и подались на север. Несколько позже соседние племена *аит суаб*, *ида-у-зекри* и *аит абдулла* также попробовали заниматься торговлей.

В настоящее время политические действия *суси* не изолированы от других видов деятельности — социальной и коммерческой, которыми они занимались как отдельная группа, обеспечивающая свою безопасность.

В противовес *суси* торговые семьи Феса представляли местную культуру и коммерческую элиту Марокко и давно играли важную роль во внешней торговле страны. Фес хотя и не считался единственным крупным центром Марокко, долгое время все же задавал тон другим городам в смысле культуры и изысканности.

После установления независимости положение семей *махзана* резко пошатнулось. В течение многих десятилетий они находились на службе, и их должности часто передавались по наследству. Так, во времена правления Мулая Исмаила семья Бен Слиманов положила начало связям семей *махзана* с династией Алауитов. Семьи этой сильно иерархизированной группы, пробившиеся из низов к крупным государственным постам, поставляли центральной администрации чиновников, визирей, амилей, т. е. губернаторов, зачастую имевших весьма хорошее образование. Представители второй из перечисленных категорий редко входили в первую, за исключением семей Мадани, точно так же как Ямани из племени *гиш*, будучи на службе у шерифов, в конечном счете потеряли связь со своим *бледом* (степью)²¹.

К тому времени, когда старый государственный строй пришел в упадок, некоторые влиятельные городские семьи, занимавшиеся до сих пор торговлей, такие, как Тази, Беннани и другие, заняли важные руководящие посты в центральном *махзана* и благодаря своим экономическим обеспеченным тылам сумели независимо от занимаемой должности в административном аппарате сохранить свое влияние не только во время протектората, но и в первые годы независимости. Семьи Тази, Бен Слиман и Баргаши сохраняют большой вес в экономических и политических кругах страны.

Еще до установления иностранного господства города Марокко были излюбленным местом торговли для *суси*. В это время массовый уход рабочей силы из племен Анти-Атласа не был заметным. Массовое бегство началось со второй половины XIX в. В 1880—1882 гг. жестокий голод опустошил отдаленные сельские районы гор Анти-Атласа, в то время как города

на севере стали привлекать внимание европейцев. Быстро росла розничная торговля. В городах Танжере, Лараше, Касабланке и морских портах Марокко нарастал приток европейцев. Увеличение миграции выходцев из долины Сус отмечено в годы первой мировой войны. Многие пополняли ряды рабочих во французской военной промышленности (как уже говорилось, рабочие-берберы считались постоянными, прилежными и послушными). Некоторые берберы предпочли заняться торговлей, что повлекло за собой открытие магазинов как в развивающихся центрах городов, так и в бедных пригородах. Другие племена Анти-Атласа и Высокого Атласа выступали в качестве поставщиков рабочей силы и шахтеров (племя *аит суаб*).

Что касается торговли, то в этой сфере твердо определило свое место племя *амильн*. Представители племени *ида-у-гидиф* достигли большого успеха в торговле в городах Мекнесе, Рабате и Марракеше (подробно см. [96, с. 289]). Постоянный рост европейской клиентуры способствовал занятости выходцев из берберских племен, которые устраивались в разных сферах услуг и торговли²².

В связи с занятием в торговле и в разных сферах обслуживания берберские племена стали придавать второстепенное значение своим ранее основным занятиям, какими были сельское хозяйство, животноводство, лесоводство. Ими занимались в основном деревенские женщины, дети и старики, оставшиеся в горах после миграции в города большей части мужского населения. Многие племена уже к 50-м годам XX в. зависели от доходов, получаемых из города. Поэтому соперничество, ранее имевшее место между берберскими племенами из-за пастбищ или иных источников жизнеобеспечения, в горных долинах прекратилось. Теперь оно постепенно стало переходить в сферу розничной торговли²³. По выражению американского буржуазного автора Дж. Уотербэри, «одноязычные козоводы стали трехязычными предпринимателями» (берберы в городах кроме своего языка освоили также арабский и французский). В течение последних трех десятилетий берберы развивали и совершенствовали свою социальную и экономическую организацию, приспособляясь к новой ситуации.

Сегодня некоторые берберы, оглядываясь на период

ранней миграции, больше внимания обращают на субъективные факторы, такие, как наследственная вражда, кровная месть, местное соперничество и поддержание личного и группового престижа²⁴. Объясняется это просто. Если рассмотреть, какое воздействие на умы оказывал успех какого-либо члена племени в торговле или на службе в администрации, то ясно, что он, угрожая местной власти и престижу других, вызывал зависть враждующих семейств.

В таком духе воспитывались еще совсем молодые берберы, на которых оказывали влияние старшие поколения. Молодым часто приходилось слушать разговоры старших, когда они вечером собирались у местной мечети и пили чай. Здесь обсуждались служебные и коммерческие дела, а также репутации взрослых, мигрировавших из деревни в города. Молодые представители *суси* жаждали как можно скорее отправиться в город и создать там, так сказать, свою собственную репутацию. Весьма характерно, что те берберы, которые уже достигли значительного успеха на службе, часто помогали своим соплеменникам (которые впоследствии становились их соперниками) в предоставлении им работы в своих учреждениях, магазинах, лавках, делая их своими партнерами или подыскивая им иную работу на другом месте [142, с. 200].

Эта лояльность по отношению к своим, возможно, диктовалась чувством взаимопомощи, но она ни в коей мере не могла устранить соперничество между членами данной группы. Нельзя отрицать тот факт, что племенное соперничество в городах протекало приглушенно. Но за чертой города, особенно в торговле, оно проявлялось очень интенсивно и с растущей силой²⁵.

Выдержка и стойкость бербера в деловой сфере ценились очень высоко. Он был известен своей способностью жить в тяжелых условиях. Накопленные деньги использовались помимо прочих целей для расширения торговли. В конце режима протектората (по сравнению с концом прошлого века) выходцы из долины Сус значительно разбогатели. Если в начале эпохи протектората *суси* мог купить только ружье для защиты чести своей семьи или для борьбы с французами, то в конце этой эпохи он уже нашел общий язык с властями и занимал доминирующее положение в розничной торговле. Сегодня престиж *суси* измеряется внешним видом и ме-

стом расположения дома, а земля ценится больше как строительная площадка, чем как источник дохода. Начиная с 50-х годов в основном все представители *суси*, находясь в марокканских городах, продлевали свое пребывание там и все реже ездили в горы. Теперь они посылали своих детей в городские школы. После второй мировой войны *суси* переключились с розничной торговли на оптовую, что особенно заметно в Касабланке.

Французская администрация способствовала карьере некоторых выходцев из *суси* с целью осуществления лучшего контроля за своей клиентурой. Некоторые племена, благосклонно настроенные по отношению к французам, служили им средством информации в торговле с другими племенами.

Многие *суси* со временем обрели такую финансовую мощь, что могли материально помочь новичкам в виде предоставления кредитов, а также выступали в качестве посредников между городскими властями и мелкими торговцами. За продление кредита не взималось никаких процентов. Но тот, кто давал кредит, как правило, связывал должника обязательством помощи, услуги в случае необходимости.

Сила и власть любого хозяина также зависели от престижа на родной земле среди племен, что обеспечивало расширение клиентуры в городе. Клиентурные отношения служили для объединения торговцев *суси* при помощи связей материальной и моральной взаимозависимости. Предоставление кредита являлось не только средством обеспечения контроля, но и средством конкуренции. Розничные торговцы в конечном счете являлись покупателями для оптовых и полуоптовых торговцев.

Были и другие группы, пытавшиеся определиться в торговле. До появления торговцев-*суси* в Касабланке розничная торговля была в основном в руках местных евреев. Расширение их деятельности в коммерческой сети отмечалось после первой мировой войны²⁶. В связи с тем что евреи занялись импортом-экспортом, банковским делом, страхованием и оптовой торговлей, место в розничной торговле они уступили берберам²⁷, выходцам из долины Сус.

В конце французского протектората финансовая, торговая и промышленная элита Касабланки состояла в основном из французских дельцов, потомки которых

функционируют и в настоящее время, не уступая свои позиции марокканцам. Этому значительно способствуют неподготовленность и малочисленность национальных кадров Марокко. Французы поддерживали в Марокко с торговцами берберами и евреями лучшие отношения, чем с другими группами в коммерческой, промышленной или прочих деловых сферах. Как было отмечено, наиболее сильную и значительную из этих групп составляла буржуазия *фаси*, которая относилась к французам явно враждебно.

Обладая большой финансовой мощью и действуя в торговле, транспорте и промышленности, *фаси* приобрели огромные богатства. Они считали себя главными носителями исламо-арабской культуры в Марокко и естественными вождями страны. *Фаси* относились к *суси* с некоторым подозрением и даже презрением, но в то же время и с определенной долей уважения — в тех случаях, когда участие *суси* в деловых сделках *фаси* было необходимо. *Суси*, чувствуя, что стоят ниже *фаси* по образованию и положению, относились к ним с некоторым почтением.

Союзниками *суси* и *фаси* считались евреи, которые придерживались европейских норм поведения. Еще до получения независимости ряд еврейских предпринимателей сделали все для того, чтобы застраховать себя от неприятных случайностей в будущем, установив тесную связь с мусульманскими торговцами. В связи с этим крупные торговцы-*суси* сумели занять выгодное положение в продаже сахара местного производства (особенно французской компании КОСУМА, которая производит в стране около половины всего сахара, потребляемого в Марокко)²⁸. Для тех выходцев из *суси*, которые занимали стратегическое положение в распределительной системе, их контроль над поставками сахара и чая представлял грозное оружие конкуренции.

Продажа чая в Марокко претерпела сильную реорганизацию после обретения страной независимости. В 1958 г. было создано Национальное управление чая (ОНТ), которое должно было заменить частный сектор в области импорта и расфасовки чая²⁹. С созданием ОНТ положение торговцев *суси* значительно укрепились, поскольку *фаси* в этой новой организации имели незначительное число своих представителей, а евреи

и ОНТ не участвовали. Так что в новых условиях *суси* скоро стали хозяевами положения³⁰. В связи с этим общая численность *суси* в Касабланке значительно возросла, хотя пережила период экономического застоя, так как массовый уход французов и евреев вызвал общее сокращение капиталовложений и капитальных затрат. Покупательная способность *суси* понижалась, несмотря на их многочисленность. Появились толпы бродячих торговцев, а также торговцы вразнос и розничные торговцы бедняцких районов, которые искали более обеспеченных покупателей и стремились стать владельцами лавок. В выгодном положении оказалась элита — оптовики, которые богатели, постепенно обретая престиж. Чем глубже происходило расслоение общины *суси*, тем больше обострялись противоречия между розничными торговцами и оптовиками. Однако до настоящего времени стремление выжить и добиться безопасности в трудных экономических условиях независимого Марокко позволяет сохранять основной принцип солидарности среди *суси*³¹.

Начиная с момента установления французского протектората в Марокко и до 1934 г. регион Анти-Атлас не был полностью «усмирен» французами. В течение десятилетия после этой даты многие *суси*, которые активно сопротивлялись центральной власти, примкнули к освободительному движению, и в частности к его руководителю — партии «Истикляль», основанной в 1944 г. Руководство этой партии находилось в руках молодых образованных марокканцев, вышедших из среды городской буржуазии — *фаси*. По этой причине не все *суси* примкнули к ней — из боязни лишиться официальной протекции французов. Но значительное число берберов оказывало партии финансовую поддержку. Случаи же участия в деятельности партии берберов-торговцев были редкими. Однако весьма полезными оказались для партии «Истикляль» розничные торговцы, в том числе и берберы, поскольку партия стремилась распространить свое влияние среди горожан и сплотить вокруг себя рабочий класс и социальные низы города. Розничные торговцы идеально подходили для этого. Во-первых, их племенная коммерческая информационная сеть в самих городах и между ними оказалась эффективным способом тайного сообщения для движения политической информации и разведки. И в то

же время эта сеть информации и сообщения, являющаяся частью законной коммерческой деятельности *суси*, была труднодоступна для французского надзора. Во-вторых, розничные торговцы находились в ежедневном контакте с рабочими, жителями трущоб, низшими и средними слоями медины³² и европейским населением. Их лавки могли служить для партии в качестве неофициального штаба, убежища для националистов, скрывающихся от полиции, постами разведки, а иногда и тайными складами оружия³³.

После окончания второй мировой войны французы предприняли попытку либерализовать политический режим протектората, чтобы ослабить растущее освободительное движение. Одним из методов было проведение косвенных выборов в марокканский Правительственный совет — орган, который имел чисто консультативный характер, и только по экономическим вопросам. Марокканские члены этого органа избирались частично из лиц, входивших в торгово-промышленную палату. Последние, в свою очередь, избирались на основе ограниченного избирательного права из марокканцев той же профессиональной категории³⁴. Ограниченная избирательная система была на руку городской коммерческой и промышленной буржуазии, которая после второй мировой войны присоединилась к партии «Истикляль». В результате «Истикляль» заняла руководящее положение в марокканских секторах торгово-промышленной палаты в нескольких городах, а в 1948 г. одиннадцать членов партии вошли в состав Правительственного совета, где они и составили сплоченный блок, угрожавший всевластию французского генерального резидента в Марокко.

В 50-е годы коммерческая элита Феса, Рабата, Касабланки и других городов принимала активное участие в национально-освободительном движении.

Когда в марте 1956 г. режим протектората был отменен, а Марокко провозглашено независимым королевством, «страна стояла перед множеством нерешенных социальных и экономических проблем» (см. [24, с. 284]). В создавшейся ситуации султан Мухаммед Бен Юсеф назначил правительство, большинство членов которого принадлежало к партии «Истикляль». Роспуск торгово-промышленной палаты и передача ее функций Марокканскому союзу торговцев, промышлен-

ников и ремесленников³⁵ были первым официальным актом министерства торговли.

На организационном заседании накануне официального основания Союза торговцев присутствовали только *фаси*, кроме Тахара Сидки, который был *суси* из берберского племени *амильн*. Тахар Сидки после долгих переговоров с генеральным секретарем партии «Истикляль» Бен Баркой добился предоставления достаточного количества мест своим братьям. Сидки была поручена организация союзов розничных и оптовых торговцев в нескольких отраслях торговли. Членами этих организаций были выходцы из берберских племен *амильн*, *ида-у-гнидиф*, *аит баха*, *ида у семлал*. Несмотря на то что в союзе торговцев было достаточное количество *суси*, руководство, состоявшее в основном из *фаси*, отстранило их от участия в политической деятельности союза³⁶.

К концу 50-х годов партия «Истикляль» переживала общий кризис, возникший из-за противоречий по вопросу об определении официальной позиции партии относительно роли монархии в марокканской политической системе³⁷. В разгар этого кризиса Мухаммед V поручил Абдаллаху Ибрахиму сформировать новое правительство, в котором было широко представлено левое крыло партии «Истикляль». Взяв власть в свои руки, молодые деятели партии решили в значительной мере отмежеваться от партии «Истикляль», что выразилось в их выходе из состава партии и создании новой партии — Национальный союз народных сил (НСНС).

Новому правительству во главе с Абдаллахом Ибрахимом было поручено провести подготовку к первым выборам. Выборы должны были состояться в торгово-промышленную палату, а затем и в местные и муниципальные советы. Король надеялся на то, что политическое содержание выборов будет сведено до минимума, но с расколом партии стало ясно, что они станут пробой сил и влияния между этими двумя фракциями. Партия НСНС рассчитывала нанести на предстоящих выборах поражение истиклялистской буржуазии. *Суси* выражали большое желание объединиться и выйти из Марокканского союза торговцев, промышленников и ремесленников и создать новую организацию, которая стала бы ее соперником.

Восьмого мая 1960 г. кандидаты НСНС победили на выборах в торгово-промышленную палату в городах Касабланке, Рабате, Кенитре, Танжере, Ксар-эль-Кбире, Сиди Слимане. Партия «Истикляль» победила во всех своих старых опорных пунктах, где были сильны *фаси*: в городах Фесе, Уджде, Тазе, Эссауире, Бени-Меллале, Марракеше, Татване, Сале, Ксар-ас-Суке. В ходе выборов *суси*, хотя они составляли меньшинство среди всех горожан — выходцев из берберских племен, смогли мобилизовать своих соплеменников и одержали внушительную победу над буржуазией *фаси*, которая была еще достаточно многочисленна.

НСНС в значительной степени полагался на *суси*. Даже те его кандидаты, которые были не *суси*, занимались розничной торговлей (Аюби, Шеркауи). Еврейская община была представлена в торгово-промышленной палате Ибн Аяшем, буржуазия *фаси* — Абд аль-Хадди Буталелем и Мулаем Али Киттани.

Партия «Истикляль» не обратила достаточно серьезного внимания на угрозу со стороны *суси*. Она делала ставку на представителей городской крупной буржуазии (на таких, как Лараки, Себти, Бенжеллун и др.). Результаты голосования оказались неожиданными для многих. Но в июне 1960 г. региональный трибунал г. Касабланки поддержал жалобу партии «Истикляль», заявившей, что выборы проводились неправильно, и объявил результаты выборов недействительными. Суд потребовал проведения новых выборов в торгово-промышленную палату Касабланки. Они были назначены на декабрь 1960 г.

К результатам майских выборов не остался равнодушным и сам король. Его не устраивало, что недавно образованная самостоятельная революционная партия приобретала большое влияние в секторе частной торговли Марокко. Мухаммед V постарался ослабить влияние НСНС, распустив накануне местных выборов правительство, возглавляемое Абдаллахом Ибрахимом, но тем не менее НСНС снова одержал победу в ряде крупных городов, включая и Касабланку³⁸.

Партия НСНС внесла незначительные изменения в свой список кандидатов, тогда как партия «Истикляль» почти полностью изменила их состав (из него были исключены самые богатые кандидаты: Себти, Аббас, Бенжеллун, Азизи). Этим «Истикляль» пыталась

сделать состав кандидатов наиболее «привлекательным» для простых людей, особенно для *суси*, однако меры эти не дали желаемых результатов.

Новоизбранная торгово-промышленная палата г. Касабланки руководствовалась указаниями НСНС, поскольку большинство ее членов принадлежали к этой партии. Первым президентом палаты был избран Мухаммед Мансур, бывший руководитель движения сопротивления, известный своим враждебным отношением к французским деловым кругам. Промышленные и торговые круги средней и низшей буржуазии отнеслись к торгово-промышленной палате с симпатией, поскольку осуждение НСНС неокOLONиалистских экономических планов наносило удар по связям между марокканскими и французскими деловыми кругами. В первые годы независимости *суси* принадлежали к низшим и средним кругам предпринимателей Марокко. По этой причине многих из них привлекали нападки НСНС на крупную буржуазию.

После получения страной независимости первоначальный союз *суси* с левым крылом партии «Истикляль», а затем с НСНС еще не означал непосредственной конфронтации с монархией. Однако после 1960 г., когда НСНС стал оппозиционной партией, цена прогрессивности стала слишком высокой, чтобы на нее могло согласиться большинство *суси*.

Отдельные зажиточные *суси* стали заниматься политикой для улучшения своего коммерческого положения, что усиливало общую мощь *суси* по сравнению с другими группами. Такие мотивы позволили видным представителям *суси* забыть о своих внутренних разногласиях и противоречиях и мобилизовать все силы ради единства своей группы и более широкой общины. Получив контроль за деятельностью торговых палат, они пытались удовлетворить свои интересы в крупных городах Марокко. Более того, *суси* старались договориться непосредственно с правительственными организациями, занимающимися политикой в области импорта, рынков сбыта, кредитования и банковского дела. Собираясь осуществить эти цели, *суси* решили отойти от НСНС, поскольку его политика в целом не отвечала коммерческим интересам *суси*. К 1963 г., когда проходили новые выборы в торговые палаты, многие влиятельные *суси* разорвали свои связи с НСНС и примкнули к новой

роялистской партии — Фронту защиты конституционных институтов (ФЗКИ)³⁹.

Взамен правительство обещало *суси* свою благожелательность. Благодаря поддержке ФЗКИ *суси* снова получили контроль в ряде торговых палат Марокко. Молчаливый союз *суси* с двором расценивался его руководителями «как реалистическое приспособление к существующему равновесию сил в пределах национальной системы» [188, с. 245]. Возможно, этот союз представляет собой рычаг для манипулирования теми торговыми кругами в марокканских городах, которые в прошлом были политически активными и в достаточной мере опасными. В соответствии с такой стратегией монархия не оставляла *суси* без вознаграждения. Увеличение числа розничных торговцев в городах, общий экономический застой легко могли привести к ослаблению механизма контроля над общиной. Материальный разрыв между «большими» и «маленькими» людьми в первые годы независимости увеличился, что влияло на групповую сплоченность, а также на общий контроль над группами со стороны монархии.

Таким образом, соперничество между *фаси* и *суси*, возникшее в годы французского протектората на экономической основе, уже в первые годы после достижения независимости приняло политический характер.

Усиление роли берберской военно-бюрократической элиты в политической жизни страны

После провозглашения независимости Марокко главную роль в политической жизни страны стали играть король, партия «Истикляль»⁴⁰ и движение берберов. Сначала Мухаммед V, а затем его наследник Хасан II в своей политике использовали слабости и недостатки противостоящих трону сил. В этих целях они вначале разожгли вражду между «Истикляль» и берберским движением, а затем и внутри каждого из них.

Накануне достижения страной независимости «Истикляль» объединяла разрозненные группы, не имеющие представления о численном составе и влиянии друг на друга и относящиеся друг к другу с недоверием. В конце 1955 г. националистические силы представля-

ли собой смешанное объединение, состоящее из различных отрядов движения сопротивления, Армии освобождения, недавно созданного национального профсоюзного объединения и собственно кадров партии «Истикляль», среди которых уже давали о себе знать противоположные течения, неспособные прийти к согласию ни в отношении применения насилия, ни в вопросе о возвращении на трон султана. В течение долгого времени до и после провозглашения независимости на повестке дня политических организаций Марокко, в том числе и партии «Истикляль», стояли репрессии, сведения счетов. Несмотря на разногласия, истиклялистам удалось сохранить хотя и хрупкое, но все же единство, необходимое, чтобы защитить национальный суверенитет Марокко и покончить с протекторатом. Однако испыхнувшие во время образования первого национального правительства распри свидетельствовали о внутренней слабости партии «Истикляль». Вместе с тем возникла опасность, что некая сильная личность, способная объединить соперничающие фракции и сделать из партии реальную силу, противостоящую трону, может одержать верх и выйти на авансцену благодаря междоусобице в рядах «Истикляль». Ясно, что это не соответствовало интересам королевского двора.

В послевоенные годы «Истикляль» являлась центром объединения националистов. Раскол, назревавший в течение многих лет, произошел в 1959 г. и был прежде всего результатом того, что начиная еще со времен протектората сторонники партии должны были выбирать между противоположными политическими курсами, между оппозицией и подчинением правящему режиму, между прогрессивной и консервативной ориентацией.

Ни у одной из фракций «Истикляль» не было определенной программы. Но, не будучи едины в вопросе о политической линии, лидеры всех фракций, несмотря на их соперничество, все признавали, что именно партия (а не монархия) должна руководить политической жизнью страны. А одной из основных причин раскола партии стали споры о том, как это осуществить.

Старые руководители «Истикляль» советовали соблюдать умеренность и считали, что воля партии не должна быть навязана королю⁴¹. Они надеялись рано или поздно убедить короля принять их точку зрения:

«В конце концов четыре века деспотизма не могут быть перечеркнуты в один день».

Целый месяц велись переговоры между королем и различными политическими лидерами с целью образования нового правительства. 19 апреля 1959 г. политическая комиссия «Истикляль» опубликовала коммюнике, в котором говорилось об условиях участия партии в правительстве. Суть этих условий сводилась к тому, чтобы обязать короля проводить общую политику по следующим основным направлениям: укрепление независимости; вывод иностранных войск; усиление связей с магрибскими государствами; образование демократических институтов; экономическое и социальное развитие; создание однородного правительства; постоянная гарантия гражданских свобод; назначение общинных выборов; установление конституционной монархии.

Коммюнике было составлено на основе меморандума, написанного А. Буабидом и М. Бен Баркой. После одобрения Ахмедом Балафреджем оно было передано политической комиссии, которая его утвердила⁴².

После передачи меморандума королю разгорелась жаркая дискуссия. Мухаммед V не желал расставаться с правом самолично назначать министров внутренних дел и обороны, а тем более соглашаться с требованием предварительных консультаций с партией «Истикляль». Он пригласил к себе Алляля аль-Фаси и Абдаль-Джалиля и попросил этих старейших членов партии «вразумить остальных». Король упорно настаивал на сохранении за ним названного права, хотя и пошел на некоторые уступки партии, в частности предложил на пост министра внутренних дел Мессауда Шигуера, а министра обороны — Ахмеда Лиязиди, бывших в хороших отношениях с лидерами «Истикляль». Но он и уговорил старых руководителей партии согласиться на участие в правительстве Махджуба Бен Седдика и Абдаллаха Ибрахима, обвиненных политической комиссией «Истикляль» в измене и нарушении положений меморандума.

Во время голосования Абдаллах Ибрахим, Бен Седдик, Басри и Абдурразак голосовали против назначения Шигуера⁴³, а Буабид воздержался. Многие молодые вместе со старой гвардией голосовали за Шигуера. Мехди Бен Барка, находившийся в то время в Тунисе, не участвовал в голосовании. Представители

Марокканского союза труда и организации «Сопrotивления» покинули собрание и полностью порвали с «Истикляль».

Раскол основательно ослабил оппозицию, тем более что произошел в неблагоприятное для нее время. Отколовшееся левое крыло «Истикляль» (в сентябре 1959 г. реорганизованное в НСНС) хотя и контролировало правительство (с декабря 1958 г. премьером был один из его лидеров — Абдаллах Ибрахим), но не сумело осуществить ни провозглашенных им «социальной справедливости» и «демократии», ни каких-либо более конкретных социальных преобразований из фигурировавших в старой программе партии. Объяснялось это объединенным противодействием правительству со стороны почти всех политических группировок страны, для которых оно было либо слишком «левым», либо недостаточно демократичным, ибо требовало роспуска всех партий, кроме НСНС [66, с. 374—376]. Надо признать к тому же, что кабинет Ибрахима, сумевший сделать кое-что положительное в экономическом плане, оказался не готов к подобному в плане социальном и политическом. Вдобавок ключевые министерства — обороны, внутренних дел, юстиции, госбезопасности — контролировались не премьером и его партией, а королевским двором, враждебно относившимся к программе НСНС, предусматривавшей аграрную реформу, конституционные ограничения королевской власти, учреждение народных представительных институтов и т. п. Выждав некоторое время, пока кабинет Ибрахима навлек на себя достаточно недовольства различных общественных кругов, Мухаммед V в мае 1960 г. уволил премьера в отставку и лично возглавил правительство. Это стало своеобразным итогом борьбы за возрождение реальной власти трона.

По возвращении с Мадагаскара Мухаммед V был скорее символическим, чем фактическим, главой страны. На кого он мог тогда опереться? Французские чиновники и марокканские кайды⁴⁴, которые составляли опору колониальной администрации, после провозглашения независимости лишились всей своей власти. Не было ни полиции, ни армии, ни султанской администрации. Власть фактически находилась в руках партии «Истикляль». Ведущие деятели партии, вышедшие из тюрьмы или подполья, развили большую активность.

В частности, один из лидеров «Истикляль», Мехди Бен Барка, обращался в международные печатные органы, писал редакционные статьи для партийной газеты, руководил по телефону уличным движением, когда улицы Рабата были забиты паломниками, направлявшимися к Мухаммеду V. Он устраивал частные встречи с султаном, выступая от имени Алляля аль-Фаси, затем уехал в Каир и стал во главе Армии освобождения [91, с. 92—93].

Политическая обстановка в стране сильно накалилась. Мухаммед V настаивал на выдвижении на пост премьер-министра человека, не принадлежащего ни к какой партии, но имеющего заслуги в деле восстановления монархии. Таким человеком был Мбарек Си Беккаи, бербер из района Уджды, бывший офицер французской армии и паша из Сефру. В 1953 г. Беккаи публично выступил против главного сторонника французов — вождя берберов аль-Глауи и организовал группу каидов, преданных султану. В Париже он сначала выступил против смещения Мухаммеда V, а затем боролся за его восстановление, чем и доказал, что не все берберы поддерживают аль-Глауи в его борьбе против султана. К тому же Беккаи не был хорошим политиком, и руководители партии «Истикляль» полагали, что им можно будет легко управлять [115, с. 169—170]. Однако в данном случае монарх проявил гораздо больше политического реализма: он противопоставил лидерам «Истикляль», арабским националистам и этноцентристам, оспаривавшим власть двора, представителя берберов, лояльного по отношению к монархии, способного найти взаимопонимание с французами, чьи войска еще находились в Марокко, и вместе с тем опытного чиновника, как бы символизировавшего неизбежность администрации *махзана*. Последнее обстоятельство обеспечивало султану поддержку старого чиновничества, что было важно в условиях описываемого времени.

Политическая борьба очень скоро приняла острый характер, и ее первым очагом стала Армия освобождения. Пока марокканские министры вели в Париже (в конце 1955 — начале 1956 г.) переговоры о независимости, Армия освобождения (в значительной мере берберская по составу) оказала давление на Северное Марокко, подвергнув опасности коммуникации между французской армией и Алжиром [194, с. 357]. Использо-

зуя это, Мухаммед V вынудил французское правительство ускорить переговоры и одновременно оказал влияние на марокканские политические партии, особенно на партию «Истикляль», контролировавшую большинство политически активного населения, а какое-то время и Армию освобождения. Но затем Армия освобождения вышла из-под контроля «Истикляль» и установила прямые контакты с монархом. В марте 1956 г. Мухаммед V встретился с ее лидерами. Ни один член партии «Истикляль» на этой встрече не присутствовал⁴⁵.

Положение приняло драматический характер, когда в июне 1956 г. был вероломно убит Аббес, начальник штаба Армии освобождения, бербер по национальности и личный друг Хатиба и Ахардана. По слухам, он был убит одним из лидеров Армии освобождения по наущению Бен Барки с целью получения партией «Истикляль» абсолютной власти [215, 29.08.1978]. Результатом убийства была первая, но достаточно серьезная стычка между берберами и «Истикляль».

Убийство тотчас было использовано дворцовыми кругами. С этого дня султан фактически сосредоточил в своих руках основные рычаги политической власти. В июле 1956 г., спустя месяц после начала восстания, Армия освобождения сдала оружие. Махджуб Ахардан, внесший в свое время большой вклад в создание Армии освобождения и получивший оружие через своих бывших марокканских сослуживцев во французской армии, заявил: «Мы не для того добивались независимости страны, чтобы потерять собственную свободу». Впоследствии Ахардан возглавил созданную в ноябре 1957 г. и противопоставившую себя партии «Истикляль» новую, преимущественно берберскую по составу буржуазно-аграрную партию «Народное движение» [66, с. 398—399]. С самого начала эта партия отрицала свою причастность к чисто берберскому национальному движению, утверждая, что выражает интересы сельских масс, отвергнутых городом, представители которого объединялись вокруг партии «Истикляль». Близкая связь Ахардана с Хатибом, чистокровным арабом, наложила свой отпечаток на движение, и газета «Народного движения» получила название «Магриб арабов». Тем самым, кстати, она надежно привлекала к себе берберов, так как среди них (как горожан, так и сельских жителей) было к тому времени немало ин-

теллигенции, буржуазии, рабочих, служащих, которые не были сторонниками берберского партикуляризма и выступали за единство марокканской нации, хотя и возмущались пренебрежением «Истикляль» ко всему берберскому.

В 1956 г. Мухаммед V поручил своему сыну Мулаю Хасану формирование армии. Взяв на себя эту миссию, наследный принц сохранил за собой и контроль над министерством внутренних дел [169, с. 34]. Естественно, королевский двор старался сделать армию и полицию своей надежной опорой, поэтому он пытался обеспечить перевес в новых вооруженных силах своим наиболее верным приверженцам, в первую очередь профессиональным военным из бывших офицеров и унтер-офицеров французской и испанской армий, а также просто противникам партии «Истикляль» как наиболее опасным тогда соперникам двора в борьбе за власть.

Армия состояла из трех основных групп: бывшие марокканские военнослужащие французской армии; бывшие сторонники султана, служившие в испанской армии; партизаны, пришедшие из Армии освобождения после ее расформирования. Среди офицеров преобладали выходцы из французской армии, меньше было бывших офицеров-марокканцев из испанской армии и еще меньше — бывших руководителей Армии освобождения (отбор последних проводился очень тщательно; им присваивались и более низкие звания по сравнению с остальными офицерами). Объединение всех этих групп наталкивалось на большие трудности. Дело формирования командного состава осложнялось причинами, как психологической, так и профессиональной: офицеры, получившие подготовку во французской армии, образовали нечто вроде элиты, что остальные офицеры воспринимали как обиду. В то же время солдаты молодой армии по крайней мере на 90% были берберами и арабскими крестьянами [185, с. 244].

Несмотря на все усилия, партии «Истикляль» не удалось сразу сместить Мулая Хасана с поста командующего и добиться сокращения числа берберов в армии. У офицеров же кроме верности присяге был и другой повод оставаться в стороне от политической борьбы: большинство из них служило в колониальных войсках, где их учили быть «аполитичными» и не дове-

рять «политикам». Исходя из опыта своего прошлого, они понимали, что единственным средством оградить себя было сохранение верности королю. Таким образом, чем больше партия «Истикляль» старалась установить свой контроль над армией, тем больше отталкивала ее от себя. Политика лидеров «Истикляль» способствовала лишь укреплению преданности армии монархии и ожесточению берберов, видевших в претензиях партии попытку установления господства *фаси* и арабского этноцентризма.

Что касается полиции, руководимой Ахмедом Лагзауи и Дрисом Слави, то она была в основном сформирована из бывших участников и даже целых групп промонархического городского движения сопротивления 1953—1955 гг. В ее рядах были как сторонники, так и противники партии «Истикляль», но также и «нейтральные» и «аполитичные» служаки из спецслужб протектората, занимавшие открыто реакционные позиции. Лояльность полиции по отношению к трону была несомненной. К тому же ей в основном поручалось подавлять антимонархические выступления социальных низов, особенно сочувствующих коммунистам. Наиболее привилегированной частью полиции являлась королевская жандармерия, которая набиралась в основном из бывших военных, была предана армии и находилась под командованием офицеров-берберов, послушных королю или наследному принцу [99, с. 59].

Важной опорой монархии было и министерство внутренних дел, в ведении которого находились губернаторы и кайды городов и провинций. Первыми, кого следует назвать из чиновников этого министерства, были или берберы, преимущественно выходцы из буржуазно-феодальной среды, бывшие офицеры французской армии, или представители городской буржуазии, в том числе *фаси*, связанные с «Истикляль», или даже бывшие руководители Армии освобождения.

Вместо смещенного министра внутренних дел Лиуси довольно скоро был назначен Дрис Мхаммеди — фигура более значительная [170, с. 55]. Его считали сторонником «Истикляль», но другом Ахардана и Хатиба.

Однако многие кайды на местах сохранили свое положение со времен французского господства, тогда как новые кайды не всегда могли конкурировать с представителями «Истикляль» или Армии освобождения. В то

же время деятели «Истикляль», особенно Мехди Бен Барка, старались ликвидировать должность каида. Опираясь на местные партийные ячейки партии, они стремились захватить управление сельским населением в свои руки.

В первые годы независимости активную роль играли молодые кадры берберов, многие из которых окончили коллеж Азру. В период протектората они были ярыми националистами. Из них, как правило, набирались переводчики и клерки на службу властям, контролировавшим районы, населенные берберами. После провозглашения независимости некоторые из таких должностных лиц заняли административные посты как в провинциях, так и в учреждениях министерства внутренних дел. Несмотря на свое берберское происхождение, эти молодые люди не были приверженцами традиционного берберизма, который представляли, например, Лиуси или Ади-у-Бихи [133, с. 34]. Напротив, большинство их были поклонниками такого выдающегося политического лидера, как Бен Барка; испытывая некоторый холодок к трону, они относились к Ахардану с ироническим скептицизмом⁴⁶. Некоторые из них вступили в НСНС сразу после его создания.

Каковы были отношения между престолом и «Народным движением» (и вообще берберами) в первые годы независимости?

Мухаммед V, выказывая знаки личной симпатии к Ахардану и Хатибу, сумел убедить их в своей «отцовской благосклонности», что не помешало ему одобрить смещение первого с поста губернатора в 1957 г. и арестовать обоих в 1958 г.

Мулай Хасан вначале больше склонялся к поддержке «Народного движения», во всяком случае делал вид, что хочет установить с ним хорошие отношения. Однако и он с самого начала, как и отец, старался не связывать себя обязательствами. Наследный принц задумывал раскол в партии «Истикляль» во имя новой расстановки политических сил, например путем привлечения некоторых молодых деятелей «Истикляль», придерживающихся умеренных взглядов, которые вместе с группой А. Риды Гедиры могли бы организовать более «современную» партию, чем «Народное движение». Наконец, сложные отношения с Мухаммедом V заставляли его действовать осторожно, не предприни-

мая ничего такого, что могло бы послужить предлогом для смещения его с поста командующего армией. И только когда была легализована партия «Народное движение», раскрыт заговор против Мулая Хасана⁴⁷ и произошел окончательный разрыв между «Истикляль» и НСНС, королевский двор стал открыто поддерживать партию Хатиба и Ахардана.

«Народное движение» или по крайней мере группа, которая осталась с Ахарданом после его разрыва с Хатибом, несомненно, представляла собой монархическое движение. Однако это не значит, что она поддерживала трон полностью и безоговорочно. Характеру Ахардана были присущи, в частности, традиционная антипатия бербера к власти монарха и дух независимости [211, 1978, № 2, с. 15]. Более того, хотя «Народное движение» в основе своей было партией берберов, все же нельзя было назвать ее полностью берберской. При этом следует заметить, что многие молодые берберы примкнули к Ахардану вынужденно, вследствие ослабления других партий, в которых они ранее состояли. Поэтому их преданность партии не была безоговорочной, тем более что впоследствии «Народное движение» не гнушалось использовать свои близкие отношения с позорно «прославившимся» кровавым генералом Уфкиром для сохранения и увеличения числа каидов среди своих сторонников. У Ахардана оставалось еще много друзей и в армии, где берберы имели наиболее высокие офицерские звания (восемь генералов из десяти).

Несмотря на то что большинство министерских постов, а также должностных мест, в том числе в промышленности и торговле, оставалось в руках городских буржуазных семей, т. е. в основном *фаси*, берберы представляли собой серьезную силу благодаря армии, министерству внутренних дел и партии «Народное движение» [115, с. 275], с которой в Марокко приходилось считаться. И хотя у руководителей берберов еще не было ясной политической и экономической программы и их позиция оставалась в основном прагматической, тем не менее они доказали, что партия «Истикляль» не может управлять Марокко без учета интересов берберов.

Однако берберские лидеры Ади-у-Бихи, Лахсен Лиуси, а также Дрис Мхаммеди надеялись все же найти общий язык с партией буржуазных национали-

стов — «Истикляль», но вскоре разочаровались в ее политике и отказали ей в поддержке. Как писал французский автор О. Марэ, «социальные факторы отвергли политические варианты» [157, с. 278].

Руководители «Истикляль» выступали против сохранения берберского языка и традиций, обычаев, культуры и вообще самобытности берберов. Находясь в плену устаревших формул панарабизма, а также отвечавших интересам *фаси* новых формул этноцентризма арабоязычных горожан, они видели решение этнической проблемы Марокко в ускорении полной арабизации берберов и искусственно зачеркивали их специфические особенности. Это не могло не вызвать у берберов негативную реакцию.

Таким образом, берберская родо-племенная элита, которая по многим показателям должна была стать частью существующей монархической системы, созданной после провозглашения независимости, была отвергнута этой системой. Однако часть ее заняла все же выжидательную позицию, тогда как другая влилась в левые силы, а третья еще более приблизилась к монархии. Незначительное число берберской феодальной аристократии примыкало то к одному направлению, то к другому.

Вообще же многие представители берберской элиты примкнули к королю. Они были согласны на примирение со своими соотечественниками предшествующего поколения, с которыми когда-то вступили в конфликт. Это примирение породило новый берберский партикуляризм, что способствовало расколу внутри блока социальных сил национально-освободительного движения.

В период протектората Высокий Атлас был одним из основных районов берберского партикуляризма. При этом характерным для него было доминирующее влияние так называемых великих *каидов*.

Сус до независимости был более спокойным. Будучи безразличен к событиям, которые явились причиной волнений в крупных городах на севере, он, казалось, сохранял стабильность до тех пор, пока не был ликвидирован французский административный режим и аппарат. Провозглашение независимости было связано с притоком войск Армии освобождения, посланных ликвидировать контроль Испании над Ифни и Сахарой, а также освободить северные провинции от неорганизо-

ванных повстанцев. «Движение сопротивления горожан» также учредило несколько тыловых баз в тех районах, которые поставляли переселенцев в Касабланку. Вскоре центральное правительство полностью потеряло контроль над провинцией Агадир и большинством других южных районов, заселенных берберами из группы *илех*, зачинателями левого движения среди берберов. Это движение противопоставлялось как в целом системе монархии, так и господству *фаси*, представленным новыми государственными должностными лицами, а также торговыми соперниками *илехов* в Касабланке, где они были особенно сильны [192, с. 360].

Роль берберов в политической жизни Марокко приняла несколько иной характер после вступления на престол Хасана II.

Хасан II, будучи сторонником быстрого развития в стране капитализма (а никак не наоборот, как считают некоторые буржуазные авторы) в рамках сохранения монархии, старался оказать давление на *фаси* (с помощью *суси*, берберских феодалов, госбюрократии и армии). Но одновременно он выступил за постепенную арабизацию берберов, за растворение и *суси* и *фаси* в общей массе подданных, преданных ему как монарху и духовному главе.

Объективно такая позиция соответствует потребностям продолжающегося процесса формирования единой марокканской нации. Однако в рамках этого процесса монархия преследует свои цели, стремясь сохранить прежнюю форму государственно-политической надстройки над многоукладным базисом, включающим в себя и национальный капитализм, и традиционные докапиталистические уклады.

Берберы, особенно сельская знать и крестьяне, бо- ялись в случае развития в стране промышленности и образования новых городов оказаться обреченными на потерю своей индивидуальности и поставленными перед проблемой выбора — либо владеть жалкое существование в горах, подвергаясь бюрократическому контролю властей, либо пополнить неимущее население бидонвилей в городах [209, 14—15.01.1959]. Поэтому берберские районы (в Рифе, Тафилалете и Среднем Атласе) в первые годы независимости (1957—1960) были охвачены волнениями, явившимися выражением стихийного

протеста против невнимания властей к проблемам берберов. Однако движение это было использовано теми, кто хотел повернуть колесо истории вспять, а именно феодалами и родо-племенной знатью, пытавшимися заставить считаться с собой новую власть — партию «Истикляль». С потерей же последней власти (в 1960 г.) волнения среди берберов прекратились.

Подобного рода бунтарство поощрялось монархией, так как при любом конфликте между арабами (т. е. партией «Истикляль») и берберами обращение за помощью к королю как посреднику ослабляло основного политического противника трона — арабскую буржуазию, различные группировки *фаси* и партию «Истикляль». В конечном счете это привело к тому, что и *фаси*, и партия «Истикляль», и различные левые группировки, в том числе фракции НСНС, объединяющие мелкую буржуазию, интеллигенцию и служащих как арабского, так и берберского происхождения, стали вести себя лояльно по отношению к королевскому двору, проявляя гораздо более, чем раньше, покорности, боязни и послушания. В то же время берберы, особенно сельская знать, буржуазия *суси* и представители высшей военной и гражданской бюрократии (как правило, феодального происхождения) все больше сознавали свою силу, особенно после 60-х годов.

Современная роль берберской этносоциальной группы в общественно-политической жизни Марокко

Берберы, королевский двор и партия «Истикляль» в 60-е годы

Подъем национально-освободительного движения, участие берберов в Армии освобождения, а также берберская политика правящей династии в конечном счете привели к созданию берберской партии. При создании такой партии предполагалось, что, сообщив берберам чувство политического утверждения, она направит их требования по угодному королевскому двору руслу.

Королевский двор постепенно предоставлял берберам ведущую роль в своем политическом окружении. Вскоре они составляли большинство в вооруженных силах (армии и полиции); правительство и жандармерия также оказались в их руках. Но служба госбезопасности какое-то время несла на себе печать влияния своего первого директора Лагзауи, по происхождению *фаси*. В 1960 г. король начал устранять тех, чья лояльность по отношению к трону, казалось, не вызывала сомнений. Часто это были молодые арабы, которые попали в армию после получения Марокко независимости. Их удаление усиливало позиции берберов. Вообще создавалось впечатление, что только берберы могут рассчитывать на успешную карьеру.

Начиная с 1960 г. все больше берберов становилось каидами и руководителями своих округов. Административная и политическая роль вождей племен также усилилась. Они принимали участие в определении решений центрального правительства. Наиболее эффективную роль каиды сыграли в тех берберских районах, где в свое время значительное влияние на племена имел

французский протекторат. В социально-экономических мероприятиях правительства проблема племен ставилась особо [32, с. 252].

Политические трения между троном и берберами Рифа, Среднего Атласа и крупных районов Высокого Атласа напомнили правящим кругам о том, что у берберов были и свои политические воззрения. Несмотря на то что партии «Истикляль» не удалось завоевать поддержку новой берберской элиты, все же она имела какое-то влияние на берберов¹. В частности, она сумела воспользоваться разногласиями между отдельными группами и лицами, поддерживающими монархию. Национальный союз народных сил играл более значительную политическую роль. Молодых берберов «из профессионалов и интеллектуалов» — представителей коллежа Азру и мущественной ассоциации бывших его воспитанников — в программе НСНС привлекали социалистические идеи.

Группа торговцев-шлехов (южных берберов) в первые годы независимости отошла от «Истикляля». Ее поддерживали их соперники *фаси*, которые обвинили своих конкурентов-берберов в захвате привилегированных позиций в бизнесе, используя политические контакты. После образования НСНС шлехи оказали ему решающую поддержку, особенно в провинциях Агадир и Уарзазат. Поддержка шлехов дала возможность левым силам завоевать много мест на выборах в торговую палату, муниципалитет и парламент в Касабланке [157, с. 282].

Таким образом, большинство хорошо известных лиц из берберской элиты заняли важные посты в годы, предшествовавшие независимости или сразу после ее провозглашения. Люди, назначенные на низшие должности еще французскими или испанскими властями, продолжали оставаться шейхами или главами сельских общин. Их родственники, получившие образование и место в качестве официальных должностных лиц среднего ранга еще в администрации протектората, поднялись на ступеньку выше по лестнице административной и политической власти в годы независимости. Они редко занимали важные посты в центральном правительстве, но зато обладали ими в местной администрации, полиции, жандармерии и армии.

В то же время политические силы были по-прежнему

му разобщены и продолжали соперничать, борясь за власть, что давало возможность королю, играя роль «арбитра», оставаться символом политического единства страны.

Как уже отмечалось, у истоков этой политики стоял советник короля Р. Гедира, который считал, что только многопартийность позволит легко управлять политической обстановкой в стране. Именно поэтому в Конституции 1962 г. появилась ст. 3, в которой подчеркивалось: «Политические партии содействуют организации и представительству граждан. В Марокко запрещается однопартийный режим» [54a].

С точки зрения царствующей династии стабильность, даже ценой экономического застоя и размельчения политических сил, является неременным условием выживания монархии. Основной принцип поведения при этом — не позволять какой-либо социальной группе или политической партии стать слишком сильной. С этой целью делается все возможное для порождения соперничества, искоренения исключительных возможностей любой партии, сколь бы монархической она ни была. Отсюда и разрешение деятельности различных оппозиционных партий, и поощрение подспудно даже коррупции и некомпетентности отдельных министерств, компенсируемых деятельностью королевского кабинета.

Король очень точно учитывает и использует особенности политических партий Марокко, в которых основную роль играют лидеры. Отсюда поддержка престижа и веса того или иного лидера, пока он устраивает монарха, даже если он возглавляет лишь номинально существующую партию. Чтобы удерживать лидеров в «рамках дозволенного», имеется отработанная система: личные встречи с королем или его посланцами, символические посты, миссии с отправкой за рубеж, участие партийных лидеров в различных государственных советах (Высшем государственном совете обороны, например, на заседания которого приглашаются лидеры всех партий, включая коммунистов). Правилom политики королевского двора является также стремление избегать своего отождествления с любой социальной или политической группой, даже если сам он был инициатором ее создания (так было, например, с партиями «Народное движение» и «Национальное объединение независимых»). Двор старался скрыто использо-

вать успехи любого политического движения, созданного по его инициативе, всегда сохраняя за собой возможность отмежеваться от него в случае провала. В свою очередь, все политические силы придерживались основного правила ведущейся политической игры (нарушение которого, кстати, карается полицейскими и судебными репрессиями) — никогда и ни в какой форме не подвергать нападкам и критике личность короля и членов его семьи.

В политической игре против партии «Истикляль» помимо «берберской карты» король разыгрывал и другую — Демократической партии независимости (ДПН) Хасана аль-Ваззани. Эта партия была представлена пятью министрами в первом кабинете. В 1959 г. ДПН превратилась скорее в политический клуб, чем партию, и стала исчезать из планов королевского двора. В 1957 г. бывший офицер французской армии, а затем губернатор провинции Рабат — Махджуб Ахардан с помощью Лаксена Лиуси (тогда министра внутренних дел) развернул свою деятельность по созданию берберской партии «Народное движение». С 1964 по 1969 г. эта партия была представлена в правительственных кабинетах следующими своими членами: Махджубом Ахарданом (с августа 1964 по июль 1967 г.); бывшим школьным учителем Хадду Шигуером (с августа по декабрь 1967 г.); Абдесламом Бенайса (с января 1969 по октябрь 1969 г.).

В 60—70-е годы отношения между двором и «Народным движением» упрочились. Во время конституционного референдума в декабре 1962 г. и в период выборов в законодательный орган в мае 1963 г. стало ясно, что партия Ахардана является основой новой партии роялистов — Фронта защиты конституционных институтов (ФЗКИ) [186, с. 225], поскольку она была единственной организованной политической группой внутри монархической коалиции. Создав условия, побудившие партию «Истикляль» и НСНС бойкотировать выборы, которые привели в 1963 г. к образованию верхней палаты парламента, а также выборы в законодательный орган в 1970 г., королевский двор дал возможность своим приверженцам заполнить вакуум, образовавшийся в результате такого бойкота.

«Народное движение» получило 10 тыс. из 11,2 тыс. мест в общинных советах (выборы 28 июля 1963 г.),

201 из 281 места в торговой палате (выборы 18 августа 1963 г.), 292 из 312 мест в сельскохозяйственной палате (выборы 25 августа 1963 г.), 147 из 225 мест в собрании провинции на выборах 6 октября 1963 г. [192, с. 338].

Наиболее важную основу экономической и политической власти «Народное движение» создало себе после осуществления так называемой аграрной реформы. В своем выступлении в ноябре 1960 г. король Хасан II обратил внимание на создание кадров сельскохозяйственных специалистов, а также на организацию сельскохозяйственного кредита для крестьян [210а, 02.12.1960]. Аграрные мероприятия коснулись только тех земель, которые некогда принадлежали французским колонистам, и некоторых общественных земель.

В 1963 г. был издан королевский декрет о передаче марокканскому государству части (280 тыс. га) иностранной земельной собственности — так называемой официальной колонизации. В течение 1963 г. было передано лишь 45 тыс. га, а затем — 70 тыс. га земель. В результате основная масса европейских колонистов по-прежнему извлекала доходы от эксплуатации марокканской земли.

В Марокко очень сложно определить политические интересы и политические ориентации различных слоев населения ввиду не только социально-экономической многоукладности, но и этнической неоднородности страны. Интересы берберской буржуазии и берберских феодалов различны, но они вместе выступают против арабских феодалов и арабской буржуазии (что не мешает иногда всем феодалам спланиваться в борьбе против буржуазии). А совместно с чиновничеством и офицерством феодалы и буржуазия могут выступать против всего остального народа. Но это не только не исключает, но даже предполагает поддержку берберскими племенами «своих» феодалов и «своих» буржуа в городе. Тут классовая борьба переплетается с национально-этнической и межукладной, не говоря уже о племенных, региональных и прочих традиционных конфликтах.

В июле 1970 г. НСНС — МСТ снова объединились в союз с партией «Истикляль» и образовали Национальный блок (Аль-Кутля аль-Ватания). Это вызвало

контрмеры двора. Летом 1970 г. королевский контроль над политической системой страны еще более усилился, что было результатом пяти лет чрезвычайного положения, когда королевский двор так ловко расчленил и подчинил себе все политические группировки, что мог себе позволить, не считаясь с ними, представить новую конституцию, усиливающую его власть.

Берберы и попытка государственного переворота в июле 1971 г.

1 августа 1970 г. в своей речи король Хасан II обвинил политиканов Национального блока в том, что «они только и делают, что провоцируют скандалы» [197, 01.08.1970]. Выступление Хасана II было, в сущности, не чем иным, как обвинительной речью, направленной против всех партий. Однако на деле эти политические партии не представляли собой реальной угрозы королевскому режиму. Король хотел лишь припугнуть лидеров Национального блока, нейтрализовать их как оппозиционную силу, способную увлечь за собой студенческую молодежь.

В 1965—1970 гг. серьезной проблемой стали частые забастовки в лицеях, вузах. Они говорили о радикальных настроениях марокканской молодежи. Поэтому королевское правительство желало, чтобы действия молодежи были направлены умеренными политиканами, а не «крайне революционными руководителями политических партий». Дворцовые круги рассчитывали после выборов и референдума включить несколько деятелей Аль-Кутля аль-Ватания в правительство, сколотить тем самым коалицию своих сторонников с ними под названием «Национальный союз».

С 1959 по 1970 г. королевский двор проводил политику «Разделяй и властвуй», а установленное с середины 60-х годов чрезвычайное положение открыло эру разложения традиционных политических сил и усиления новой бюрократической элиты, характерной чертой которой стало корыстолюбие. Коррупцию высшие круги чиновничества допускали и использовали частично также в политических целях для консервации существующего порядка и укрепления связей с различными кругами буржуазии.

Соревнование за получение привилегий от режима (политика которого и состояла в том, чтобы их раздавать) привело к образованию иерархии кланов в соответствии со степенью их зависимости от двора. Отдельные группировки интересовались лишь тем, насколько они уязвимы. Режим мог наказывать, но мог проявить и благосклонность. Армия и полиция были лояльны по отношению к режиму, по крайней мере в течение десяти лет, о чем свидетельствовал тот факт, что во время событий в Рифе в 1958 г. и в Касабланке в 1965 г. для наведения порядка была применена сила армии и полиции. Королевский двор и близкие к нему лица долгое время полагали, что у военных не было иного выхода, кроме служения монархии, так как из-за своего малопрестижного прошлого они были лишены поддержки политических партий.

При рассмотрении причин попытки государственного переворота в июле 1971 г. сразу возникает вопрос: что побудило офицерство выступить против существующего монархического режима?

Буржуазные авторы объясняют это выступление в основном желанием овладеть властью. Однако они оставляют без внимания тот факт, что король слишком уж пренебрежительно относился как к гражданской, так и к военной элите². К концу 60-х годов ей было трудно сосуществовать с системой, возникшей после обретения страной независимости, сохраняя в то же время свое достоинство. Однако политика «кнута и пряника», проводимая королем, заставляла ее покориться судьбе.

К 1969—1970 гг. многие из высокопоставленных сторонников короля были разочарованы его политикой и начали постепенно от него отворачиваться. Приведем один лишь пример из взаимоотношений короля и бюрократической элиты.

Некий хорошо известный министр из поколения технократов праздновал новоселье на своей новой шикарной вилле. Приглашенный Хасан II, осмотрев дом, воскликнул: «Превосходно! Сколько же тебе это стоило?» Ответить было непросто: как сочетать цену виллы с окладом министра? Из осторожности хозяин назвал цену вдвое меньше действительной. «Прекрасно, дорогой, я подписываю чек на эту сумму и покупаю ее». Купив виллу у ошеломленного министра, король пода-

рил ее дружественной стране, сделав из нее резиденцию для посла этой страны.

К унижению, испытываемому элитой, добавлялось недовольство студентов, молодых офицеров и представителей других слоев населения. В 1969 г. группа молодых офицеров авиации пыталась свергнуть монархию («Заговор Рамадан»). Они вошли в контакт с командующим военно-воздушными силами генералом Нмиши, который, правда, не только не присоединился к заговору, но даже раскрыл его.

В результате политики ослабления партий, которую проводил королевский двор, армия стала единственной организованной силой, способной изменить направление национальной политики [158, с. 435]. Народные волнения вызывали брожение внутри королевских вооруженных сил и вылились, в частности, в неудавшуюся попытку мятежа, которую предприняли молодые офицеры королевской армии.

Нападение на летний дворец короля в Схирате, близ Рабата, было организовано высшими офицерами марокканской армии, в том числе четырьмя генералами. Заговор свидетельствовал о постепенном крушении военно-гражданского союза между королем и его недавними союзниками. Офицеры, предавшие Хасана II, были выдвинуты им еще в 1957 г., когда он стал прямым наследником трона и командующим вооруженными силами страны.

Назначив принца Хасана своим наследником и возложив на него контроль за военным аппаратом, король Мухаммед V хотел обеспечить преемственность своей династии на престоле страны, оставляя за собой право силой добиваться этого в случае необходимости. Именно после 1957 г. Хасан II содействовал карьере многих офицеров, принявших участие в восстании 10 июля 1971 г. Принц Хасан понимал, что они не были слепыми верноподданными. Он был слишком осторожен, чтобы полагаться на мимолетные эмоции, на чувства, как, например, на личную преданность. Люди, к карьере которых принц Хасан проявлял прямой и постоянный интерес, не имели выбора: они должны были быть преданными трону и Алаутской династии. Это объясняется двумя основными причинами: большинство высших офицеров впервые получили должности во французской армии и никто из них не ушел в отставку в период ос-

вободительного движения, в частности в период между 1953 и 1955 гг., когда Мухаммед V находился в ссылке на Мадагаскаре, а марокканские националисты, чтобы заставить французов вернуть его обратно, начали вооруженную борьбу в городах и сельской местности. После получения страной независимости, когда эти офицеры получили командные посты во вновь организованной марокканской армии, они не видели для себя иного пути, как быть преданными королю-благодетелю.

Таким образом, Марокко относится к тем странам, в армии которых, по словам советского исследователя Г. И. Мирского, «командные посты заняли люди, прошедшие военное обучение в соответствующих заведениях бывших метрополий» [70, с. 6—7].

Монархия хотела иметь эффективную военную организацию и преданных офицеров. Однако король сомневался в их преданности и часто перемещал по службе, чтобы между ними и их подчиненными не создавались близкие отношения.

Опору короля до 1971 г. составляло, с одной стороны, гражданское крыло, осуществлявшее управление коммерческими и техническими делами, а с другой — военное, охранявшее закон и порядок, напоминавшее о невозможности непокорности режиму.

Летом 1970 г. король Хасан II представил на одобрение новую конституцию страны, согласно которой трон получал практически неограниченную власть. После референдума состоялись выборы в однопалатный парламент, лишь треть членов которого была выбрана прямым голосованием. В парламенте оказались преимущественно беспартийные, так как партия «Истикляль» и НСНС бойкотировали выборы.

В конце 1970 г. два министра, бывшие основной опорой правительства в 60-е годы, — Мухаммед Имани (министр народных предприятий) и Мухаммед Бенхима (министр сельского хозяйства) — были казнены королем по обвинению в коррупции [186, с. 399—400]. Это событие многим привилегированным представителям элиты открыло глаза: существующая система оказалась под угрозой. Бенхима и Имани были из числа первых и главных гражданских союзников трона, и их-то сам король вынужден был устранить³.

Изложенное лишь частично объясняет причины попытки переворота. Его происхождение, а также идеоло-

гические цели и весь механизм заговора остаются во многом в тени, поскольку об их подробностях в свое время марокканское правительство, пресса и другие средства массовой информации умалчивали. Некоторые данные, связанные с событиями июля 1971 г., приведены в книге Дж. Уотербэри «Предводитель верующих» [185, с. 375—387] и в его труде «Переворот 10 июля 1971 г.» [186, с. 397—417]. Заслуживают внимания также статья Октава Марэ «Берберы и марокканская политическая система после переворота» [155, с. 431—432], статья А. Корам «Берберы и переворот» [114, с. 426—430] и некоторые другие.

Анализ фактов, приведенных названными авторами, показывает, что хотя неудавшийся переворот 10 июля и имел «берберскую окраску» (в нем участвовали пять генералов и два полковника — берберы), тем не менее это не был чисто берберский заговор. Очень многие берберы стали жертвой мятежников, в частности генералы Гарбауи, Булхимс и Бахир. Такие же известные деятели-берберы, как Уфкир и Ахардан, оказались лишь сторонними наблюдателями событий [114, с. 425].

А. Корам согласен с мнением тех авторов, которые считают, что в случае удачи восстания «Марокко оказалось бы, без всякого сомнения, под управлением берберов» [114, с. 425]. Однако, прежде чем делать выводы такого рода, надо вспомнить восстания в сельских районах (в Тафилалете, Рифе, в Среднем Атласе и на юге) вскоре после достижения страной независимости, создание партии «Народное движение» и растущее значение армии, где берберы составляли большинство. Положение было весьма сложным и противоречивым. Так, в армии часто имели место мятежи, но в то же время она контролировала наиболее беспокойные провинции. «Народное движение» реагировало на сельские волнения и в то же время было тесно связано с армией и с министерством внутренних дел, которое фактически несет ответственность за администрацию в сельских провинциях.

Монархия не раз использовала волнения среди берберов, деятельность «Народного движения» и армию для нейтрализации действий, а затем и для уменьшения влияния оппозиционных политических партий.

Судя по высказываниям некоторых авторов, путч 10 июля 1971 г. не явился неожиданностью. «Неожиданными

данными явились его участники» [114, с. 426]: следовало ожидать участия в нем молодых офицеров, радикалов, а участниками его оказались в основном королевские высшие офицеры.

Наиболее неожиданным явилось участие в заговоре генерала Медбуха⁴, ближайшего соратника короля. Под его контролем находилась практически вся армия. Будучи директором королевского военного учреждения, он принимал самое активное участие в политической игре короля и был в курсе самых важных его дел. Медбух часто выполнял ответственные миссии за рубежом и внутри страны (как официальное или частное лицо). В начале 1971 г. он совершил поездку в США, где с помощью ЦРУ получил важные сведения относительно высокопоставленных государственных чиновников Марокко, и представил королю неопровержимые доказательства коррупции внутри бюрократической элиты. После этого были смещены некоторые министры, что, в свою очередь, содействовало перевороту 1971 г.

Интересно официальное объяснение причин переворота, приведенное премьер-министром Лараки в парламенте. По его словам, «целью путчистов был захват власти ради власти и удовлетворение своих низких и эгоистических appetитов» [205, 1967, № 7, с. 21]. На деле все обстояло иначе. Офицеры, вовлеченные в путч, и без того обладали немалой властью, и в то же время далеко не все могли рассчитывать встать во главе государства. О них и известно меньше, чем о генерале Медбухе, например. Приведем некоторые сведения о наиболее важных заговорщиках.

Подполковник Мухаммед Абабу в отличие от вышестоящих офицеров — участников заговора представлял то поколение военных, которое выдвинулось после достижения Марокко независимости. Абабу возглавил штурмовую группу при нападении на летний дворец Хасана II в Схирате⁵.

Другой участник заговора, генерал Хамму, был родственником официальной жены короля, происходившей из главного рода сильного берберского племени *заян* в Среднем Атласе. Дж. Уотербэри характеризует генерала Хамму⁶ как человека, испытывавшего отвращение к разложению, которое демонстрировали гражданская элита и придворные.

Среди других офицеров, казненных после неудавше-

гося переворота, называют генералов Бугрина⁷, М. Амхареша⁸ и Хабиби⁹. Все они были берберами. К участникам заговора присоединились также полковник Феннери из королевской жандармерии, директор военной школы в Кенитре полковник Бубери, полковники Амми Бенбрахим, Лексир Белабсир и майор Менузи. К этим офицерам впоследствии присоединился полковник Шелуати¹⁰. Командующий военным округом Касабланки генерал Абдесслам Бенамар также был арестован после провала путча как подозреваемый в соучастии восставшим, но казнен не был.

Из названных офицеров наиболее известен Менузи. Он был родом из деревни Амануз, расположенной глубоко в горах Анти-Атласа в Южном Марокко. Вместе со своими односельчанами Менузи был бойцом, а затем командиром марокканской Армии освобождения в 1955—1956 гг. После возвращения Мухаммеда V из ссылки многие руководители Армии были призваны в новую марокканскую армию, другие продолжали сражаться в рядах Армии освобождения на юге, в захваченном испанцами анклав Ифни. Но в 60-е годы и они перешли в марокканскую армию. Интересно, что Менузи принадлежал к древней марокканской группе Маквиз, борющейся на стороне короля и никогда не приносившей беспокойства трону. Очевидно также, что его, как и прочих ветеранов Армии освобождения, встревожили аресты в 1970 г. многих бывших товарищей по движению сопротивления (см. [205, 1976, № 48, с. 18]).

Большинство офицеров — участников заговора, за исключением Шелуати, были известны честным отношением к службе и развитым чувством долга [208, 14.07.1971]. По-видимому, одной из причин, заставивших их действовать, было возмущение коррупцией в стране. Некоторые, возможно, считали, что в течение многих лет они мирились с возмущавшим их положением вещей и тем самым играли бесславленную роль. Других участников заговора возмущало разложение режима и его общественное лицо с точки зрения религии и морали. Ряд офицеров беспокоило отрицательно сказывавшееся на их карьере постоянное перемещение с одного места на другое и вследствие этого — неуверенность в своей дальнейшей судьбе.

Судя по всему, офицеры не были связаны с граж-

данскими политиками или партиями. Они видели экономический упадок, неэффективное управление страной, порчу нравов, развал гражданской элиты, видели все более распространявшееся недовольство, нараставшую активизацию и политизацию низших армейских чинов, что привело в конечном счете к решению действовать, прежде чем более молодые и радикальные люди захватят власть и устранят монархию и связанное с ней высшее офицерство. Вместе с тем нельзя забывать, что в Марокко, где нация еще проходит этап становления, где слабы общенациональные связи, где семейные, родовые, племенные, региональные узы в большой степени определяют сознание людей, армия, по словам Г. И. Мирского, представляет собой общенациональный институт и находится в более выгодном положении по сравнению с другими организациями, является символом единства нации, воспитывает у военнослужащих национальное самосознание, но также и чувство принадлежности к привилегированной прослойке общества [70, с. 8—9].

Как уже отмечалось, создавая армию, власти протектората стремились вербовать как солдат, так и офицеров из берберов — жителей отдаленных и наиболее отсталых районов. Это была сознательная политика, направленная на создание надежного для французской администрации состава вооруженных сил протектората.

При подробном знакомстве с составом участников попытки переворота бросается в глаза, что выходцы из провинции преобладали над столичными жителями. И действительно, все основные ее участники были берберами из районов Рифа и Среднего Атласа. Исходя из этого интересно установить, был ли путч так или иначе реакцией горных жителей, говорящих на берберском языке, направленной против арабоязычной городской буржуазии, которая преобладала в гражданских секторах администрации и в частном торговом секторе.

Судя по всему, если такое и было, то фактор этот был в своей основе второстепенным. Однако нельзя не учитывать и отношение к путчу городской буржуазии, особенно тех ее представителей, которые относятся к купеческим семьям города Феса и их ответвлениям в экономической столице Марокко — Касабланке: «Они готовы были увидеть в действиях Медбуха реакцию

берберов на свое привилегированное положение в «покровительственной системе» (см. [203, 20.07.1971, с. 11]). И партия «Истикляль», где преобладали арабоязычные горожане, демонстрируя лояльную позицию относительно трона, резко осудила попытку переворота, назвав ее «манифестацией реакционного берберского партикуляризма» [186, с. 405].

После подавления путча 1971 г. было много разговоров, враждебных *фаси*, которые преобладали в администрации фактически со дня получения страной независимости. В частности, вспоминали случай, произошедший зимой 1970 г. Тогда три официальных лица высокого ранга, а именно директор министерства внутренних дел, главный прокурор г. Касабланки и министр труда (все берберы), сговорились закрыть принадлежащее французам предприятие в Касабланке, чтобы затем купить его самим по сниженной цене. В своем плане они не учли одного: француз, владелец предприятия, был близок к президенту Помпиду, который, узнав об этой истории, выразил протест королю через французского посла в Рабате. Король отстранил всех троих от должностей и посадил в тюрьму. В тот период по рукам ходила петиция среди чиновников берберов министерства внутренних дел и в армии. В ней выражался протест против ареста и утверждалось, что, если бы преступники были *фаси*, с ними не случилось бы ничего подобного.

При всем прочем следует, однако, помнить, что раскол и вражда среди самих берберов часто были такими же жестокими, как между арабами и берберами. Американский автор Дж. Уотербэри предполагает, что «если бы переворот был успешным, то генерал Уфкир, который сам был бербером, был бы казнен». Придерживаясь этого мнения, остается только добавить, что именно это произошло с генералом Гарбауи — бербером¹¹. Среди других берберских офицеров, погибших во время восстания, можно назвать генерала Бахира Бухали — начальника штаба, полковника Булхима — командира королевской жандармерии, полковника Хиари Бугрина — кузена восставшего Медбуха и полковника Мекки — адъютанта короля. Полковник Лубарис, командир парашютных войск и близкий друг генерала Медбуха, был тяжело ранен в Схирате. Среди лояльных по отношению к королю офицеров, кото-

рые погибли во время путча, арабом (к тому же из Феса) был лишь генерал Нмиши, командующий воздушными силами Марокко.

После провозглашения независимости в 1956 г. набор в офицерские школы проводился по экзаменационной системе. Такой способ набора был выгоден грамотным арабам — горожанам, которые фактически и заполнили корпус младших офицеров. Эти молодые офицеры, на которых не могло не сказаться влияние городских средних слоев, находились под неустанным наблюдением королевского двора и старших офицеров. Возможно, старшие офицеры, возглавившие путч, и были информированы о поднимавшемся в рядах младших офицеров недовольстве. Возможно, их как берберов волновала перспектива замены командного состава в следующих поколениях арабоязычными воспитанниками офицерских школ. Однако было бы неправильным искать причины политического кризиса именно в этом. Корень политической неустойчивости в Марокко 70-х годов, как и во многих других странах Азии и Африки, следует искать в социальной напряженности, связанной больше всего с недостаточной эффективностью и медленными темпами процесса деколонизации, а также с несоответствием «социальных сил задачам перестройки общественно-экономической структуры, что создавало почву для вмешательства армии в политику» [70, с. 13].

Заговор было задумано осуществить значительно раньше, а именно 14 мая. Предполагалось использовать некоторые вооруженные части (возможно, кадетов из школы Ахермуму), чтобы перехватить королевский кортеж на дороге из Феса в Аль-Хаджеб. Однако маршрут короля был неожиданно изменен в самый последний момент, и соответственно кортеж в засаду не попал. После этого был составлен план захвата короля, его брата принца Мулая Абдаллаха, всей правительственной элиты и ненавистных армейских офицеров на праздновании дня рождения короля, которому исполнилось сорок два года. Празднование, как всегда, должно было состояться в летнем дворце в Схирате. Генерал Медбух лично принимал участие в подготовке праздника в качестве директора королевского военного хозяйства. Он помог подготовить список приглашенных, в который вошло свыше тысячи марокканских и ино-

странных гостей. Он также был ответственным за организацию охраны.

Незащищенная летняя резиденция короля представляла собой не что иное, как длинный курортный дом в стороне от дороги, окруженный кустарником, с площадкой для гольфа. Вся элита могла быть захвачена здесь сразу, а в это время восставшие офицеры должны были овладеть столицей и региональными постами. План был прост настолько, что его творцы, сконцентрировав свое внимание на мелочах, не уделили должного внимания некоторым важным деталям. Так, участники заговора — генералы — договорились, что некоторые из них наденут на прием желтые рубашки, чтобы нападающие кадеты смогли их опознать. На всех это выглядело бы неестественно: на летнем приеме в присутствии тысячи гостей сотни военных — в желтом.

Заговорщики в тот день проявляли исключительную выдержку. Медбух утром играл с королем в гольф. Полковник Шелуати и другие накануне вечером давали торжественный прием.

Единственное вооруженное соединение, использованное для переворота, состояло из 1400 кадетов (курсантов) школы в Ахермуму. Их возраст колебался между 18 и 20 годами. Регулярные части, бывшие в подчинении восставших офицеров, привлечены не были. Курсантов же надо было перебросить из Ахермуму, который находится в глубине гор Среднего Атласа, и не вызвать при этом подозрения короля.

Генерал Медбух позаботился о выдаче разрешения на передвижение курсантов 10 июля из Ахермуму в Бен Слиман (по дороге в Марракеш, где у курсантов были назначены маневры). Маршрут пролегал из Мекнеса в Рабат по побережью в Касабланку, а затем на Бен Слиман. Дворец в Схирате был расположен у прибрежной дороги из Рабата в Касабланку. Так как речь шла о маневрах, курсантам были выданы ружья, пулеметы и реактивные противотанковые гранатометы. Автомобильная колонна, которая рано утром 10 июля вышла из Ахермуму под командованием подполковника Абабу, прошла через два военных округа, которыми командовали участвовавшие в заговоре офицеры, и подошла к Схирату. Колонна остановилась недалеко от резиденции короля. В это время генерал Медбух, по-

кинув прием, прибыл к месту остановки автоколонны и объяснил Абабу и его подчиненным, что жизнь короля в Схирате в опасности и что курсанты должны прийти к нему на помощь.

Прибыв в Схират, курсанты двинулись во дворец двумя группами: одна шла фронтом с шоссе, а другая — с побережья. Кадеты получили приказ не убивать никого, кроме некоторых определенных армейских офицеров. Однако, встретив сопротивление, они открыли огонь. Находившиеся на площадке для гольфа были сражены пулями. Часть раненых устремилась во дворец, началась паника. Сотни гостей кинулись к своим машинам, некоторые выбрасывались из окон на пляж, где были встречены огнем курсантов, наступавших с побережья.

Во дворце повстанцы собирали по комнатам охваченных паникой гостей. Король, как только началась атака, вместе с премьер-министром Ахмедом Лараки, генеральным директором королевского кабинета Дрисом Слауи, министром внутренних дел генералом Уфкиром и другими сановниками засел в бункере. Как следует из его рассказа после разгрома заговора, генерал Медбух пытался вступить с ним в переговоры.

Пока король находился в бункере, было произведено несколько запланированных казней. Приговоренные офицеры вызывались по списку. После того как были названы и казнены генералы Гарбауи, Нмиши и Абдельхай, другие на свои имена не откликались. Может, поэтому и остался в живых генерал Дрис Бен Омар. Неизвестно, называлось ли имя генерала Уфкира.

Когда был тяжело ранен Медбух¹², скончавшийся затем от потери крови, восставшие остались без руководства. Абабу, решив присоединиться к другим генералам, отправился в Рабат¹³, оставив короля и резиденцию в руках кадетов. В это время значительную роль сыграл Уфкир. Он сумел побеседовать отдельно со всеми лидерами кадетов. После этого король был выведен из бункера и препровожден туда, где находились все остальные задержанные. Здесь он стоял с закинутыми за голову руками, как и все. Вскоре, однако, к нему подошел кадет и грубо приказал следовать за ним. Король был уверен, что идет на казнь. Но, пройдя немного, кадет остановился и принял стойку «смирно». Король, проявив присутствие духа, сразу понял, что

ситуация изменилась. Он посмотрел на кадета и командовал: «Вольно!» Кадет поцеловал королю руку, и Хасан II отправил его за другими кадетами. Вскоре короля уже окружала небольшая группа курсантов, которые скандировали: «Да здравствует король!» Хасан II прочел с ними аль-Фатиху (первую суру Корана). Затем он наделил особыми полномочиями генерала Уфкира. Обнаружилось, что руководители заговора забыли перерезать провод телефонной связи со Схиратом, и это также помогло королю в организации сопротивления заговору [186, с. 412].

В Схирате был учрежден временный штаб, были разработаны планы по возврату здания радио и министерства внутренних дел в Рабате, захваченных повстанцами. Генеральный штаб находился в руках подполковника Абабу. Генерал Бухали выехал в Рабат для руководства операциями против мятежников. Он заявил Абабу, что переворот обречен на провал и что он окружен. Однако Абабу пытался склонить Бухали присоединиться к восставшим. В ответ Бухали расстрелял Абабу из автомата, после чего сам тут же был убит людьми Абабу. Другие главные руководители восстания уже оставили Рабат, чтобы вернуться на места своей службы и объявить о поддержке нового режима. Так, генерал Бугрин оставил Мекнес и пытался вылететь в Фес, но аэропорт не дал ему разрешения на посадку. Он вылетел обратно в Мекнес и здесь был арестован младшими офицерами, которые оставались верными королю. Генерал Хабиби, вернувшись в Схират, неожиданно для себя нашел короля приказывающим. Хабиби попытался скрыть, куда и зачем ехал, и сказал королю, что остановился на пути в Марракеш, чтобы объединить людей для защиты режима. Король разрешил ему продолжать поездку, но затем отдал приказ о его аресте по прибытии в Марракеш. Таким образом восстание было обезглавлено, после чего кадетов перебросили в Рабат.

После смерти Бухали генерал Уфкир взял на себя непосредственное командование действиями по подавлению восстания, для чего использовал парашютистов и соединение легкой передвижной охраны. Ни восставшие, ни верные трону офицеры не смогли использовать части регулярной армии. Армия занимала выжидательную позицию в течение всего дня 10 июля. Никто

из гражданских, как и военных, не бросился защищать ни короля, ни восставших. Лишь несколько студентов вышло на улицу, чтобы объявить о своей поддержке восставших. «Марокканское население следило за кровавой игрой, достигшей апогея, без каких-либо эмоций», — отмечает Уотербэри [186, с. 412].

Операции по прочесыванию проходили весь день и ночь с 10 на 11 июля. Сторонникам королевского режима хотя и с трудом, но все же удалось овладеть радиостанцией — после окружения большинства восставших кадетов, многие из которых (около 600) погибли.

На своей пресс-конференции 11 июля Хасан II объявил, что чрезвычайный трибунал, собравшийся в Схирате сразу после провала заговора, вынес решение о казни офицеров. В тот же день король присутствовал на церемонии похорон жертв переворота.

Спустя два дня приговоренных к смерти офицеров привезли на пустынное поле к югу от Рабата. Их привязали к одиннадцати столбам. Солдаты сорвали с них знаки различия. Глаза им не завязали. Расстреливавшая команда дала по ним несколько залпов. После этого солдаты бросились вперед и проткнули тела штыками. Подъехавшие бульдозеры столкнули тела в открытую траншею. На них был вылит щелок, и по траншее прошелся бульдозер. Никаких следов не было оставлено на этой общей могиле. Через несколько недель в местной печати было лишь упомянуто о «событиях» в Схирате.

Король разрешил семьям осужденных послать своих представителей для наблюдения за казнью. На ней присутствовало и все правительство, а король наблюдал за ее ходом в бинокль.

После казни был опубликован перечень доходов, добытых руководителями путча нечестным путем. Целью этой акции было показать, что восставшими двигали вовсе не благородные мотивы, что вся болтовня относительно коррупции — именно болтовня.

Судя по составу лидеров путча, верхушка армии предала короля, и король не мог знать, были ли остальные его офицеры такими же преданными ему, как те, что погибли за него 10 июля. Высшая гражданская элита разложилась и доказала свою несостоятельность в течение предшествующих заговору месяцев. Политические партии, ослабленные действиями королевского

двора, не улучшили своего отношения к режиму. Широкие массы населения были деполитизированы и в лучшем случае проявляли равнодушие. При таком положении на политическую авансцену выдвинулся единственный деятель, на которого, казалось, дворцовые круги могли положиться. Это был генерал Уфкир¹⁴.

Однако после 10 июля поведение Уфкира резко изменилось. Он стал требовать от короля принятия мер по борьбе с коррупцией, проведения реформ в целях подъема экономики страны. В случае отказа короля Уфкир грозил покончить с собой, поскольку не хотел быть «свидетелем второго Схирата».

Король решил сформировать новое правительство, которое должно было заняться разработкой программы национальной реформы. Того, что генерал Медбух пытался сделать путем заключения короля, Уфкир добился лишь угрозой покончить жизнь самоубийством: в результате — Медбух был мертв, а Уфкир стал министром обороны в новом правительстве¹⁵.

Однако гражданская и военная верхушка, почувствовав слабость позиции королевского двора, после путча перестала его безоговорочно поддерживать. Изменение отношения знати к королю после событий в Схирате остро проявилось в период, когда Хасан II решил сформировать новое правительство. Консультации продолжались весь август, так как многие видные деятели отказывались от предлагаемых им постов.

Тогда король, желая покончить с оппозицией элиты, решил ее припугнуть и сам выступил с критикой ее корыстолюбия. В своей речи 4 августа 1971 г. он осудил социальное неравенство: «Мы часто говорим о том, что наша социально-экономическая политика направлена на обогащение бедных без разорения богатых. К сожалению, мы поняли, что бедные не стали богатыми, а богатые увеличили свои богатства. Таким образом, разрыв между двумя категориями лишь увеличился. Такое положение недопустимо в такой стране, как Марокко, благословенной богом, в которой Коран является настоящей конституцией. Коран учит равенству и справедливости. Новое правительство должно посвятить себя установлению равного распределения национального дохода»¹⁶ [207, 04.08.1971].

Новое правительство возглавил Карим Ламрани, в обязанность которому вменялись проведение реформ

в области управления, образования, экономики и борьба против коррупции. Новому правительству было дано 18 месяцев для выработки новой политики в области образования, экономического развития, административной реформы, борьбы с коррупцией и правосудия. Став премьер-министром, Карим Ламрани особое внимание стал уделять вопросам экономического развития.

Чтобы противостоять армии, король нуждался в поддержке политических партий, пусть обескровленных и разобщенных. В то время как Карим Ламрани занимался текущими делами, король и Ахмед Осман вели переговоры с представителями политических партий. Однако даже люди, которые в прошлом всегда верно служили трону (такие, как Ахмед Реда Гедира и Хатиб), отвечали отказом. В публичных заявлениях короля ударение делалось на его решимость продвинуть страну вперед. «Если мы пожелаем вооружиться уверенностью и доказать наше чувство справедливости, то мы, вне всяких сомнений, выиграем великую победу для всех поколений, которые придут после нас» [186, с. 416]. Так Хасан II обратился к своему совету министров.

Однако все действия короля были встречены скептически как теми, кого он хотел объединить с правительством, так и лидерами политических партий. Партия «Истикляль» заявила, например, что проблемы Марокко могут быть решены только путем выборов действительно представительного парламента и путем пересмотра конституции, которая должна передать власть парламенту и совету министров.

Чтобы облегчить вступление кандидатов на правительственные посты, король сделал все возможное, чтобы суд над членами НСНС в Марракеше вынес не очень суровые приговоры. Приговоренные к смертной казни впоследствии были помилованы.

Что касается офицерского корпуса, то для чистки армии потребовалось заменить почти целиком младших офицеров. Жестокая расправа с восставшими офицерами вызвала недовольство в армии. Многие из казненных были очень популярны, и их казнь породила ненависть к королю в военных кругах, а также в семьях и племенах, к которым принадлежали повстанцы.

В заключение следует сказать, что путч в Схирате

явился кульминационным пунктом десятилетия, в течение которого дворцовые политики заменяли партии и идеологических лидеров. Марокко вернулось к тому, что внешне напоминало старую систему махзана, или султанскую систему, которая существовала до 1912 г. Клань элиты больше состязалась в приобретении государственных должностей и защите своих интересов, чем в осуществлении программ своих партий. В 1971 г. на угрозу со стороны армии король реагировал так же, как и все марокканские султаны: любая угроза личности монарха должна быть встречена со всей суровостью и общественным унижением.

Многие западные авторы (А. Корам, О. Марэ и др.) считают, что во время неудавшегося переворота не было берберского единодушия, поскольку характер действий, мнения и интересы у восставшего генерала Медбуха, у Уфкира или Ахардана были различными. Эти различия стали наиболее заметными на протяжении последних десяти лет. Однако вызывает сомнение утверждение названных и других авторов о том, что якобы не было достаточно достоверных доказательств, позволяющих судить об интересах и планах заговорщиков. В этом отношении показательно предположение Дж. Уотербэри: «Какими мотивами руководствовалась кучка высших офицеров, принимая решение взять дела в свои руки? Так как все те, кто официально был признан участником переворота, сегодня мертвы, то можно лишь сделать предположение о том, что их толкнуло на такие действия» [186, с. 401].

О том, что определенная берберская солидарность сыграла свою роль в схиратских событиях, свидетельствует тот факт, что генерал Уфкир не был убит в день путча, хотя для этого было много возможностей. Известны самые близкие связи Уфкира с Шелуати. Также и Махджуб Ахардан, нынешний лидер партии «Народное движение», возможно, обязан своей жизнью тому, что он бербер.

Неудавшийся переворот наложил свой отпечаток на берберскую среду в армии, в гражданской администрации, в селе. Миф о лояльности, избирательном сродстве и солидарности между берберами и монархией рушился, возникало скрытое недоверие. Ряд молодых офицеров арабского происхождения получили командные посты, ими были заполнены пустые места, образовав-

шиеся из-за потерь вследствие неудавшегося переворота. А берберы после путча как бы все оказались под подозрением¹⁷.

Несмотря на то что берберы перестали быть привилегированными союзниками монархии, они продолжали сохранять важные позиции в стране и в правительстве, которое требовало уважения к ним¹⁸. Осужденные или утратившие доверие монарха берберы — представители элиты — заняли выжидательно-наблюдательную позицию.

После июльских событий 1971 г. Хасан II стал уже сомневаться в том, что ему удастся, как и раньше, маневрировать между различными течениями оппозиции, которой по-прежнему руководили А. Буабид, Алляль аль-Фаси, М. Бен Седдик и А. Ибрахим. Зима 1972 г. ознаменовалась демонстрациями и забастовками студентов, которые положили начало новому проявлению недовольства. Хасан II опубликовал конституцию¹⁹ и назначил дату референдума, не предупредив об этом партии, с которыми вел переговоры. Представители партий приняли участие в референдуме. 1 марта 1972 г. конституция была принята подавляющим большинством голосов.

Правительство Ламрани ушло в отставку, и снова возобновились переговоры с политическими партиями по поводу создания временного правительства, которое должно было подготовить парламентские выборы²⁰. На предпоследнем заседании переговоров руководители политических партий потребовали, чтобы основные принципы конституции²¹, принятой 22 июля 1970 г., легли в основу правительственной программы. Это требование явилось поводом к тому, чтобы переговоры были прерваны. Карим Ламрани снова получил портфель премьер-министра и сформировал новое правительство²².

30 июля 1972 г. по инициативе руководителей НСНС в Рабате собралась административная комиссия, принявшая решение о роспуске постоянного секретариата, созданного в 1967 г., и созыве Национального конгресса. Буабид согласился уйти в отставку. Абдаллах Ибрахим, выступив от имени руководства НСНС, заявил, что так называемые партийные работники стремятся к власти, и осудил их «прогрессизм».

В самый разгар распрей в наиболее опасной для

него оппозиционной партии король, более чем когда-либо уверенный в нерушимости своей власти, улетел отдыхать во Францию. Политические распри продолжались и по его возвращении. Хасан II чудом избежал воздушной катастрофы и остался невредим, когда его самолет пытались сбить офицеры военно-воздушных сил, подстрекаемые Уфкиром²³ [207, 05.08.1972].

Как и в Схирате, новый заговор был организован и осуществлен небольшой группой (всего 22 пилота эскадрильи самолетов Ф-5 в Кенитре и подполковник Амокран, их бывший командир, ставший затем заместителем полковника Хасана Лиуси, командующего военно-воздушными силами²⁴). После нападения на самолет короля на место Лиуси был назначен Кабайя — пилот, которому каким-то чудом удалось посадить королевский поврежденный при обстреле «Боинг».

В октябре 1972 г. 210 пилотов и военных, служивших на воздушной базе в Кенитре, были отданы под суд. 14 из них, в том числе Амокран и Куера, были приговорены к высшей мере наказания²⁵, 177 оправданы, остальные осуждены на различные сроки тюремного заключения (от 3 до 20 лет)²⁶.

Король счел теперь нужным укрепить свои отношения с гражданскими деятелями и начал привлекать в правительство представителей оппозиции. Во время попытки государственного переворота в июле 1971 г. отношения королевского двора с оппозицией были обострены. Двор обвинил НСНС в участии в заговоре, ссылаясь на существование контактов между членами партии и Амокраном. Изменив свое отношение к оппозиции, король предложил выделить от каждой партии по два представителя для включения их в состав правительства в качестве министров без портфеля. На это правительство, как говорилось, возлагалась задача подготовки парламентских выборов²⁷ [207, 25.08.1972].

Такое положение продолжало сохраняться в стране, и осенью 1972 г. Хасан II лично беседовал с руководителями всех партий, в том числе и с Али Ятой, с целью создать «правительство национального единства». Карим Ламрани снова ушел в отставку, и в ноябре на его место пришел Ахмед Осман. Было создано новое правительство, которое должно было подготовить реформы. Партиям снова было предложено представить своих кандидатов.

Нельзя сказать, чтобы королевский режим и его глава достигли своей цели. Но нельзя также считать, что в Марокко существует какая-либо организованная и достаточно авторитетная сила, способная противостоять трону. Армия была хорошо организована для того, чтобы бороться с режимом, но не была едина в своем отношении к нему, не имела прочных связей с политическими силами страны и четкой идеологической ориентации. К тому же ни генералитет, ни офицерство, ни армия в целом не обладали необходимым социальным престижем и политическим авторитетом.

Многие зарубежные авторы единодушно утверждают, что в Марокко, по крайней мере в настоящее время, не существует серьезной «берберской проблемы». Они считают, что в Северной Африке нет «национальной солидарности» в магрибинском понимании национальной тождественности. В Тунисе²⁸ бербероязычное меньшинство составляет около одного процента, но существует сильное чувство национальной тождественности, что не мешает наличию местного и регионального патриотизма. Уильям Квондт сообщает: «Встречаются лишь очень разобщенные островки бербероязычных людей, с различными диалектами и не имеющих письменности, которые исповедуют одну и ту же религию. Они поднялись до более высокой культуры, чем арабо-мусульманская или французская, а многие частично арабизированы или офранцузены» [172а, с. 286].

Арабы и берберы отличаются друг от друга многими характерными особенностями помимо языка и обычаев. Кроме этнических существуют также различия между городскими жителями, оседлыми крестьянами и кочевниками, различия классовые, образовательные и профессиональные. В наши дни они имеют еще большее значение.

Многие историки приходят к выводу, что опыт прошлых веков не свидетельствует о наличии глубокого антагонизма между двумя этническими группами, поскольку ни одна центральная политическая система, арабская или берберская, не пыталась навязать свою власть другой группе²⁹. По их мнению, берберские островки в основном были автономными при номинальном правлении султана в Марокко, как и при правлении турок в Алжире.

После установления французского протектората тре-

ния между двумя этническими группами стали усиливаться, а противоречия между ними расти. Французская администрация пыталась внедрить в Марокко понятие о берберском сепаратизме и заявляла, что мусульманская религия не является достаточным доказательством тождественности берберов и арабов. После провозглашения независимости в 1956 г. некоторые политические лидеры также пытались сыграть на исковых чувствах берберов и восстановить их против центрального правительства. Однако участники таких выступлений ставили целью лишь признание их этнической самобытности и меньше всего требовали предоставления независимости или автономии.

В некоторых районах Магриба, например в Рифе, горах Атласа и Ауресе, модернизация в незначительной степени проникла в традиционное общество. В таких районах, как Кабилия и Мзаб, в результате миграции мужского населения в алжирские города, а затем во Францию появился необходимый дополнительный доход, который позволил сохраниться традиционному образу жизни.

Традиционная организация деревни сохранилась наряду с административным устройством, установленным французами. Еще в 1953 г. в Марокко кандидаты на муниципальные выборы избирались фракциями деревень. Одновременно с официальной администрацией продолжала существовать неофициальная — *джамаа*, имеющая свои фонды и своих агентов. *Джамаа* имели большую власть и уважали традиции (*канун*)³⁰.

Раздробленное этнически общество мешало развитию чувства национальной солидарности. Так было, пока не начались первые бои за освобождение. Организованное сопротивление иностранной оккупации, ограниченное рамками выступлений племен, было недолговечно. И если оно продлилось в Марокко более 20 лет (с 1912 по 1934 г., не считая годы до установления протектората), то лишь потому, что в ряде случаев племенам удавалось объединиться и преодолеть свою разобщенность (как это имело место в лучшие времена Республики Риф).

Однако интересы антиколониальной борьбы властно диктовали необходимость национального сплочения, ломки всяких региональных, этнических и прочих барьеров между теми, кто хотел возродить суверенитет ма-

рокканского государства. Поэтому-то берберы в городах выступали вместе с арабоязычным населением против режима протектората под единым флагом марокканского национализма и ислама. Кроме того, потребности экономической и общественной жизни ускоряли арабизацию берберов-горожан.

Именно в городах, а также на крупных промышленных предприятиях, шахтах и стройках в процессе совместного труда и совместных выступлений против колонизаторов и эксплуататоров выковывалось национальное единство и национальное сознание марокканцев. Однако горные районы в основном оставались этим процессом не затронутыми или слабо затронутыми, что и создавало почву для берберского регионализма, партикуляризма и даже сепаратизма, который пытались использовать в своих целях власти протектората.

В условиях независимого Марокко продолжение традиционной политики колонизаторов «разделяй и властвуй» путем завоевания поддержки видных деятелей племен, главным образом берберов, как противовеса партии «Истикляль», где преобладали буржуа *фаси*, объективно тормозило процесс формирования единой марокканской нации. Впрочем, также вредило этому процессу нигилистическое отрицание самобытности берберов, их культурного вклада и роли в истории Марокко.

Сама возможность такой политики частично являлась отражением этнической пестроты марокканского общества. Она также отражала традиционный стиль руководства, основанный на системе «покровительства и осторожном поиске поддержки» в сельских местностях, хотя монархия сделала очень немного для модернизации сельских районов и улучшения условий жизни крестьян и кочевников.

В Марокко берберскую родо-племенную знать использовали в качестве феодальных вассалов и охранников политической системы, внутри которой они удерживали значительную часть высших политических постов. Берберы преобладали в армии, представляющей собой главную поддержку режима, были широко представлены в политической элите и высшей бюрократии.

С другой стороны, партия «Истикляль», «придя к власти на общедемократической волне национализма и отражая в своей деятельности в области политики про-

грессивные стороны этого течения, не смогла выработать свою „берберскую политику“, так как ее лидеры продолжали, по существу, руководствоваться старыми принципами, использовали лозунги в основном националистического характера, часто не отдавая себе ясно-го отчета в том, что в развитии национально-освободительного движения наступил новый этап, который требует нового осмысления, новой политики и новых лозунгов» [48, с. 358].

Среди марокканских представителей элиты с западным образованием, особенно студентов университетов, проблема этнического происхождения, казалось бы, играла лишь незначительную роль, так как обычно франкоязычная интеллигенция современного толка противопоставляла себя традиционной арабоязычной интеллигенции, в значительной степени феодально-клерикальной по своему характеру. Тем не менее и этой прослойке марокканского общества были свойственны межэтнические противоречия, ибо взаимоотношения арабоязычных и бербероязычных марокканцев определяются прежде всего внутриэлитными конфликтами, к числу которых относится и этническая проблема. Вместе с тем, когда главные социально-экономические проблемы развития Марокко остаются нерешенными, «по-прежнему политически остро стоит задача демократизации общественной жизни» [82, с. 37]. Решение всех социальных проблем, к числу которых принадлежат и этнические, невозможно без этого.

Проблема берберского партикуляризма на современном этапе

В годы протектората французам удалось в определенной степени противопоставить берберов арабскому населению Марокко, что ощущается до настоящего времени. Кроме того, в период протектората французская администрация смогла изолировать основную часть берберов (в основном живших племенами в горных и пустынных районах) от активной политической жизни. Лишь немногим берберам удалось стать видными политическими и государственными деятелями. Среди них были М. Ахардан — лидер партии «Народное движение», Ади-у-Бихи — губернатор Тафилалета, Лахсен Лиуси — министр внутренних дел в первом правитель-

стве независимого Марокко, министры М. Гадли, А. Земмури, Х. Энниер [185, с. 143].

Представители нового поколения сельской берберской знати, став крупными собственниками земли, в независимом Марокко играют все более заметную роль в общественно-политической и экономической жизни страны. Значительная часть государственных чиновников и служащих министерства внутренних дел, юстиции, национального образования, большая часть офицерского корпуса в армии — берберы. Примерно три четверти всех местных административных кадров страны составляют выпускники берберского коллежа Азру [194, с. 359—360]³¹.

Характерно, что в глазах представителей марокканского сельского населения политические партии, профсоюзы и другие массовые организации до сих пор — не что иное, как формальные объединения людей, стремящихся к достижению благосклонности центральной администрации и к материальному благополучию, получению высоких должностей и т. п. Если такие организации не могут дать им ожидаемого, они, как правило, сразу теряют к ним интерес. Поэтому до последнего времени для оппозиционных прогрессивных партий в сельскохозяйственных районах реальная база для работы в массах была очень узкой.

В настоящее время, как правило, любой политический деятель или административный служащий берберского происхождения постоянно подчеркивает, что он — бербер. Они постоянно стремятся к берберскому окружению, ведя подчас скрытую борьбу с *фаси* за сферы влияния. Это особенно характерно для офицеров армии. Берберы считают, что армия была и остается не только вооруженной силой, но при известных обстоятельствах и политической. В этом смысле нельзя недооценивать берберскую партию «Народное движение», которую нередко считают лишь кучкой берберских лидеров. При этом забывают, что почти каждое берберское племя — это не только политическая, но и военизированная ячейка партии (см. [168]).

Берберские лидеры, по мнению западных авторов и наблюдателей, как правило, резки и решительны в своих действиях, но принимают иногда непоследовательные и противоречивые решения, впадая то в либерализм, то в консерватизм [187, с. 277].

В настоящее время представители двух групп — *фаси* и берберской знати — составляют верхушку марокканского общества. Их численность не превышает 1100—1200 человек³². Из них 120—150 человек — высшие офицеры, 450—500 — управленческий аппарат министерства внутренних дел, около 300 — работники других министерств и ведомств, 130—150 — политические и профсоюзные деятели, около 100 — представители финансово-экономических и торговых кругов и чуть меньше 100 — региональные деятели [185, с. 387].

Берберская верхушка весьма компактна, ее численный состав возрастает очень незначительно, что в целом облегчает ее лидерам усилия, которые необходимо прилагать для сохранения существующей расстановки сил среди ее представителей.

Таким образом, взаимоотношения между представителями высших слоев марокканского общества во многом определяются чувством принадлежности к той или иной группе, в каждой из которых есть свои лидеры. Они определяют во многом политическую направленность вне зависимости от партийной принадлежности. Эта последняя зачастую рассматривается как чисто формальная, мало к чему обязывающая характеристика. Вернее, партийная принадлежность обычно зависит от этнической и клановой (не говоря уже о классовой) принадлежности и, как правило, диктуется ею.

Этим умело пользуется правительство, которое в состоянии, опираясь на отдельных лиц, придать в случае необходимости ту или иную ориентацию большинству политических партий.

В этом смысле характерно заявление лидера партии «Народное движение» М. Ахардана: «Мы все члены одной большой семьи, нас, быть может, всего 200.

Одни объявляют себя прогрессистами, другие истиклялистами, третьи социалистами, четвертые монархистами. Но мы лично знаем друг друга, и не надо всерьез принимать наши официальные ярлыки. Сегодня нам необходима помощь США, вот почему у власти монархисты. Но если наши отношения с Францией будут продолжаться, а США откажутся помогать, мы сформируем правительство социалистов и поступимся в дверь России или Китая» [185, с. 144—145].

Оценивая в целом особенности социальной структуры Марокко, можно сделать вывод, что разграничения между этническими группами страны не отражают реальных границ, разделяющих экономические, политические и другие интересы общества в целом. «Грани их экономического противоборства не всегда пролегают по линии национально-этнического конфликта» [78, с. 195].

По справедливому замечанию советского арабиста В. Гусарова, субъективный фактор в значительной мере определяет выбор арабскими странами дальнейших путей своего развития, «их внешне- и внутривнутриполитические программы» [42, с. 17]. И действительно, внутриполитическая деятельность короля Марокко Хасана II во многом способствовала формированию существующей социально-политической структуры современного марокканского общества. Его считают «теоретиком будущего марокканского общества». Теории Хасана II об «эгалитаризме» и «социалистическом исламизме» не только подхвачены целым рядом буржуазных политических партий, но и в целом являются одним из практических направлений в деятельности государственного аппарата страны. Цель одна — в условиях все более развивающегося капиталистического уклада с его антагонистическими противоречиями сохранять любой ценой монархический режим в стране, придавая ему функции арбитра между классами, партиями, кланами, этническими и социальными группами. Вместе с тем события и факты, рассмотренные нами, свидетельствуют о крахе иллюзий насчет возможности мирного сожительства и равенства наций или этнических групп при капитализме.

Начало новой политической линии было положено Мухаммедом V с момента получения независимости. Если в ходе борьбы за независимость король в основном опирался на партию «Истикляль», то после достижения независимости он отошел от нее. Однопартийная система представляла угрозу королевскому режиму. Король решил стать «над политическими распрями» и играть своеобразную роль «арбитра». Для этого нужно было создать в стране такие партии, которые смогли бы соперничать с «Истикляль», придать определенную структуру до сих пор скрытым силам и в целом взять под контроль пути социально-политического

развития страны, играя на партийных противоречиях [211, 1979, № 13, с. 48].

Достижение политической независимости марокканским народом поставило страну на рубеж нового этапа ее истории — этапа преобразования национальной экономики и социального обновления марокканского общества. После получения независимости Марокко постепенно пошло дальше по капиталистическому пути. При этом развитие национального капитализма идет в этой стране параллельно с постепенным ослаблением и разложением патриархально-общинного строя у племен и феодального уклада в более развитых районах. Однако сохранение и даже усиление зависимости Марокко от иностранного капитала тормозит эти прогрессивные процессы. Империалисты заинтересованы в консервации отсталости и несамостоятельности Марокко. Отсюда их поддержка феодалов и племенных вождей, поддержка опирающегося на эти ретроградные силы крупного чиновничества, поощрение коррупции бюрократии, феодально-буржуазной в своей основе.

В современном Марокко, как и во многих освободившихся странах, как отмечалось на Международном Совещании коммунистических и рабочих партий, происходит сложный процесс размежевания классовых сил, нарастает классовая борьба (см. [10, с. 61]). Только в 1978 г. в забастовках участвовало около 0,5 млн. рабочих, ремесленников, студентов Марокко. Они не только выступали за улучшение своих экономических условий, но выдвигали политические требования. Так, например, в феврале 1979 г. была проведена демонстрация протеста против пребывания шаха Ирана Мухаммеда Реза Пехлеви в Марокко [213, 13.02.1979; 217, 21.02.1979; 212, 23.02.1979].

Что касается этносоциальной проблемы берберов в узком смысле, то она в Марокко вплоть до настоящего времени не приобрела острых и открытых форм, за исключением отдельных вооруженных выступлений берберских племен в ряде горных районов страны в 60-е годы, которые не приняли широких масштабов. Однако следует отметить, что сейчас эта проблема оказывает все возрастающее влияние на внутривосточную и социальную жизнь страны, и ее значение, как отмечает газета «Марок Суар», может резко возрасти в ближайшие годы [206, 28.02.1979]. Королевский двор, чув-

ствуя это, предпринял в самые последние годы кое-какие шаги, направленные на завоевание доверия берберов: демонстрируется внешнее уважение языка, культуры и обычаев берберов, предпринята попытка издания журнала «Тамазигт» на берберском языке (но на арабской графике).

Характерно также и то, что в последние годы западные державы, прежде всего США и Франция, стремящиеся сохранить и расширить свои позиции в Магрибе, стали уделять ему самое пристальное внимание и пытаются привлечь на свою сторону берберских партикуляристов. Об этом свидетельствуют резко возросшее в этих странах число публикаций по вопросу о берберях Магриба, а также установление их представителями прямых контактов с деятелями берберского движения в целях оказания им моральной и материальной помощи.

Итак, завоевание Марокко государственной независимости и объединение почти всей территории страны создали предпосылки для формирования и консолидации нации в этом арабском государстве. Значительное участие в этом процессе принимают берберы. Но, как писал один из долго наблюдавших жизнь Марокко очевидцев, «называя себя нацией, марокканцы имеют в виду прежде всего общность исторических судеб и принадлежность к одному государству. Что же касается процесса укрепления общности языка, экономики и культуры, то он еще далек от своего завершения. Понятие „марокканец“ вошло в обиход главным образом у жителей промышленных центров, где капитализм обосновался сравнительно давно и поэтому успел переплавить в своем горниле разноплеменные и разнохарактерные по своим культурным традициям, обычаям, психическому складу и языку элементы в относительно однородную массу, подчиненную законам буржуазных производственных отношений, то есть того базиса, на котором возникает нация» [39, с. 35].

Поэтому параллельно процессу складывания единой марокканской нации на арабоязычной основе, но при участии всех жителей Марокко имело место в стране и другое явление: отстаивание берберами, сохранившими свой язык, обычаи и специфику общественной жизни, своего права на самобытность, на уважение их стремления жить по-своему. Причем если для племен

это означало защиту их традиционного уклада и патриархального строя, то для знати — обеспечение ее феодальных прав и карьеры в госаппарате, а для буржуазии — создание лучших условий конкуренции с более мощной прослойкой *фаси*. Поэтому и сохранялась основа партикуляризма берберов.

Партикуляристское политическое течение и идеология в Марокко, где консолидируется или только формируется нация, хотя и выражены слабее, чем в других арабских странах, тем не менее «они существуют и время от времени дают о себе знать». К тому же «берберизм», или берберский партикуляризм, в Марокко имеет и еще одну сторону — консервативную реакцию на объективно развивающийся процесс образования устойчивой этнической общности всех арабоязычных марокканцев — как арабов по происхождению, так и берберов [46, т. 2, с. 265—266].

Как справедливо отмечает советский исследователь О. Каджая, «специфические условия развития освободившихся стран, выражающиеся в том, что огромную социальную базу освободительного движения составляют неграмотное крестьянство, мелкая городская и сельская буржуазия, в определенной мере порождали и порождают националистические предрассудки» [50, с. 19].

В условиях Марокко такие предрассудки тоже существуют, но в связи с незавершенностью и своеобразными условиями процесса формирования марокканской нации эти предрассудки более многообразны и многоплановы, нежели в других арабских странах. Объективно они зиждутся на сложной иерархии противоречий, понять которые можно лишь в комплексе и при определении главной характеристики каждого из них: национального, этнического, религиозного, социального, политического и т. д.³³ Есть противоречия национального характера (например, между всеми марокканцами и иностранцами, особенно из держав, немало населивших Марокко, т. е. Франции, Испании, США и т. п.), есть религиозные противоречия (между всеми марокканцами-мусульманами и небольшой группой местных жителей, исповедующих христианство или иудаизм). Нередко политика верхов, поощряющая националистические и исламистские настроения, вызвана стремлением объединить всех марокканцев (в подавляющем большинстве — мусульман), пресечь и подавить все

внутренние конфликты в их среде. Однако реализовать подобные стремления очень сложно ввиду как крайней живучести и внутримарокканских конфликтов, так и глубокой их взаимосвязи.

В самом деле, как явствует из всего вышеизложенного, берберский партикуляризм не существует сам по себе. Самое существенное отличие берберов от арабоязычных марокканцев — язык. Но использование берберами своего языка в сельской местности никаких препятствий не встречает. В городах же они сами пользуются арабским языком — на производстве, в государственных учреждениях, на рынке и т. д. Проблема, следовательно, не сводится к лингвистическому фактору. Более значительную роль играет фактор незнания большинством берберов арабского литературного языка вследствие низкого уровня грамотности. Но это в такой же степени относится и к арабоязычному населению, которое говорит на диалектах (преимущественно танжерском, рабатском и бедуинских говорах юга, включая Касабланку и Марракеш), не зная общеарабского литературного языка.

Проблема начинается с того момента, когда языковые, бытовые и прочие этнические различия используются в целях дискриминации, притеснения или ограничения социальных возможностей той или иной группы населения. Соперничество различных фракций феодальной знати за власть и влияние, конкуренция разных (в том числе по происхождению) групп буржуазии в экономической жизни, борьба и тех, и других за привилегии всякого рода, за близость ко двору и место в госаппарате — вот главная причина сохранения берберского партикуляризма, в большинстве случаев противопоставляющего себя арабскому этноцентризму *фаси*, шерифских семей и старой аристократии *махзана*. И в эту борьбу они стараются по возможности втянуть своих соплеменников и родственников, свои кланы и фракции, привнося привкус этнического противоборства и в экономику, и в политику, и в социальную сферу, и в область культуры.

Но этническое соперничество постепенно затухает. Это происходит не только вследствие политики правительства, в последние годы принимающего меры для укрепления национального единства как по внутриполитическим, так и по внешнеполитическим соображе-

ниям. Оно ослабляется, по крайней мере внешне, еще и потому, что процесс ухода сельского населения в города с последующей полной или частичной арабизацией берберов принял за последнее время огромные масштабы. В то же время возрастание гигантской массы городской бедноты и прочих социальных низов города относительно сельского населения, сохранившего племенной строй, начинает менять направление социальных процессов и основные акценты социальной борьбы в Марокко. Все больше и больше марокканцев оказывается в сфере действия капиталистических отношений и городской жизни, развивающейся в современном Марокко по буржуазным законам. Вследствие этого «феодализация» патриархальных отношений в наиболее консервативных районах расселения берберских племен (и соответствующая ломка или внутренняя эволюция племенного строя) обостряется, «подправляется», корректируется более быстрым и мощным развитием капиталистических отношений, вернее — распространением их законов на жизнь большинства марокканцев. А один из главных законов капитализма, в том числе и особенно на периферии капиталистического мира, заключается в расслоении общества на имущих и неимущих, в неумолимой поляризации социальных сил.

Различие между богатыми и бедными, между более и менее влиятельными, растет быстро и становится все разительней. Это и признал откровенно король Марокко Хасан II, выступая на открытии сессии парламента в октябре 1978 г.: «Я не буду скрывать от вас того факта, что, если мы будем и дальше идти тем же путем, мы придем к обществу, в котором бедные станут очень бедными, а богатые чрезмерно богатыми, и эта пропасть неизбежно перерастет в классовые противоречия такого масштаба, какого наша страна еще не знала» [199, 10.11.1978].

Стабильность настоящей политической системы страны постоянно подвергается испытанию. Недовольство, рост которого начинался еще в 1960—1961 гг. в результате обострения экономического и политического положения как в городах, так и в сельской местности, все в большей степени связано с попытками правящей (как арабской, так и берберской) элиты поддерживать равновесие любой ценой. Это достигалось контролем всех форм политической и экономи-

ческой организации в городских и сельских районах, сохранением фасада демократического участия путем проведения выборов, объявления новой конституции и т. д. Но все это становится все менее действенным, так как развитие капитализма объективно и неизбежно порождает дальнейшее расслоение марокканского общества, как городского, так и сельского (особенно в районах наиболее интенсивного внедрения капиталистических отношений), увеличивает и убыстряет обнищание громадной массы маргинализированных слоев, т. е. пауперов и люмпенов. Это и способствует перерастанию социальной напряженности, по цитированному уже выражению короля Хасана II, «в классовые противоречия такого масштаба, какого наша страна еще не знала».

Естественно, при таких обстоятельствах проблема берберского партикуляризма принимает иной характер. С одной стороны, демократически и прогрессивно настроенные марокканцы берберского происхождения выступают за сплочение всех трудовых классов и слоев марокканского народа, независимо от происхождения, за уважение прав, самобытности и специфики обычаев берберов в рамках общей демократизации общественной жизни, а с другой — феодальные и буржуазные элементы среди берберов заинтересованы в сохранении патриархально-клановых, родо-племенных и иных традиционных связей, дабы ценой раскола трудящихся по этническому признаку использовать их в интересах знати и буржуазии.

Заключение

Возникновение и рост берберского партикуляризма в Марокко вызваны прежде всего появлением берберской буржуазии (ее оплотом является район Суса — г. Агадир), которая, находясь в несколько ущемленном положении, стремится занять более сильные позиции в обществе и с этой целью пытается потеснить другие, традиционно сложившиеся в стране политические группировки арабского происхождения, в частности *фаси* (выходцев из г. Феса). Арабизацию берберских районов затрудняет то обстоятельство, что в географическом отношении они составляют единый массив, протянувшийся по всей стране с севера на юг, — от Рифа через Средний и Высокий Атлас до долины р. Сус. Район Суса исторически считают берберской «цитаделью» со своими развитыми социальными, культурными и политическими традициями.

Росту партикуляристских настроений среди берберов в значительной мере способствует и проводившийся до самого недавнего времени правящими кругами страны курс на безоговорочную арабизацию берберского населения.

При этом местные власти утверждают, что «берберский вопрос» в Марокко по своему характеру является «не национальным, а лингвистическим» и существует только в области формирования общенациональной культуры Марокко. В этом же плане рассматривают берберские проблемы и ведущие политические, в том числе и оппозиционные, партии страны, в частности Социалистический союз народных сил (ССНС).

Весьма характерно заявление основателя и бывшего лидера партии «Истикляль» («Независимость») Алляля аль-Фаси, сделанное им в 1974 г. французскому журналу «Франс-культюр», о том, что его партия признает существование в стране только одной нации, для которой характерны арабизм и исламизм. Что ка-

сается берберского языка, то, по мнению аль-Фаси, он может быть допущен только в частном порядке [200, ноябрь 1974].

Многие политические деятели Марокко считают, что марокканская культура по своему характеру является целиком и полностью арабской и в ней существуют только отдельные берберские аспекты, которые входят в эту единую и широкую культуру [201, 1976, № 3, с. 52; 208, 18.02.1978, с. 11].

Такая позиция вызывает раздражение и недовольство руководителей берберских партикуляристов, которые в настоящее время стремятся к созданию политических формирований на чисто берберской основе. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в партии «Народное движение», в которой и ранее преобладали берберские элементы, в настоящее время становится все более заметной тенденция к избавлению от арабов и превращению ее в чисто берберскую партию.

Позиция марокканских властей по этому вопросу целиком однозначна — ассимиляция и арабизация берберского населения страны. В 1977 г. губернатор Сиди-Касема в беседе с американским дипломатом, интересовавшимся, имеются ли в составе местной администрации лица, владеющие берберским языком (тамазигт), ответил, что это не язык, а жаргон, на котором говорят булочники и торговцы — выходцы из горных районов, «с которыми администрация не желает иметь контакты на каком-либо другом языке, кроме арабского» [204, 24.04.1977]. Декан филологического факультета Рабатского университета в книге «Проблемы образования Марокко», вышедшей в 1975 г., высказывался по этому вопросу более прямо и ясно: «Мероприятия по всеобщей арабизации должны преследовать цель не только вытеснения французского языка, но и уничтожения местных берберских диалектов» [22, с. 44].

Однако, несмотря на усилия властей, рост партикуляристских настроений среди берберов продолжался, и начиная с 1970 г. берберское движение приняло новые организационные формы. Этому в значительной мере способствовали как определенное падение в глазах населения страны авторитета правящих кругов, рост экономических и социальных противоречий в стране, так и усиленное разжигание настроений партикуляризма и этноцентризма со стороны ряда лидеров бер-

берберских племенных союзов, а также берберских феодалов и чиновников берберского происхождения. Очень важен также значительный удельный вес, который имеют берберы в стране (по различным данным, они составляют от 50 до 55% всего населения Марокко). Анализ событий после июля 1971 г. показывает, что, несмотря на жестокое подавление попытки государственного переворота, представители берберскими высшими офицерами, представители берберской родоплеменной верхушки и бюрократической буржуазии все еще продолжают играть большую роль в общественно-политической жизни современного Марокко.

Определенную роль играет также и то обстоятельство, что берберы составляют подавляющую часть эмигрантов (до 80%), выезжающих из Марокко на заработки в Западную Европу [25, № 29, 15.05]. Эти лица в течение длительного времени находятся в отрыве от своей традиционной, с сильными феодальными пережитками, среды, на чужбине и инстинктивно стремятся к созданию своих землячеств, носящих уже не племенной, а общerberберский характер. На них активно влияют буржуазно-демократические (и не только) партии западноевропейских стран. По возвращении члены этих землячеств стремятся перенести свою деятельность из Западной Европы в Марокко.

Указанные причины привели к заметному усилению берберского партикуляристского движения, активизации старых берберских организаций типа партии «Народное движение» и возникновению новых, в том числе нелегальных (например, «Берберский фронт»), в своей деятельности проводящих более резко выраженный этноцентристский курс.

Следует отметить, что новые берберские организации такого рода создаются, как правило, представителями берберской интеллигенции и буржуазии, а не племенными вождями, как это было ранее. Таков, например, «Берберский фронт», возглавляемый А. Буккусом, М. Меззином и М. Удадесом, которые работают в сфере высшего образования. Фронт ставит основной своей целью пробудить «самосознание» берберов, обеспечить их культурное, социальное и политическое «возрождение» и не допустить арабизации берберских районов путем распространения берберского языка в школах, увеличения публикаций на этом языке и утверждения

его в качестве официального языка страны. Наряду с этим организация стремится объединить все берберские партии и группы в Марокко в единую политическую организацию и таким образом преодолеть раскол берберов на три основные региональные группировки (*шлех* — *суси*, *брабер* — *имазиген* и *рифай*). Несмотря на то что деятельность «Берберского фронта» преследуется марокканскими властями, эта организация сумела расширить свои ряды и в настоящее время располагает сторонниками в государственном аппарате и в армии. Несмотря на чистки, проведенные в армии, прежде всего в офицерском корпусе, после антикоролевских заговоров в 1971—1972 гг., удельный вес берберов в ней по-прежнему значителен, что в сочетании с оппозиционными настроениями в их среде превращает их в силу, опасную для существующего режима.

Один из органов левых сил — журнал «Аль-Асас» — в начале декабря 1978 г. в статье, посвященной усложнению внутривнутриполитического положения в стране, прямо указывал, что берберские офицеры в армии создают опасность для правящего режима, который питает большое недоверие к берберам, учитывая их многочисленность в армии и растущие оппозиционные настроения [211, 1978, № 7—8, с. 44—45].

Развитию берберского партикуляризма в Марокко способствует и то внимание, которое уделяют ему ведущие империалистические державы Запада. В настоящее время язык, культура, экономические и социальные аспекты жизни берберов составляют предмет пристального изучения в университетах Калифорнии, Мичигана и Вирджинии (США), во французском Институте современных живых восточных языков, в Практической школе высших исследований (IV секция), в Парижском университете, а также в других западноевропейских странах. Особое внимание обращает на себя тот факт, что отдельные американские дипломаты, сотрудники «Корпуса Мира» и других учреждений США в Марокко активно изучают берберский язык, стремятся установить контакты с берберскими лидерами, совершают «туристические» поездки по берберским районам. Американское посольство в Рабате ежегодно отправляет в США на учебу группу молодых марокканцев по специальной рекомендации Ахардана и других берберских лидеров.

По оценкам американских и французских востоковедов, берберский вопрос в Марокко, долгое время остававшийся забытым, постепенно, вследствие не всегда гибкой политики арабизации, начинает приобретать новое политическое значение, что находит выражение в наметившейся тенденции к его обострению и превращению в будущем в важный фактор влияния на внутривосточную обстановку в стране. По их мнению, об этом свидетельствуют факты налаживания берберскими партикуляристами регулярного выпуска своей пропагандистской литературы и организации практически во всех марокканских университетах групп по изучению и модернизации языка, культуры и традиций берберов, которые издают по этим вопросам различные научные труды, с целью способствовать объединению берберского населения вокруг своих организаций и их изоляции от арабов.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что берберский вопрос в последние годы стал приобретать важное значение в общественной и политической жизни Марокко. Непрерывно ухудшающаяся экономическая и социальная обстановка в стране, которая усугубляется неурегулированностью западносахарской проблемы, создает благоприятные условия для деятельности берберских партикуляристских организаций. При определенных обстоятельствах все это может быть использовано реакционными кругами страны для обострения в ней межэтнических отношений. Тем самым этносоциальная проблема берберов постепенно может превратиться в национальную по своему характеру. Такое предположение основано на фактах марокканской истории, свидетельствующих, что иностранные колонизаторы успешно использовали вражду между арабами и берберами для достижения своих целей.

При этом следует отметить, что большинство берберских партикуляристов в настоящее время связаны с ведущими западными странами, в частности с США и Францией, и рассчитывают на их поддержку, что позволяет этим державам использовать берберскую этносоциальную группу (по крайней мере ее партикуляристских лидеров) для оказания давления на марокканские правящие круги в случае возникновения угроз американским или французским интересам в стране.

Примечания

Введение

¹ У различных марокканских и западных авторов нет единого мнения о процентном отношении арабов и берберов в Марокко. Они определяют численность берберов от 20 до 70% общего числа населения.

² Все они выражают интересы проправительственной группировки Национальное объединение независимых (НОН) и выступают в защиту существующего режима.

³ «Аль-Баян» — орган Партии прогресса и социализма (ППС), выходящий ежедневно на арабском и французском языках. Французский вариант газеты рассчитан на прогрессивную часть трудящихся, интеллигенцию, иностранные круги. Арабское издание предназначается главным образом для рабочих и сельского населения.

⁴ «Либерасьон», а также газета «Аль-Мухаррир» отражают левонационалистические демократические позиции партии Социалистический союз народных сил (ССНС).

⁵ Является влиятельным органом партии «Истикляль» и отражает интересы средней и крупной национальной буржуазии, националистически настроенных интеллигенции и молодежи.

Общественно-экономические отношения в берберских районах Марокко накануне и в период протектората

¹ Аналогичный процесс имел место на Арабском Востоке (см. [55, с. 8—9]).

² В 1829 г. марокканский флот был разгромлен австрийцами и перестал фактически существовать. В 1844 г. войска Марокко, пытавшиеся помочь алжирскому вождю эмиру Абд аль-Кадиру, потерпели поражение от французов. В 1869 г. Марокко проиграло войну с Испанией и вновь потерпело неудачу в стычке с ней в 1893 г. С 1856 г. началось проникновение в Марокко и Англии.

³ В 1960 г. численность населения Марокко составляла 11 млн. 626 тыс., в 1967 г. она увеличилась до 14 млн. 140 тыс. [28, с. 10—11]. На январь 1981 г. численность населения страны составляла 20,13 млн. [12, с. 308]. Для Марокко характерен высокий темп (3,4%) естественного прироста населения [74, с. 122].

⁴ Как замечает советский специалист Г. Н. Уткин, около 2/3 всего экономически активного населения по-прежнему живет сельским хозяйством, дающим свыше 30% валового национального продукта (см. [83, с. 5]).

⁵ Французский автор А. Аяш подразделял земли колонистов на

четыре категории: мелкие земельные участки (1—2 га); участки мелкой колонизации (5—40 га); средней (200—250 га) и крупной (см. [33, с. 177]).

⁶ Арендная плата взималась, как правило, натурой и достигала от $\frac{4}{5}$ до $\frac{7}{8}$ урожая.

⁷ Испанский капитал стал внедряться позже, в гораздо меньших масштабах и не столько в промышленность, сколько в строительство и сельское хозяйство, а также в торговлю и транспорт.

⁸ Еще до установления режима протектората Марокко было опутано займами этого банка (см. [73, с. 37]).

⁹ В настоящее время основную массу населения Марокко составляют берберы, арабизированные берберы и арабы. Французские источники, отмечающие широкое распространение арабского языка в этой стране, в то же время утверждают, что большинство марокканцев — берберы. Этой же точки зрения придерживаются и сами берберы. По данным советского исследователя В. П. Верина, посетившего Марокко в начале 70-х годов, говорящие по-берберски составляли 50—60% населения страны [39, с. 39]. Примерно столько же марокканцев говорили по-арабски, так как 15% их были двуязычны. На иностранных языках (французском, испанском) в первые годы независимости говорило около 7,34% всего населения (см. [24, с. 808; 93, с. 280]), а в настоящее время — около 5%. Почти все они — марокканцы, так как жившие до 1956 г. в Марокко европейцы (около 110 тыс. человек) в основном покинули страну [29, с. 21].

¹⁰ Антропологи не обнаруживают у современных берберов заметного единства физических черт. Но берберы (за исключением метисов) всегда были народом белой расы, близким по своим соматическим признакам к народам Южной Европы. Специалисты выделяют некоторые типы берберов. Так, например, в Алжире резко выделяется кабилский тип, в Марокко единство физических черт сохраняют *риффы*, *илехи* [180, с. 16—17].

¹¹ Это объясняется тем, что берберы различных районов долгое время (иногда веками) жили обособленно друг от друга, находясь под влиянием различных народов (арабских и африканских, турок, испанцев, итальянцев и французов) и ведя разный образ жизни (кочевников в пустыне, оседлых земледельцев в горах, торговцев и ремесленников в городах).

¹² По другим сведениям, *харатины* — потомки взятых в плен африканцев, расселенных в оазисах марокканскими султанами.

¹³ Во время режима протектората союз племен *заер* активно выступал против французских оккупантов во главе со своим предводителем кайдом Абд ас-Саламом аль-Уаззани. Кроме того, в антиколониальной войне отличались племена *бени ахсен* и *заян*. *Заян* было многочисленным и могучим племенем. Его кайдом был Моха у Хамму, который прославился в партизанской борьбе против французских захватчиков.

¹⁴ Берберы *земмур* поселились близ Рабата в конце прошлого века, а еще в XVI в. жили в предсахарских районах.

¹⁵ *Бени мтир* имеет и берберское название — *аит ндхир*. Такое двойственное название говорит о его культурном и географическом положении на стыке арабо-берберских зон. В настоящее время члены этого племени называют себя *бени мтир*.

¹⁶ Племя *бени мтир* имело десять ответвлений [179, с. 10—71].

¹⁷ В годы французского протектората отличительные особенно-

сти социально-политической организации *бени мтир* и других среднеатласских племен постепенно начали стираться.

¹⁸ Эти племена были известны еще в XVII в., как враждебно настроенные в отношении *аит атта*.

¹⁹ Поэтому их называли еще «бакалейщиками».

²⁰ Со времени сопротивления (в начале 50-х годов) по пятницам работа рынков была запрещена партией «Истикляль», как противоречащая установлениям ислама.

²¹ Рынок нередко соседствует с гробницей святого, где можно принести пожертвования и давать обеты.

²² Обычно все предметы купли и продажи (скот, овощи, фрукты, предметы домашнего обихода и т. д.) также находились в одном и том же месте рынка, особенно с тех пор, как французские и испанские власти протектората превратили рынки в эффективные пункты контроля над племенами. До протектората рыночное место совсем не было оборудовано. Но когда испанцы образовали свои посреднические посты, а французы — свои «бюро по туземным делам» на рынках, то, естественно, результатом этого было строительство постоянных лавок по всем четырем сторонам рынка, который занял определенное, специально оборудованное и обнесенное стеной место.

²³ Рифскому племени *аит варьягар* свойственно также уникальное явление для Марокко — наличие женских рынков, которые не могут посещать мужчины [161, с. 140].

²⁴ Обычно родственники не принимали выкуп, предпочитая мстить лично убийце или его ближайшим родственникам.

²⁵ Этот штраф равномерно делился между членами совета кланов, которым принадлежал рынок.

²⁶ Это имело место до прихода к власти в Рифе Абд аль-Кри-ма, который в 1921—1926 гг. внес изменения в рифские обычаи.

²⁷ Десять человек сопровождали своего соплеменника и в его ритуальном побеге в случае убийства им члена племени, но они через три дня возвращались домой и вели переговоры о мире.

²⁸ Миграция в крупные марокканские города свойственна в основном берберам и — реже — арабоязычным марокканцам. Чтобы разобраться в этом, необходимо помнить, что берберы отличались от других марокканцев не только языком, но и, в частности, судебной системой. Большинство берберов соблюдали старые обычаи, на которые неизбежно, в большей или меньшей степени, повлиял коранический закон. Однако обычаи эти все же во многом отличались от освященного Кораном шариата. В частности, по этим обычаям, особенно крепким у *рифов* и *имазигенов* (так называли себя *брабер*, говорившие на тамазигте), женщина лишалась вопреки шариату права на наследство. *Шлехи*, более набожные мусульмане, допускали также право женщины, правда чисто теоретически [95, с. 328—329].

²⁹ В настоящее время выходцы из племени *аит мзаль* удерживают монополию на транспорт между населенными пунктами долины Сус и крупными городами северного Марокко.

³⁰ Так называли не только уроженцев долины Сус, но и всех *илехов*, а в некоторых случаях — даже просто берберов-горожан, если они противопоставляли себя арабам.

³¹ Территория племенных ответвлений, как правило, невелика, так что жители даже самых отдаленных деревень могут добираться

ся до места сбора без особого труда; приняв участие в родовом собрании, они в тот же день могут вернуться домой.

³² *Дуар* — исторически ветвь племени («круг палаток»), ныне — крупное селение.

³³ Сибба (по-арабски *сибаа*) — букв. «львы». Подразумеваются не покорявшиеся султану воинственные племена.

³⁴ Марокканский исследователь Идрис Бен Али считает даже, что в XVI—XIX вв. на территории Билад аль-Махзан господствовал феодализм, а на территории мятежных племен — «общинный способ производства». Другие марокканские авторы (например, А. Беляль) оспаривают феодальный характер общественных отношений на территории махзана [90, с. 17—18].

³⁵ В соответствии с переписью 1960 г., племя *аит варьягар* в Центральном Рифе (провинция Эль-Хосейма) было самым большим в северной зоне. Его составляли 75 895 человек. В 20-е годы племя было главной опорой Республики Риф, в течение пяти лет отбивавшей натиск Испании и Франции.

³⁶ Подробно о функциях марокканских племен говорится в статье Дэвида Харта (см. [135, с. 171—237]).

³⁷ Посредством женщин, однако (выдавая их замуж в другой род клана или в другой клан или племя), обеспечивали или усиливали родственные связи, т. е. женщины служили пассивным орудием политики, сами не имели права ни голоса, ни выбора.

³⁸ У *аит хадижду* не устанавливается никаких ограничений, а у *аит атта* мужа могут запретить своим бывшим женам выйти замуж за тех мужчин, с которыми они прелюбодействовали [179, с. 60—61].

³⁹ Общепринятая практика как в Рифе, так и среди *аит атта*.

⁴⁰ Согласно Корану дочери наследуют половину того, что получают сыновья.

⁴¹ Фес — одна из четырех столиц Марокко и место резиденции короля Хасана II.

⁴² Абд аль-Крим аль-Хаттаби был избран президентом Рифской республики, созданной объединившимися племенами Рифской области Марокко (подробнее см. [65, с. 21—22]).

⁴³ Таким образом, существовали две совершенно раздельные цепи приказаний, причем низ одной лестницы совпадал с верхом другой, но при этом не соприкасались.

⁴⁴ Незнание членами совета бюджетных процедур превращало в ничто эту единственно реальную функцию коммуны, так как она во многом зависела от субсидий махзана. Совет имел право выражать свое мнение по 15 другим вопросам, но лишь с одобрения вышестоящих властей [113, с. 34].

⁴⁵ Активного участия в борьбе против французов племена Центрального Рифа не принимали, хотя испанские власти Татвана предупреждали французскую администрацию, что территория Центрального Рифа может стать опасной зоной. Фактически племя *аит амарт*, юго-западные соседи *аит варьягар*, находившееся тогда в испанской зоне, практически помогало Армии освобождения гораздо больше, чем другие племена района (см. [137, с. 44—45]).

⁴⁶ Одним из первых губернаторов провинции после получения независимости был негр из Касабланки, что также не способствовало смягчению напряженности. Власти явно забыли, что в свое время главной причиной того, что племя *аит варьягар* (единственное

в Рифе) единодушно восстало против претендента на трон Бу Хмара (1908 г.) и разбило его армию на р. Нкур, было не предпочтение племенем правления законного султана, а скорее то, что армией претендента командовал негр [111, с. 50—53].

⁴⁷ Характерно, что героическая эпопея Республики Риф в 1921—1926 гг. и личные заслуги Абд аль-Крима до настоящего времени всячески замалчиваются королевским правительством и официальной марокканской историографией.

⁴⁸ В 1946 г. была создана Демократическая партия независимости (ДПН), включившаяся в борьбу за независимость Марокко. Руководство ДПН, как и партии «Истикляль», находилось в руках национальной буржуазии и буржуазной интеллигенции. Разница в программах заключалась в том, что «Истикляль» стояла за полную и безоговорочную поддержку короны, а ДПН — за конституционную монархию (см. [75, с. 183]).

⁴⁹ Жбил Хмам находится на высоте 1900 м над уровнем моря и является сердцем всей территории племен в центре Рифа.

⁵⁰ Мулай Хасан непосредственно командовал королевской армией, направленной на усмирение племен в Эль-Хосейме [191, с. 86—87].

Социально-политические сдвиги и усиление берберской элиты в Марокко в 50—60-х годах

¹ В инструкции командирам карательных отрядов прямо указывалось, что репрессии необходимо проводить сурово, не останавливаясь перед сожжением деревьев и посевов, «так как опыт показывал, что великодушные истолковываются как слабость и побуждают марокканцев к новым нападениям» (цит. по [87, с. 179]).

² Политика испанских властей в северной зоне также варьировалась между конфискацией земель непокорных племен и консервацией архаичных порядков в племенах, верхушка которых примкнула к колонизаторам. Однако испанцы, особенно после прихода к власти генерала Франко, объявившего себя «покровителем ислама», всячески подчеркивали свою якобы более «проарабскую» и «происламскую», чем у французов, позицию.

³ В частности, земли племен *гши* (поставлявших махзану военную силу) с 1914 г. признавались «частным владением государства». Однако с 1919 г. власти протектората признали эти племена владельцами своей земли — после их отказа от части ее в пользу колонизаторов [33, с. 176].

⁴ Окончивших академию направляли на службу в прокуратуру и органы безопасности [21, с. 36—37].

⁵ Берберский дахир был издан марокканским султаном по требованию французской администрации. Согласно его первой статье, все правонарушения, совершенные марокканцами в племенах, придерживавшихся берберских обычаев, рассматривались не шариатскими кади, а главами племен, которые отныне должны были подчиняться французскому бюро военной разведки [66, с. 195; 27, с. 312]. Основные принципы дахира готовились еще первым французским генеральным резидентом Лиотэ в 1923—1924 гг. [133, с. 74].

⁶ Султан Мухаммед Бен Юсеф в 1957 г. принял титул короля под именем Мухаммеда V.

⁷ Неравномерность социально-экономического развития характерна не только для Марокко, но и для всех арабских стран, находящихся на различных стадиях общественно-экономического развития (подробно см. [72, с. 42]).

⁸ Формирование национальной буржуазии Марокко началось в период протектората и происходило в ожесточенной борьбе с французской монополистической буржуазией [40, с. 107].

⁹ Численность предпринимателей, использующих и не использующих наемный труд, составляла 1313,4 тыс. человек [11, с. 40].

¹⁰ В отличие от Марокко в Тунисе уже через три месяца после провозглашения независимости почти $\frac{2}{3}$ чиновников прежнего аппарата были заменены в основном активистами пришедшей к власти партии «Новый Дустур» [47, с. 92].

¹¹ После достижения независимости непомерно увеличился управленческий аппарат, намного превысив число чиновников администрации протектората.

¹² В марокканских учебных заведениях в начале 70-х годов из-за нехватки национальных кадров работало 8 тыс. французских преподавателей. Квалификация местных преподавателей значительно ниже, чем иностранных. Только 50% марокканских преподавателей вузов имеют ученые степени [98, с. 156]. Из 250 учеников, принятых в начальную школу, только один поступает в вуз (см. [97, с. 32]).

¹³ Для сравнения укажем, что, по оценке ЮНЕСКО, в Африке к 1970 г. насчитывалось 58,2 тыс. специалистов инженерно-технического профиля [35, с. 239].

¹⁴ Касабланка была и остается важным промышленно-экономическим центром Марокко. Она играет доминирующую роль в промышленной, финансовой и торговой жизни страны. Еще в 1960 г. 60% всей продукции марокканской промышленности приходилось на долю Касабланки. Здесь использовалось 58% всей промышленной рабочей силы страны. 75% всей иностранной торговли проходило через Касабланку, здесь же располагались центральные конторы всех банков [188, с. 241]. В том же году общая численность населения г. Касабланки составляла 958 тыс. человек. Из них 770 тыс. — мусульмане, 45 тыс. — европейцы и 7,3 тыс. — евреи [163, с. 40; 167, с. 20].

¹⁵ Это соперничество определяется и множеством других конфликтных ситуаций, не связанных непосредственно с принадлежностью к берберам или арабам.

¹⁶ Некоторые *шерифские семьи* жили в ужасной бедности, хотя есть среди них и разбогатевшие дельцы.

¹⁷ Некоторые видные семьи *фаси* обосновались в г. Касабланке еще до начала XX в. и использовали в своих интересах растущую торговлю, проходящую через порт. Они преобладали в импорте текстиля и занимались продажей готовых текстильных изделий во всем Марокко. Многие из них жили за границей — в Европе, Западной Африке и на Ближнем Востоке [118, с. 89].

¹⁸ Название «*суси*» происходит от речной долины на юге Марокко, вблизи г. Агадира. Торговцы *суси* — выходцы из долины гор Анти-Атласа. Они известны еще под названием «*шлех*», т. е. говорящие на берберском диалекте *ташелхит*. Однако это название менее точное, чем «*суси*», так как регион, где распространен этот диалект, включает все горы Анти-Атласа и часть Высокого Атласа.

¹⁹ Главным из этих факторов является проблема распределе-

ния материальных богатств на бедной земле. Борьба за ресурсы, которые были недостаточны, шла на разных уровнях: между деревнями, племенами, родами, семьями и т. д. (см. [95, с. 366]).

²⁰ Один из авторов, занимавшихся исследованием вопросов торговой деятельности и политики *суси*, — Джон Уотербэри — замечает, что «дело не в том, что они знали о трудностях и особенностях рыночной экономики, а в том, что не это было для них главным». Подробно останавливаясь на внутренней борьбе за коммерческий престиж, Уотербэри замечает, что борьба эта всегда шла за власть и положение и учитывала другие группы, такие, как *фаси*, только в той степени, в которой они касались коммерческой деятельности *суси* (см. [188, с. 233]).

²¹ Исторически термин «*блед*» (вошедший, кстати, кроме арабского во французский и некоторые другие европейские языки) происходит от арабского слова «*бияд*», т. е. «страна» (в данном случае — страна племени).

²² Например, если племена *аит баха* и *аит мзаль* занимались торговлей табачными изделиями, то племя *аит амилън* занималось бакалейной торговлей, а *ида-у-семлал* — торговлей хлопчатобумажными изделиями (см. [143, с. 232]).

²³ Интенсивная торговля в это время отмечалась в городах Танжере, Татване и других на севере Марокко. Приток товаров в них был особенно велик, поскольку север Марокко был удобен как для доставки, так и для вывоза товаров морским путем.

²⁴ В густонаселенных районах соперничество возникало по вопросам пользования землей, водой или из-за женщин. Конфликты участились в конце XIX — начале XX в., поскольку в это время объективные факторы (перемена занятий, места и образа жизни, доходов) стали более заметными и вызвали определенную психологическую напряженность, сопровождавшую перестройку всей жизни берберов (см. [156, с. 240]).

²⁵ В повседневной жизни рабочей группой для любого отдельного представителя *суси* могла быть племенная подгруппа, соперничающая с другими такими группами за привлечение новой клиентуры. Но в чисто племенной ситуации внутренние конфликты подавлялись в целях племенной и даже политической и коммерческой сплоченности *суси* [95, с. 370].

²⁶ Они стали участвовать и в сфере обслуживания — начиная от портняжной и парикмахерской и кончая гаражами и ресторанами.

²⁷ Некоторые берберы вместе со своими хозяевами-евреями стали оптовыми торговцами пищевыми продуктами, а также такими импортными товарами, как чай (см. [117, с. 61]).

²⁸ По подсчетам Ж. Мьежа, еще до достижения Марокко независимости (1956 г.) в сельской местности отмечалась высокая потребность в сахаре (около 25% общих семейных затрат шло на покупку чая и сахара). В это время годовое потребление сахара в Марокко составляло свыше 30 кг на человека (см. [160, с. 380—381]).

²⁹ ОНТ не занималось прямым распределением и продажей чая, но назначало розничные цены на каждый сорт. Для компенсации импортерам и оптовикам, пострадавшим от создания этого органа, Национальное управление чая выдавало 137 лицензий на оптовую продажу чая. Эти лицензии подразделялись на шесть категорий в соответствии с разным количеством чая, предназначенного для отдельных оптовиков ежемесячно. Торговец первой категории полу-

чал 7,3 т чая в месяц, шестой — 0,45 т. К концу 60-х годов было уже около 1500 владельцев, имеющих лицензии ОНТ.

³⁰ Оптовики-*суси*, всего лишь несколько десятилетий назад переставшие быть пастухами, успешно проводили крупномасштабные коммерческие операции. Они обеспечили себе стратегическое положение в торговой системе.

³¹ *Суси*, которые эмигрировали на север, занимались политикой и после достижения Марокко независимости. Некоторые буржуазные авторы характеризуют политическую деятельность *суси* как следствие усиления этой группы с коммерческим интересом и стремлением укрепить свою исключительность.

³² *Медина* (араб. *мадина* — город) — термин, употребляемый в Марокко для обозначения старинной мусульманской части города.

³³ После незаконной высылки французами марокканского султана (1953 г.) многие *суси* участвовали в организации городских вооруженных групп сопротивления, а некоторые активно сражались в сельских отрядах Армии освобождения.

³⁴ Право голоса на выборах в торгово-промышленную палату имели только марокканцы, зарегистрированные в «Коммерческом регистраторе» (приблизительно 8 тыс.).

³⁵ Марокканский союз торговцев, промышленников и ремесленников был образован в марте 1956 г. Президентом этого союза стал Мухаммед Лараки, известный касабланский текстильный импортер, выходец из г. Феса. Вторым лицом в Союзе был Мухаммед бен Джилали Беннани, также *фаси*.

³⁶ Поэтому те привилегии, которые Союз торговцев пытался получить от правительства, и деятельность, проводимая от имени членов союза, всегда были на пользу торговой элите и процветающим промышленникам.

³⁷ Внутри партии соперничали две фракции: профсоюзная и руководство движения сопротивления, к которым позже примкнули Бен Барка и Буабид. Обе в противоположность старой гвардии партии, стремившейся избежать конфронтации с троном, были сторонниками ограничения власти короля.

³⁸ Сторонники НСНС больше уже не стояли у власти: король был явно недоволен новой партией, и поддержка партии НСНС могла вызвать недовольство официальных кругов. Торговцы-*суси*, поддерживая НСНС на выборах в мае, не выразили большого желания сделать то же самое в декабре.

³⁹ ФЗКИ был враждебен не только НСНС, но в большей степени партии «Истикляль» и интересам *фаси*, которых она представляла.

⁴⁰ Захватив власть, партия «Истикляль» старалась распространить ее на всю страну, пытаясь сделать из своей организации горнило, где бы переплавлялись и стирались все черты берберской самобытности. Лидеры партии старались заставить замолчать своих идейных противников. Журнал «Ламалиф» писал: «С политической точки зрения „Истикляль“ представляет собой огромное племя или братство с довольно сильными националистическими притязаниями, отлучая всех своих противников или просто тех, кто не входит в их семью» (см. [203, 1972, № 3, с. 22]).

⁴¹ Партия и двор расходились прежде всего в вопросе о полномочиях министерств и о королевской прерогативе в случае назначения или снятия с поста членов правительства. «Истикляль» требова-

ла, чтобы премьер-министром был представитель партии, а министры были бы полностью ответственны за деятельность своих ведомств и премьер осуществлял эффективный контроль за проведением правительственной политики [185, с. 205].

⁴² Меморандум, сформулированный в более решительных и определенных выражениях, чем коммунике, требовал, чтобы в дахире была четко определена ответственность каждого министра. В определенном смысле это был ультиматум королю, который должен был либо добровольно ограничить свои полномочия, либо в противном случае столкнуться с оппозицией, представленной партией «Истикляль» (см. [209, 23.04.1959]).

⁴³ Мессауд Шигуер с 1952 по 1955 г. был членом Временного исполнительного комитета партии «Истикляль», а в 1960 г. вошел в состав первого имперского кабинета. В 1957 г. он стал генеральным директором королевского кабинета, и поэтому его считали близким королевскому дому. Ахмед Лиязиди, бывший офицер французской армии, был братом Мухаммеда Лиязиди, члена исполкома партии «Истикляль» (см. [208, 02.07.1958, с. 4]).

⁴⁴ *Каиды* одновременно были и правителями племен, и судьями, и военачальниками, и сборщиками налогов. Теми же функциями в роде обладали *шейхи* (см. [65]). Но в первую очередь каид — военачальник, а затем уже назначенный махзаном чиновник, управитель округа. Формально каиды были выше шейхов, хотя на деле последние не всегда им подчинялись. Каиды, в свою очередь, были в подчинении паши, управлявшего областью. Это обстоятельство не мешало ни каиду, ни паше одновременно быть шейхом какого-либо рода.

⁴⁵ Во встрече приняли участие всего несколько гражданских лиц: Ахардан, Лиуси, Гедира и Лагауи.

⁴⁶ «Народное движение» пользовалось широкой поддержкой в основном в Рифе и Среднем Атласе, т. е. в зонах диалектов тарифит и тамазигит. Того нельзя сказать о шлехах и вообще о берберах Юга, которым, особенно в городах, менее свойственна регионально-диалектальная ограниченность.

⁴⁷ В ходе расследования заговора были проведены аресты деятелей НСНС.

Современная роль берберской этносоциальной группы в общественно-политической жизни Марокко

¹ На выборах в мае 1963 г. кандидат от партии «Истикляль» (*фаси* из Хенифры), поддержанный племенами, легко одержал победу над лидером берберов Ахарданом [14, с. 27].

² По словам американского специалиста Дж. Зартмана, офицеры королевской марокканской армии «были элитной группой — аристократами... часто сыновьями купцов или пашей и племенных вождей» (цит. по [79, с. 27]).

³ Незаконные доходы представляли собой существенный аспект контроля за элитой. Отдельные представители элиты, уходя в отставку, утешались «накопленными трофеями», например Али Бенжеллун, бывший посол в США, а затем министр юстиции, уволенный в 1967 г. Но некоторым приходилось за всех расплачиваться. Так, в апреле 1971 г. за коррупцию были расстреляны Мамун Тахири — ми-

нистр финансов и Яхья Шефшауни — генеральный директор бюро шахт (БРПМ) [185, с. 221].

⁴ Генерал Медбух — родом из Рифа. Сын канда, который под-держивал французов в их действиях против вождя рифов Абд аль-Крима. До установления независимости карьера Медбуха была типичной для многих молодых знатных берберов. Он получил образование в военном коллеже Дар-эль-Бейда в Мекнесе и успешно служил во французской армии. После 1956 г. был назначен губернатором провинции Уарзазат, откуда впоследствии направил колонну против восставшего соратника — губернатора Ади-у-Бихи — в соседнюю провинцию Тафиалет. В 1958 г. заменил Махджуба Ахардана на посту губернатора г. Рабата (Ахардан был смещен с этого поста за не санкционированное властями основание партии «Народное движение»), а затем стал адъютантом короля Мухаммеда V. В 1967 г. Медбух был назначен директором королевского военного двора, а через год стал бригадным генералом (подробно биографии восставших офицеров см. [186, с. 418—420]).

⁵ Абабу был начальником школы унтер-офицеров в Ахермуму и личным другом принца Мулая Абдаллаха, брата короля. М. Абабу родился в 1936 г. в районе Риф, в Акнуле — родном городе М. Медбуха. Последним обстоятельством некоторые авторы и объясняют контакты между Медбухом и Абабу (см. [186, с. 402]).

По мнению А. Корама, Абабу выражал интересы нового поколения офицеров, не имевших колониального прошлого или особых связей с монархией, целью которых являлось установление военного режима, аналогичного режимам во многих современных государствах Африки и Ближнего Востока [114, с. 427].

⁶ Амахзун Хамму родился в 1915 г. в г. Хенифре. Его род стал влиятельным в период протектората. На одной из дочерей генерала женился принц Хасан. В период второй мировой войны Хамму служил во французских войсках, в том числе в Индокитае. После 1956 г. он командовал наемными войсками и был назначен губернатором Рабата. Во время переворота Хамму был командующим военным округом Рабат — Кенитра (см. [186, с. 419]).

⁷ Генерал Бугрин, 1924 г. рождения, происходил из рифского племени *аит варайн*. Его карьера, как и карьера Медбуха и Хамму, началась на службе во Франции и в Индокитае. Отец Бугрина при французах был кандом и погиб в борьбе с Абд аль-Кримом. После обретения страной независимости Бугрин был губернатором трех провинций, а с июля 1971 г. — командующим военным округом Фес—Таза.

⁸ Генерал Мустафа Амхареш родился в 1923 г. в Аль-Хаджебе в племени *бени мтир*. Был директором военной академии в Мекнесе, а в 1971 г. — директором военных училищ.

⁹ Генерал Абд ар-Рахман Хабиби, 1923 г. рождения, происходил из племени *бени мтир*. Служил в королевской жандармерии, а в 1971 г. был командующим Марракешским военным округом (см. [186, с. 419]).

¹⁰ Полковник Ларби Шелуати родился в Ахермуму, соединяющем Средний Атлас с горной цепью Рифа. Шелуати принадлежал к поколению Медбуха и Уфкира. Как и они, до установления независимости Марокко он служил во французской армии, занимал важные посты в королевской армии (командовал ее техническими войсками), затем, до назначения губернатором провинции Уджда в 1965 г., возглавлял военный коллеж Дар аль-Бейда. Шелуати был

родственником Бен Аллема, бербера из Уджды, влиятельного лица в министерстве внутренних дел. Все это, конечно, затрудняло возможность доказательства причастности Шелуати к заговору (см. [114, с. 428—429]).

¹¹ Мекки Гарбауи — бербер из Среднего Атласа. Образование получил в коллеже Азру, а затем учился в военной академии в Мекнесе. В период путча возглавлял всех королевских адъютантов. После 10 июля король назначил на этот пост кузена генерала Медбуха — Хасана Хаму.

¹² Медбух был ранен личным врачом короля Фадилем Бениячем, когда пытался обезоружить того в спальне короля. По другой версии, он пытался спасти доктора от кадетской пули и был ранен выстрелом, убившим Бенияча [186, с. 411].

¹³ Восставшие к этому времени распространили обращение на арабском и французском языках с сообщением об уничтожении королевского режима. Однако преданным трону офицерам удалось связаться с радиостанцией в Танжере и опровергнуть это сообщение.

¹⁴ Уфкир был известен своей жестокостью при подавлении рифского восстания 1958—1959 гг. и мятежей в Касабланке в 1965 г. Будучи после 1960 г. главой полиции по охране порядка, он сыграл важную роль в тайных операциях, по ликвидации марокканских прогрессивных политических деятелей, в том числе эмигрировавших (включая Мехди Бен Барку), и в установлении над политической жизнью страны эффективного контроля полиции. Уфкир имел мало союзников и друзей среди марокканской элиты.

¹⁵ Каковы бы ни были опасения относительно генерала Уфкира, Хасан все же решился предоставить ему власть, чтобы провести чистку в армии и переформировать офицерский корпус, во многом заново.

¹⁶ Чтобы ослабить социальное неравенство, которое «осудил» король, были предприняты некоторые временные меры. Министерство сельского хозяйства объявило об изъятии у французских поселенцев 300 тыс. га земли и раздаче ее марокканским земледельцам. Высокие налоги на прибыль были еще увеличены, а цены на сахар, установленные в 1965 г., понижены на 18%. Зарботная плата в общественном секторе была повышена на 15%, невзирая на потолок, установленный в 1960 г.

¹⁷ Партия «Истикляль» внесла свой вклад в распространение идеи «берберского заговора», так что после неудавшегося переворота городские обыватели говорили: «Если бы они совершили переворот, они раздавили бы нас, как тмин» (см. [156, с. 431]).

¹⁸ Чрезмерное проявление враждебности к ним могло бы вызвать опасную реакцию среди сельского населения. Снисходительность, оказанная после путча племенам, выдвинувшим заговорщиков, говорит о попытке умиротворить сельское население.

¹⁹ Выработанная советниками короля, она предусматривала однопалатный парламент, $\frac{2}{3}$ которого должны были избираться прямым голосованием. Новый парламент имел право предлагать конституционные изменения.

²⁰ Было рассмотрено несколько предложений. Первое заключалось в том, что правительство должно состоять из членов Марокканского союза труда (МСТ), но Буабид отказался в нем участвовать. «Истикляль» не высказала желания заходить так далеко. Второе предложение заключалось в создании «мини-правительства» молодых технократов, но они, являясь лидерами второго плана, не поль-

зовались влиянием в правительстве. Король придерживался третьего мнения: правительство должно быть сформировано из основных руководителей политических партий. Кое-кто соглашался с предложением короля, но при условии, что он предоставит правительству более обширные права, не ограничивающиеся лишь организацией выборов.

²¹ Среди этих принципов основными являются принципы национальной независимости и установления демократических институтов, всеобщего и арабизированного образования, а также аграрная реформа и освождение национальной экономики путем национализации ведущих отраслей хозяйства, самоуправления и индустриализации. Остальные принципы касались роли Марокко в международной политической жизни.

²² В это правительство после десятилетнего отсутствия вернулся известный берберский деятель Хасан Земмури, бывший членом правительства Абдаллаха Ибрахима и президентом известной Ассоциации выпускников коллежа Азру. После 1960 г. он был генеральным секретарем торговой палаты в Касабланке. Благодаря поддержке торгового объединения *суси* он был избран президентом городского совета Касабланки в 1970 г. (см. [155, с. 432]).

²³ Уфкир сумел стать нужным королю, хотя Хасан II и не питал иллюзий относительно лояльности своего приближенного. С тех пор как в 1965 г. произошли события, связанные с Бен Баркой, Уфкир настороженно следил за тем, чтобы король, желая улучшить отношения с Францией (возмущенной «операцией» Уфкира на ее территории), не отошел от него. Не исключено, что Уфкир сам фабриковал слухи о заговорах, повлекшие за собой аресты и судебные процессы, с целью доказать королю свою полезность, убедить его в том, что только он располагает источниками сведений, недоступных даже королю.

²⁴ Один из сыновей Лахсена Лнуси.

²⁵ Одиннадцать из них, в том числе Амокран и Куера, были казнены в январе 1973 г.

²⁶ Подполковник Амокран заявил на процессе в Кенитре, что покушение имело целью образование революционного совета и уничтожение монархии. Если верить его заявлению, в состав совета входили почти все члены высшего марокканского командования, в частности Длими, Сефрауи и Дрис Бен Омар.

²⁷ Буабид высказался против предложения, заявив, что такие выборы не помогут стране, не выведут ее из тупика. Он предлагал избрать учредительное собрание, выражающее волю народа и призванное разработать новую конституцию [208, 20.08.1972, с. 4].

²⁸ В Алжире берберы (в основном кабилы, но также шауиия и др.) по сравнению с марокканскими в национальном отношении еще более интегрированы с основным арабским населением страны. Они составляют 25% населения. Берберская проблема существует только как региональная и социальная (крестьянские массы горной Кабилии считаются наиболее обездоленными, а алжирская буржуазия по происхождению — большей частью кабийская) [46, т. 2, с. 270].

²⁹ Лоурен Розен даже допускает, что внутривременная вражда между берберами была порой гораздо сильнее, чем между арабами и берберами [177, с. 156].

³⁰ *Джамаа* подчеркивали необычайную солидарность деревенской «республики» и чувство долга по отношению к коллективу, что вну-

шалось с раннего детства и руководило взрослыми, работающими во Франции. Долг чести требовал от них, чтобы они ежемесячно высылали деньги в свой род.

³¹ Превосходя *фаси* по численности в госаппарате, берберы все же уступают им по значительности позиций в этом аппарате. Кроме того, буржуазия *фаси* превосходит берберскую буржуазию по финансовой мощи, а следовательно, и по степени влияния на все прочие дела в государстве. В 1975 г. банковский капитал Марокко распределялся следующим образом: 35% — капитал госсектора; 37,5% — иностранный капитал; 27,5% — национальный частный капитал (в том числе группы *фаси* — 14,5%; группы *суси* — 5,5; группы *обла-сти* Гарб — 2,7; восточных областей — 1,3 и прочих — 3,5%) [90, с. 55].

³² Некоторые исследователи понятие правящей элиты сужают до ограниченного числа лиц, непосредственно входящих в правительство или связанных с ним [88, с. 85].

³³ При этом показательно отсутствие среди них противоречий расового характера, несмотря на то что среди населения Марокко (особенно среди арабоязычных горожан и жителей южных оазисов) немало темнокожих.

Использованная литература *

1. Маркс К. Британское владычество в Индии.— Т. 9.
2. Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии.— Т. 9.
3. Маркс К. Революция в Китае и в Европе.— Т. 9.
4. Ленин В. И. О брошюре Юниуса.— Т. 30.
5. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение.— Т. 25.
6. Ленин В. И. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам.— Т. 41.
7. Ленин В. И. Социальное значение сербско-болгарских побед.— Т. 22.
8. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
9. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
10. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва. 5—17 июня 1969 года.— М., 1969.
11. Африка. Статистический сборник.— М., 1969.
12. Марокко.— Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. М., 1981.
13. Annuaire de l'Afrique du Nord. Chronique politique Maroc. P., 1966.
14. Annuaire statistique de la zone française du Maroc. 1946—1953. Rabat, 1954.
15. Annuaire statistique du Maroc. 1963—1977. Rabat, 1978.
16. Demographical Yearbook 1968—1976. United Nations. N. Y., 1977.
17. L'école Mohammedia d'ingénieurs. Rabat. Maroc. UNESCO. P., 1967.
18. Le Marché marocaine. Rabat, 1959.
19. Marches tropicaux et méditerranéens. 1959, 1 août.
20. Le Maroc en chiffres, 1975—1977. Rabat, 1978.
21. Ministère d'état chargé de la coopération et de la formation des cadres. T. 1. D.E.P. Carriers. L'académie royale militaire de Meknes. Rabat, 1979.
22. Les problèmes d'enseignement au Maroc. Rabat, 1975.
23. Programme de Parti de l'Istiqlal adopté par le Congrès National à Casablanca les 8, 9 et 10 janvier 1960. [Б. м., б. г.].
24. Recensement de la population de 1960. T. 2. Rabat, 1961.
25. Recensement de la population. Rabat, 1978.
26. Resultats statistiques du recensement de la population civile de la Zone française de l'empire cherifien effectuée de 7 mars 1926. Casablanca, 1927.
27. Revue bimensuelle d'information. Rabat, 1978.
28. La Situation économique du Maroc au 1967. Royaume du Maroc. Secrétariat d'état chargé du Plan. Rabat, 1968.
29. Tableaux économiques du Maroc (1915—1959). Royaume du Maroc. Ministère de l'Economie Nationale. Rabat, 1960.
30. Аваков Р. М. Марокко от протектората к независимости. М., 1967.
31. Амин Саид. Восстание арабов в XX веке. М., 1964.
32. Ацамба Ф. М. Арабские страны.— История стран Азии и Африки в новейшее время. Ч. 2. (1945—1977). М., 1979.
33. Аяш А. Марокко. Итог одной колонизации. Пер. с франц. М., 1958.
34. Аяш Ж. Очерки марокканской истории. Пер. с франц. М., 1982.
35. Бернар О. Северная и Западная Африка. Пер. с франц. М., 1949.
36. Биро П., Дреш Ж. Средиземноморье. Т. 1. М., 1960.
37. Брутенц К. Н. Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979.
38. Брутенц К. Н. Современные национально-освободительные революции. М., 1974.
39. Верин В. П. На марокканской земле. М., 1972.
40. Виравов А. Г. Иностранный и национальный капитал в промышленности Марокко.— Краткие сообщения Института народов Азии. 1964, № 81.
41. Головин Ю. М. Марокко. М., 1964.
42. Гусаров В. И. Влияние социально-политической ориентации режимов на процесс экономического развития арабских стран.— Характерные черты социально-политического развития арабских стран в 1950—1970-е годы. Ер., 1980.
43. Датлин С. Народы Туниса, Алжира, Марокко в борьбе за независимость. М., 1953.
44. Жоли Ф., Аяш А., Фардель Ж., Сюэш А. География Марокко. Пер. с франц. М., 1951.
45. Завадовский Ю. Н. Берберский язык. М., 1967.
46. Зарубежный Восток и современность. Т. 1. М., 1980.
47. Иванов Н. А. Современный Тунис. М., 1959.
48. Искандеров А. А. Национально-освободительное движение. Проблемы, закономерности, перспективы. М., 1970.
49. История и экономика стран Ближнего Востока и Северной Африки. М., 1981.
50. Каджая О. Ш. Египет на пути борьбы (50—60-е годы XX века). Автореф. дис. на соиск. степени докт. ист. наук. Тб., 1980.
51. Катин В. К. Марокко. М., 1963.
52. Ким Г. Ф. и Шабшина Ф. И. Пролетарский интернационализм и революции в странах Востока. М., 1967.
53. Классы и классовая борьба в развивающихся странах. Т. 1. М., 1967.
54. Клеер Е. Анализ общественно-политических структур стран третьего мира. Пер. с польского. М., 1968.
55. Котлов Л. Н. Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке (середина XIX в.— 1908 г.). М., 1975.
56. Лазарев М. С. К национальной ситуации на современном Востоке (методологический подход).— Национальные проблемы современного Востока. М., 1977.
57. Ланда Р. Г. Кризис колониального режима в Алжире. 1931—1954. М., 1980.

* Работы К. Маркса и Ф. Энгельса приведены по 2-му изданию Собрания сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

58. Ланда Р. Г. Проблема европейского меньшинства в Алжире.— Арабские страны. История. М., 1963.
59. Лебедев Д. Республика Риф. М.—Л., 1931.
60. Левковский А. И. Мелкая буржуазия: облик и судьбы класса. М., 1978.
61. Левковский А. И. Социальная структура развивающихся стран (Проблемы многоукладного, переходного общества). М., 1978.
62. Ли В. О бюрократической буржуазии в странах Азии и Африки.— «Азия и Африка сегодня». 1975, № 4.
63. Луцкая Н. С. К вопросу о марокканских берберях.— История и экономика стран Арабского Востока. М., 1973.
64. Луцкая Н. С. Марокко. М., 1958.
65. Луцкая Н. С. Марокко вновь обретает независимость. М., 1958.
66. Луцкая Н. С. Очерки новейшей истории Марокко. М., 1973.
67. Луцкая Н. С. Республика Риф. М., 1959.
68. Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. М., 1965.
69. Максименко В. И. Интеллигенция в странах Магриба. М., 1980.
70. Мирский Г. И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М., 1970.
71. Мирский Г. И. «Третий мир»: общество, власть, армия. М., 1976.
72. Оганесян Н. О. Неравномерное развитие арабских стран (50—70-е годы).— Характерные черты социально-политического развития арабских стран в 1950—1970-е годы. Ер., 1980.
73. Павлович М. П. Борьба за Азию и Африку. Л., 1924.
74. Павлукская Э. В. Отражение классовых противоречий марокканского общества в конституционном праве.— Арабские страны. Турция. Иран. Афганистан. История, экономика. М., 1973.
75. Политика Франции в Азии и Африке. 1945—1946 гг. М., 1965.
76. Пономарев Б. Актуальные проблемы теории мирового революционного процесса.— «Коммунист». 1971, № 15.
77. Потемкин Ю. В. Экономическая политика Франции в странах Магриба (1945—1955 гг.). М., 1960.
78. Примakov Е. М. Некоторые проблемы развивающихся стран.— «Коммунист». 1978, № 11.
79. Севортян Р. Э. Армия в политическом режиме стран современного Востока. М., 1973.
80. Симония Н. А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
81. Солоницкий А. С. Социально-экономическое развитие современного Марокко. М., 1965.
82. Ульяновский Р. А. Социализм и развивающиеся страны. М., 1972.
83. Уткин Г. Н. Марокко (экономико-географический очерк).— Африка. Т. 2. М., 1963.
84. Уткин Г. Н. Марокко (У карты мира). М., 1973.
85. Фицджеральд У. Африка. М., 1947.
86. Формирование рабочего класса стран Азии и Африки. Сб. статей. М., 1971.
87. Фрунзе М. В. Европейские цивилизаторы в Марокко.— Избранные сочинения. М., 1940.

88. Чешков И. Элита и класс в развивающихся странах.— Мировая экономика и международные отношения. 1970, № 1.
89. Abdaslam Ben Kaddour. The Neo-Makhzan and the Berbers.— Arabs and Berbers. Duckworth, 1973.
90. Abdel Aziz Belal. Developpment et facteurs non-économiques. Rabat, 1980.
91. Abdel Kader ben Barka. El Mahdi ben Barka, mon frère. P., 1966.
92. Abdelkebir Khatibi: Stratification sociale au Maroc. Rabat, 1967.
93. Abdel Malek Cherkaoui. Indicateurs socio-économiques du Maroc. Casablanca, 1980.
94. Abdulkhatib A. Maroc celui qu'on n'attendait pas. Demain l'Afrique, № 25. P., 1979.
95. Adam A. Casablanca: essai sur la transformation de la société marocaine au contact de l'occident. CNRS. T. 1. P., 1968.
96. Adam A. La maison et le village dans quelques tribus de l'Anti-Atlas.— «Collection Hespéris». P., 1951, № 13.
97. Ali Yata. Bilan de 16 années d'indépendance marocaine. Casablanca, 1971.
98. Alport A. The Mzab.— Arabs and Berbers.
99. Ammoun A. Les F.A.R. et le throne cherifien.— Etudes méditerranéennes. P., 1960.
100. Attilio Gaudio. Allal al-Fassi ou l'histoire de l'Istiqlal. P., 1972.
101. Aubin Eugène. Le Maroc d'aujourd'hui. P., 1922.
102. Ayache A. Le Maroc. Bilan d'une colonisation. P., 1956.
103. Bernard A. La France au Maroc. P., 1917.
104. Berque J. Le Maghreb entre deux guerres. P., 1962.
105. Bidwell Robin. Morocco under Colonial Rule. French Administration of Tribal Areas 1912—1956. L., 1973.
106. Bousquet G. H. Les Berberes. P., 1967.
107. Bremond G. L. E. La Berberie est un pays europeen. P., 1938.
108. Brown L. The Impact of the Dahir Berbère in Salé.— Arabs and Berbers. Duckworth, 1973.
109. Brown L. C. State and Society in Independent North Africa. Wash., 1966.
110. Cambon H. Histoire du Maroc. P., 1952.
111. Capot-Rey R. Le Sahara francais. P., 1953.
112. Chaoui M. A qui sert le service civil.— «Lamalif», № 100. Casablanca, 1978.
113. Cherkaoui A. Le contrôle de l'État sur la commune. Rabat, 1966.
114. Coram A. The Berbers and the Coup.— Arabs and Berbers.
115. Coram A. Note on the Role of the Berbers in Early Days of Moroccan Independence.— Arabs and Berbers.
116. Dahmani A. La tentation social-democrate.— «Jeune Afrique», № 258, 16 mai 1979.
117. Delisle St. L'Evolution sociale du Maroc. P., 1951.
118. Etudes sur le commerce interieure.— Division du plan et du statistiques. T. 3. Rabat, 1967.
119. Evans-Pritchard E. E. The Sanusi of Cyrenaica. Ox., 1949.

120. Favret J. Traditionalism through Ultramodernism.— Arabs and Berbers.
121. Ficowska J. Morocco-młode państwo w starym kraju. Warszawa, 1977.
122. Flamand P. Les communautés israélites du Sud marocain. Casablanca, 1950.
123. Gaudetroy-Demombynes R. L'Oeuvre française en matière d'enseignement au Maroc. P., 1928.
124. Geertz C. Old Societies and New States. Glencoe, 1963.
125. Gellner E. Introduction. 2.— Arabs and Berbers.
126. Gellner E. Patterns of Rural Rebellion in Morocco during the Early Years of Independence.— Arabs and Berbers.
127. Gellner E. Saints of the Atlas. London—Chicago, 1969.
128. Gentil L. Le Maroc physique. P., 1902.
129. Gibus H. Thron in Vakuum. Zur Lage in Marokko.— «Neues Forum». Vienne, 1973, lg., 20.
130. Girardet A. Urbanisme: appliquer un programme d'urgence. On ne peut laisser se développer des villes au gré des intérêts divers. Maghrib hebdo. Rabat, 25 juin 1978.
131. Guillaume G. A. Les Berbères et la pacification de l'Atlas central. P., 1946.
132. Halpern M. The Politics of Social Change in the Middle East and North Africa. Princeton, 1965.
133. Halstead J. Rebirth of a Nation: the Origins and Rise of Moroccan Nationalism, 1912—1944. Cambridge, 1967.
134. Hart D. M. Clan, lignage et communauté locale dans une tribu rifaine, in Douars et centres ruraux.— «Revue marocaine de géographie». 1965, № 8.
135. Hart D. M. Emilio Blanco Izaga and the Berbers of the Central Rif.— «Hesperis — Tamuda», 02.06.1968.
136. Hart D. M. An Ethnographic Survey of the Rifian Tribe of Ait Waryaghar.— «Hesperis — Tamuda», 01.02.1954.
137. Hart D. M. The Tribe in Modern Morocco: Two Case Studies.— Arabs and Berbers.
138. Hassan II. Le défi. Editions Albin Michel. P., 1976.
139. Hoche Ch. Maroc: Le désert coûte cher.— «Express». P., № 1449, 21 avril 1979.
140. Holey Ch. Morocco.— «Middle East». L., 1977, № 27.
141. Ibn-Khaldoun. Histoire des berbères et des dynasties musulmanes de l'Afrique septentrionales. T. 3. P., 1934.
142. Jean Chaumeil. Histoire d'une tribu maraboutique de l'Anti-Atlas: les Ait Abdallah au Saïd.— «Hesperis — Tamuda», T. 39, № 1. Rabat, 1952.
143. Jean Chaumeil. Le mellah du Tahala ou pays des Ammeln.— «Hesperis — Tamuda». T. 40. Rabat, 1953.
144. Jorivin Ch. La répression à Maroc.— «France nouvelle». P., avril 1979.
145. Julien Ch. A. L. Histoire de l'Afrique du Nord. 2 t. P., 1956.
146. Keenan J. H. Social Change among the Tuarag of Ahaggar (Algeria).— Arabs and Berbers.
147. Lacouture Jeanet Lacouture Simonne. Le Maroc à l'épreuve. P., 1958.

148. Lahbabi Mohamed. Le Gouvernement marocain à l'aube de XX-e siècle. Rabat, 1957.
149. Laroui A. L'histoire du Maghreb. P., 1970.
150. Leclerc R. Le commerce et l'industrie à Fez. Renseignements coloniaux. P., 1905.
151. Lekbir O. Place de l'espace en science économique. Bulletin économique et sociale du Maroc. Rabat, 1977.
152. Levy R. The Social Structure of Islam. Cambridge, 1962.
153. Lewis W. H. French-Speaking Africa: the Search for Identity. N. Y., 1965.
154. Lyautey H. Paroles d'action. P., 1948.
155. Maraïs O. Berbers and the Moroccan Political System after the Coup.— Arabs and Berbers.
156. Maraïs O. L'élection de la chambre des représentants du Maroc. Annuaire de l'Afrique du Nord. P., 1969.
157. Maraïs O. The Political Evolution of the Berbers in Independent Morocco.— Arabs and Berbers.
158. Micaud Ch. Conclusion.— Arabs and Berbers.
159. Miegé J. L. Le Maroc et le l'Europe. P., 1962, t. IV.
160. Miegé J. L. Origine et développement de la consommation du Maroc. Bulletin économique et social du Maroc. № 71.
161. Montagne R. Les Berbères et le Makhzen dans le Sud du Maroc. P., 1930.
162. Montagne R. La civilisation du désert. P., 1947.
163. Montagne R. La naissance du prolétariat marocain: enquête collective, 1948—1950. Cahiers de l'Afrique et de l'Asie, III. P., 1950.
164. Montagne R. La vie sociale et la vie politique des Berbères. P., 1931.
165. Montagne R. Villes et Kasbas berbères. P., 1930.
166. Moore C. H. Politics in North Africa. Boston, 1970.
167. Noin D. Population (1960): Atlas du Maroc. Rabat, 1963.
168. Ou en sont les partis politiques marocaines? — «Revue Maghreb». Rabat, 1965, № 7, Janvier—Février.
169. Ouardighi Abderahim. Les Enigmes historiques du Maroc indépendant (1956—1961). Rabat, 1979.
170. Ougrou J. Le fait berbère.— «Confluent». 1962, № 23—24.
171. Pallez G. Les marchands fassis. P., 1951.
172. Polanyi K., Arensberg C. M., Pearson H. W. Trade and Market in the Early Empires. Glencoe, 1957.
- 172a. William B. Quandt. The Berbers in the Algerian Political Elite.— Arabs and Berbers.
173. Rajab A. Surviving the Ideas of March. New African. L., 1979.
174. Rézette R. Les partis politiques marocains. P., 1955.
175. Roger Le Tourneau. Fez avant le Protectorat. Société marocaine de librairie et d'édition. Casablanca, 1949.
176. Roger Le Tourneau. La vie quotidienne à Fez en 1900. P., 1965.
177. Rosen L. Rural Political Process and National Political Structure in Morocco.— Rural Politics and Social Change in the Middle East. Bloomington—London, 1972.
178. Smith A. D. Theories of Nationalism. L.—N. Y., 1971.

179. Spilman Georges. Les Ait Atta du Sahara et la pacification du Haut Dra. Publications de l'Institut des Hautes Études Marocaines. Rabat, 1936.
180. Terrasse H. Histoire du Maroc. Casablanca, 1954.
181. Tiano A. Le Maghreb entre les mythes. P., 1967.
182. Troin J. F. Une nouvelle génération de centres ruraux au Maroc: les agglomérations commerciales. Trois exemples de centres ruraux en pays Zemmour, in Douars et centres ruraux.— «Revue marocaine de géographie». Rabat, 1965, № 8.
183. Villes et Tribus du Maroc. Le Charb (Les Djebala). T. 4. P., 1918.
184. Villes et Tribus du Maroc. Rabat et sa région. Les tribus. T. 3. P., 1920.
185. Waterbury J. Le commandeur des croyants. La monarchie marocaine et son élite, Presses universitaires de France. P., 1975.
186. Waterbury J. The Coup of 10 July 1971.— Arabs and Berbers.
187. Waterbury J. The Coup Manque. Arabs and Berbers.
188. Waterbury J. Tribalism, Trade and Politics: the Transformation of the Swasa of Morocco.— Arabs and Berbers.
189. Zaki M'Barek. Le mouvement populaire et ses avatars.— «Al-Asas», février 1978.
190. Zaky D. La rentrée économique: la plan et la crise.— «Lamalif». Casablanca, 1978, № 100.
191. Zartman J. W. Morocco: Problems of New Power. N. Y., 1964.
192. Абдаллах Уруби. Тарих аль-Магриб. Рабат, 1977.
193. Абдал Карим Галлаб. Истиклялия, акидати ва мазхаби барнамаджи. Дар аль-Байда, 1960.
194. Амр Абу Наср. Баталу ар-Рифи аль-амир Абд аль-Крим [Б. М., б. г.].
195. Ахмад Иса. Муджизат аль-Магрибия. Бейрут, 1975.
196. «Afrique française». P.
197. «Almaghrib».
198. «Al Bayane».
199. «Financial Times». L.
200. «France — Culture».
201. «Hesperis — Tamuda».
202. «Le Journal de Tanger».
203. «Lamalif». Casablanca.
204. «Le Journal de Tanger».
205. «Maghreb». P.
206. «Maroc Soir».
207. «Le Matin du Sahara».
208. «Le Monde».
209. «Le Petit Marocain».
210. «Revue Lamalif».
- 210a. «Le vie économique». Casablanca.
211. «Аль-Асас».
212. «Амал аш-шааб».
213. «Аль-Баян».
214. «Аль-Ильм».
215. «Аль-Мисак».
216. «Аль-Мукафих».
217. «Аль-Мухаррир».

Summary

The monograph *Berbers in Socio-Political Life of Morocco (1950s-70s)* by Z. Menteshashvili studies the position of Berbers as a specific ethnic and social group and their role in the socio-political affairs of today's Morocco.

The work makes use of a variety of sources, including field studies' materials provided by seven Moroccan towns and their adjacent villages visited by the author who had discussions with Moroccan scholars.

Analysed are the specific social stratification and organization of the Berber tribes, the differences in their position before and after Morocco gained independence, as well as the grounds for, and the essence of, the Berber particularism.

The division between Arabs and Berbers in Morocco reflects a specifically formed ethnic isolation, power rivalry and a multitude of feudal groupings, competition between ethnic groups of the national bourgeoisie—Fasi and Susi, seniority and competition among bureaucratic cliques.

The ruling dynasty, which is not interested in the unity to the working masses whose interests are identical and independent of ethnic affiliation, has been trying and is still trying to rouse strife between Arabs and Berbers and to use the Berber feudals and tribal nobility to suppress any opposition in the country.

The spread of the Berber particularism in Morocco over the last decades is inspired by the emergence of the Berber bourgeoisie which is not upon a par with the Arab bourgeoisie having a longer record and thus enjoying key positions.

The ruling circles' orientation towards Arabization of Berbers and actual infringement on their rich cultural traditions also adds to the progress of the Berber particularism.

Particularists' stirring up to activity, their creating new organizations, including clandestine ones, ever more challenge the monarchic regime, particularly given its undermined positions and the deteriorated economic and social situation in the country.

Western powers, primarily the US and France, have a deep concern in the Berber particularists trying to win them round to consolidate their positions in Morocco.

Содержание

Введение	3
Общественно-экономические отношения в берберских районах Марокко накануне и в период протектората	13
Проникновение европейских держав в Марокко на рубеже XIX—XX вв.	13
Территория расселения, миграция и образ жизни берберов	16
Социально-политическая организация берберских племен	30
Социально-политические сдвиги и усиление берберской элиты в Марокко в 50—60-х годах	44
Французская политика в отношении берберских племен	44
Берберы и характерные черты социально-политической структуры марокканского общества	56
Усиление роли берберской военно-бюрократической элиты в политической жизни страны	74
Современная роль берберской этносоциальной группы в общественно-политической жизни Марокко	87
Берберы, королевский двор и партия «Истикляль» в 60-е годы	87
Берберы и попытка государственного переворота в июле 1971 г.	92
Проблема берберского партикуляризма на современном этапе	114
Заключение	124
Примечания	129
Использованная литература	142
Summary	149

Заза Альбертович Ментешашвили
БЕРБЕРЫ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ МАРОККО
(50—70-е годы XX в.)

*Утверждено к печати
Тбилиским государственным университетом*

Редактор *Т. К. Гарушянц*
Младший редактор *Н. Н. Комарова*
Художник *Г. И. Шиф*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *Т. Н. Бычкова*

ИБ № 15144

Сдано в набор 27.08.84. Подписано к печати
03.01.85. А-02308. Формат 84×108^{1/32}. Бумага
типографская № 1. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. п. л. 7,98. Усл. кр.-отт.
8,19. Уч.-изд. л. 8,73. Тираж 1000 экз. Зак. 585.
Изд. № 5769. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031 Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28